

Геннадий Кумохин

**Когда мы
научимся летать**

Геннадий Вениаминович Кумохин

Когда мы научимся летать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70485307

SelfPub; 2024

Аннотация

Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми – совершенно случайно. Сюжет вне времени. Странная дама мечтает о собственном кафе, но вынуждена заниматься другим делом. Семидесятые. Юноша из военного городка, расположенного посреди бескрайней степи, мечтает о будущем. Милая девчущка приезжает к отцу на дачу в гоголевские места и встречает первую любовь. Всеобщая радикализация вынуждает молодых людей определиться с выбором своего места в неизбежной схватке добра со злом.

Содержание

Моя лучшая выдумка	4
«Сохраняйте чувство юмора, сэр»	4
Вот Мэри удивилась!	18
Когда мы научимся летать	31
Военный городок	31
«Атомное» озеро	78
Три рассказа о любимой	88
История одной фотографии	88
Валька	120
Карасик	149
Волчок	187
Стасик	215
«Маменькин сынок»	215
«Левша»	231
Родом из Больших Стерляг	245

Геннадий Кумохин

Когда мы научимся летать

Моя лучшая выдумка

«Сохраняйте чувство юмора, сэр»

В маленькой уютной гостиной сидят две пожилые дамы и пьют чай.

Одна из них, очевидно, хозяйка, маленькая, пухленькая, с глазами – пуговками на круглом лице, старательно подкладывает другой серебряными щипчиками крохотные пирожные из расставленных на столе хрустальных вазочек.

Ее подруга, тощая сутуловатая особа меланхолично кивает головой и молча уничтожает лежащее перед собой угощение.

Наконец она удовлетворенно вздыхает и смахивает надутым платочком сладкие крошки с губ и подбородка, поросшего редкими седыми голосками.

– Ах, как я Вас понимаю, дорогая мисс Кьюз, – заниматься любимым делом и приносить людям неизъяснимое удовольствие. Да это мечта всей моей жизни! – говорит она, продолжая прерванный трапезой разговор.

– Но Вы твердо решили, мисс Клап, вложить деньги в наше предприятие?

– Ну, какие могут быть сомнения, милочка. Я с громадным удовольствием войду в компанию с Вами.

Не совладав с искушением, мисс Клап берет рукой пирожное из ближайшей вазочки и отправляет его в рот.

– Ах, какая прелесть, так и тает во рту. Неужели делать это так просто? Ни за что бы не поверила.

Настенные часы мелодичным боем извещают четверть одиннадцатого вечера, и мисс Клап со вздохом начинает прощаться.

– И как Вы не боитесь, мисс Клап, ходить одна в такую темень. Я, кажется, умерла бы от страха, окажись одна далеко от дома.

Мисс Кьюз подходит к занавешенному окну и, отогнув штору, заглядывает в черную пропасть: «Б-р-р!».

– Но что же делать, милочка, мой доктор рекомендует мне не менее трех часов ходить пешком. Ведь Вы же знаете, какое у меня здоровье. Только благодаря физической нагрузке и держусь.

– Как, – вытаращивает глазки мисс Кьюз, – а бандиты? Разве Вы не боитесь, что Вас могут ограбить? Вот на Вас и кольца и браслеты, и одежда самая дорогая.

«Но ведь это необходимое условие», – думает мисс Клап про себя, а вслух восклицает:

– Бандиты, убийства! Вы знаете, я в них не верю. Поверьте

мне, милочка, это больше выдумки наших газетчиков! Я в них не верю, – повторяет она.

– Не провожайте меня мисс Кьюз.

Поздний вечер непрозрачной пеленой опустился на Город. Промозглый ветер выметает из скверов последние листья и разбрасывает по тускло поблескивающей брусчатке.

О чем думает мисс Клап, семенящая по тротуару мелкой старушечьей походкой? У нее нет ни родных, ни близких друзей, и только мысли о мисс Кьюз и о предстоящих им каких-то приятных хлопотах сокращают немного расстояние, которое придется прошагать сегодня унылой мисс Клап.

– Значит так, – бормочет, повторяя про себя мисс Клап, – берутся две порции майонеза, три порции муки, все это смешивается и ...

Но она не успела вспомнить, что делается дальше, потому что из ближайшей подворотни за ее спиной метнулась какая-то тень, и мисс Клап почувствовала, как что-то твердое уткнулось ей между лопаток.

– Ну-ка, бабуся, не оборачивайся, а то прихлопну на месте! – приказал молодой, срывающийся голос.

В это время появился еще один грабитель, длинный и тонкий, как жердь, с маской на лице.

«Совсем сопляк», – подумала мисс Клап.

– Что вы собираетесь делать? – преувеличенно храбро спросила она, но голос ее предательски дрожал.

– Да ничего особенного, малость разденем. Давай сюда су-

мочку, старая карга! – велел длинный в маске.

– Ребята, ребята, что вы делаете? – заплетающимся от страха языком пролепетала она, собираясь, видимо, брякнуться в обморок.

И, действительно, мисс Клап покачнулась, сумка упала, и она последовала бы ее примеру, не подхвати мисс Клап под мышки (сказалось, наверное, воспитание) стоящий сзади грабитель с пистолетом.

– Вот вредная старуха, – проворчал длинный, нагибаясь за сумочкой.

В это время, находясь, видимо, почти без сознания, мисс Клап странно дернула ногой и ... удар каблуком пришелся прямо в висок грабителя. Тот без звука растянулся на тротуаре. Не сообразив, очевидно, в чем дело, задний нервно хихикнул в ухо старушке, потом, после секундного замешательства, попытался освободить руки, прижатые локтями мисс Клап, и только тут с ужасом почувствовал, в каких тисках он оказался.

В каменном мешке улицы гулко разнеслись звуки выстрелов, и пули, разлетаясь веером, звучно шлепались о камни брусчатки: «Цхе-е».

Звук последнего выстрела почти слился с громким криком грабителя, потому что мисс Клап резко прогнулась и, встав без посторонней помощи, коротко ударила его под колено. Затем, перехватив правую руку с пистолетом, дернула ее вперед и, стремительно приседая, перебросила безволь-

ное тело через себя.

Проявив столь неожиданные в своем возрасте способности, мисс Клап повела себя еще более странно.

Вместо того, чтобы убираться подальше от места происшествия, она подняла свою вместительную сумку, порывшись, достала черепаховую пудреницу, раскрыла ее и принялась старательно пудрить нос и щеки.

– Алло, третий, третий, говорит Тетушка.

– Третий слушает Тетушку, – послышался через секунду сонный басок.

– 513-я Авеню, дом, – мисс Клап взглянула на слабо освещенную фонарем табличку, – дом 43 дробь Б. Заберите двух племянников. Совсем расшалились.

– Буйные?

– Да нет, уже тихие.

– Ждите, будем через семь минут.

Мисс Клап грустно вздохнула, шелкнула пудреницей и опустила ее в сумку. Недовольно что-то ворча, нагнулась к одному парню, потом сдернула маску с другого и, кряхтя, подтащила его к приятелю. Затем она присела на ступеньку дома, вытянув перед собой ноги, и машинально сунула руку в предполагаемый карман брюк. Однако пальцы скользнули по продольной складке длинной юбки. Осознав этот факт, мисс Клап шепотом выругалась и полезла за сигаретами в сумку.

Но не успела она докурить длинную сигаретку даже до

половины, как из-за поворота на большой скорости вылетела полицейская машина. Визгнув тормозами, она остановилась у обочины напротив смиренно лежащих, будто дремлющих, грабителей. Четверо здоровенных детин набросились на них и, стуча подкованными каблуками, в мгновение ока затолкали вовнутрь. Дико взвыла сирена, так что мисс Клап даже вздрогнула, и машина снова исчезла.

– Идиоты, – прошипела мисс Клап, – не могут без шума. Воображают себя героями.

Она придавила каблуком окурочек и, продолжая сердито ворчать, мелкими шажками побрела прочь. Теперь мисс Клап совсем сгорбилась и даже немного прихрамывала, как будто от сидения на холодной ступеньке ей прибавилось, по крайней мере, лет двадцать.

Однако эта ночь оказалась для мисс Клап насыщенной событиями чрезвычайными. Не успела она пройти и десятка кварталов, как из дверей особняка, стоявшего в глубине двора, раздались отчаянные крики, потом звук приближающихся шагов.

Бежала явно женщина в туфлях на каблуках, и на шоссе совсем рядом с мисс Клап показалась маленькая фигурка в белом. Заметив мисс Клап, она подбежала к ней и с отчаянием утопающей схватила ее за рукав. Это была девушка, совсем юная и очень миленькая. Вдобавок ко всему почти голая, потому что одежда, которую можно было принять за платье, оказалась всего лишь прозрачным пеньюаром.

– Ради бога, я вас умоляю, спасите!

– Что случилось, милая, что случилось? – спросила ее мисс Клап, глядя на белеющее совсем близко залитое слезами личико.

– Помогите! Там, – она указала рукой на особняк, – осталась моя мать. На нее напали бандиты, я едва успела убежать от них. Ах, ради бога, быстрее, они убьют мою бедную маму!

И девушка изо всех сил потянула к дому мисс Клап. Но той овладела какая-то странная апатия. Она прихрамывала то на одну, то на другую ногу, озиралась, а когда девушка выпустила на мгновение ее рукав и забежала на несколько шагов вперед, вынула из сумочки уже знакомую нам пудреницу и преспокойно занялась пуховкой.

Несчастливая девушка была так поглощена заботой о своей бедной маме, что, казалось, не замечала странного поведения своей попутчицы. Она опять ухватила мисс Клап за рукав и, прижимаясь к ней, почти силой потащила по направлению к дому.

Наконец они добрались до цели и, отворив дверь, очутились в просторном едва освещенном холле с лестницей на второй этаж.

– Где они? Там? – спросила мисс Клап и, получив утвердительный ответ, выхватила из сумочки пистолет, молодо и упруго взбежала по лестнице.

Но едва она успела достигнуть середины пролета, как вспыхнул яркий свет и громкий голос снизу заставил ее рыв-

ком обернуться.

– Не нужно так спешить, тетушка Джекки! Я и мои друзья давно ждем вас!

У входа, ослепительно улыбаясь, стоял красивый молодой человек с двумя пистолетами, а к его локтю прижималась, совсем как пару минут назад к мисс Клап, юная красавица.

– И не делайте лишних движений, не то мои друзья помогут вам стать на пару фунтов тяжелее, – он широким жестом указал на дюжину вооруженных пистолетами и автоматами людей, с мрачным видом стоявших вдоль холла.

– Бросьте вашу игрушку, она вам больше не понадобится, – приказал он, и мисс Клап послушно выронила пистолет.

– Ну, а теперь давайте знакомиться: Красавчик Билл, – представился молодой человек. – давно искал встречи с вами. Мои друзья жалуются на вас, тетушка Джекки, она же Джек Клап, сыщик. Не так ли?

Видя, что лицо мисс Клап приобрело сонное выражение, и она не собирается отвечать, Красавчик Билл продолжал разглагольствовать.

– Вы хороший актер, мистер Клап. Многие наши люди клюнули на вашу удочку, приняв вас за безобидную старушенцию. И поплатились за это. Последними были двое парней, с которыми вы так жестоко разделались этим вечером. Я мог бы их спасти, но не стал этого делать. В конце концов, все мы учимся на ошибках.

Кроме вас, разумеется, потому что у вас уже не будет вре-

мени их исправить. Вы тихо и незаметно исчезните из этого мира. Но напоследок я хотел бы преподать вам маленький урок. Да, вы, действительно, похожи на женщину, отвратительную старую деву, но психологию свою вы изменить не сумели. Она осталась у вас прежней – психологией полицейского. Ну, посудите сами: какая старуха бросилась бы очертя голову спасать от грабителей мать девушки, пусть даже такой прелестной, как моя Мэри?

Он ласково обнял за плечи девушку, которая по-прежнему стояла рядом, ничуть не стесняясь своей наготы, только в руке у нее теперь тоже был пистолет.

Мисс Клап будто проснулась после этих слов, рассеянно зевнула, полезла в сумку и равнодушно и привычно, будто не следили за ней десятки настороженных глаз, достала пудреницу и, припудривая свой длинный нос, сказала:

– Да, я проиграл, потому что ничего не смогу поделывать против полутора десятка вооруженных бандитов. Но кто же мог предположить, что ваше логово находится на 516 Авеню, в доме номер т... – раздался выстрел и в лицо мисс Клап брызнули осколки зеркала от разбитой пудреницы.

– Малютка Мэри поступила очень верно, мистер Клап, – хладнокровно прокомментировал Красавчик. – Это кощунство: мужчина – и вдруг пудрит нос.

Мисс Клап смахнула с груди и шляпки осколки стекла и кости, достала платок и бережно промокнула проступившую из порезов на лице кровь:

– Дома номер тридцать, – ровным голосом закончила она фразу.

– Мэри, – сказал Красавчик Билл после затянувшейся паузы, – дай мне пистолет и поди оденься, простудишься.

Подождав пока она скроется за дверь в боковой стене, он заметил:

– Мистер Клап, вы мне начинаете нравиться и я, может быть, попросту пристрелил бы вас, если бы не Мэри. Она ненавидит вас просто патологически и заранее потребовала, чтобы я отдал вас ей. А воображение у маленькой Мэри, знаете ли, очень богатое.

Мисс Клап восприняла эти слова так же, как и все прочие: делала вид, будто все происходящее ее вовсе не касается, и только внимательно к чему-то прислушивалась.

Наконец, заподозрил неладное и Красавчик Билл.

– Майкл, – махнул он пистолетом в сторону улицы, – посмотри, что там такое.

Вбежала уже переодетая Мэри и молча яростно начала вырывать пистолет у Билла.

– Да ты что, какая муха тебя укусила? – не понял Красавчик.

– Говорила же я, нечего с ним церемониться, а ты... Полиция, вот, что. Ну, дай же я его!

– Да брось, ты, наконец, – вырвал руку Билл, – не время теперь – сматываться нужно. Уходим через черный ход.

– Том и Майкл, – приказал он парням с автоматами, –

прикрываете. Майкл, не забудь про этого.

– Хорошо Билл, – ответил Майкл, и, повернувшись, резанул по мисс Клап короткой очередью.

– Ну вот я и исправила свою ошибку, Красавчик Билл, – прошептала мисс Клап, медленно сползая по перилам.

Месяца через три в один из кабинетов полицейского управления, на двери которого золотыми буквами красовалась надпись: «Г.Т. Хантер», вошла мисс Клап.

Она передвигалась несколько боком, еще больше сторбившись, и ее облик представлял собой законченный портрет старой девы.

Хозяин кабинета, восседающий за широченным полированным столом на уродливых круглых ножках, пробурчал, не отрывая глаз от стопки бумаг.

– Я занят, не видите, я занят.

Однако назойливая посетительница не испарилась даже при повторном его замечании.

Тяжелая голова с широким лбом и не менее широкой лысиной в его продолжении поднялась, и очки в золотой оправе весело блеснули.

– Ба, Джек, старина! А мы тебя совсем хоронить собрались.

И широко раскинув могучие ручищи, он двинулся навстречу мисс Клап.

– Да, – ответила та неожиданно тонко, – это я, – и поджала губы, выражение которых должно было означать: «Тебе

хорошо изображать радушного хозяина, а каково было мне там, с головорезами Красавчика Билла?».

– Ну и наделал же ты переполоха своим визитом в логово этого самого Красавчика, – продолжал мистер Хантер уже тоном ниже.

– Я сам возглавил операцию по разгрому банды. Всего двое или трое ушло, и среди них, – он шутливо толкнул мисс Клап локтем, – твоя добрая приятельница.

– Да, – продолжал мистер Хантер, – с Красавчиком покончено, и половина премии за это дело твоя. Кроме того, ты произведен в старшие сыщики. Я лично настоял на этом.

– Да ты садись, садись, в ногах правды нет, – он указал на кресло рядом с собой.

– Я, собственно, к Вам по делу, мистер Хантер, – сказала мисс Клап, присев на самый краешек кресла и стараясь не принимать располагающего тона начальника.

– Слушаю тебя, Джек.

Мисс Клап положила на колени свою вместительную сумку и достала сложенный вчетверо лист бумаги.

– Что это? – мистер Хантер пробежал глазами исписанный мелким старушечьим почерком листок.

– Прошение об отставке? Да ты рехнулся совсем. Ни за что! – последнее он отчеканил отдельно, и его голос обрел привычный начальственный тон.

– Запомни! Только через мой труп. Лучшая моя выдумка! «Женщина-сыщик». Непобедимая тетушка Джекки, гро-

за всех гангстеров, – и вдруг отставка. Да ты отдаешь себе отчет в том, что я для тебя сделал? Кем бы ты был без меня? Брюзгливое ничтожество, нищий. И вдруг такая карьера! Слава, пусть своеобразная, но зато круглый счет в банке! И это все я, запомни, все я для тебя сделал. Три сотни задержанных грабителей за какие-нибудь семь лет. Лучшая выдумка – и отставка? Никогда!

– Мистер Хантер, – тихим дрожащим голосом произнесла мисс Клап, – я не милости у Вас просить пришел. Все, что я имею, я заслужил не протираем брюк на мягком стуле, а собственной кровью. Шесть раз бандиты бросали меня на улице, потому что считали мертвым. Но я выжила, простите, я выжил и... имею право на отдых. Прошу подписать мой рапорт.

– Ну, хорошо, – сказал мистер Хантер после некоторого раздумья, – хорошо. Я почти согласен, но скажите, что вы будете делать без полиции? Да вы помрете от тоски в четырех стенах, обреченный еще на долгие годы безделья. Ну, скажите, что вы будете делать на пенсии? – закончил он с победоносным видом, уверенный, что поставил экс-сыщика в тупик.

– Я и мисс Кьюз собираемся открыть маленькую кондитерскую для членов нашего клуба.

– Какого клуба? Разве вы состоите членом какого-нибудь клуба?

– Клуба старых дев, сэр, – последовал учтивый ответ.

И с извиняющейся улыбкой мисс Клап добавила.

– Наши девушки очень любят сладкое, мы рассчитываем получать неплохую прибыль.

Мистер Хантер побагровел так, будто его вот-вот соби-
рался хватить удар, яростно черкнул ручкой и швырнул ли-
сток мисс Клап.

– Убирайтесь, ко всем чертям, к вашим девам, и чтоб
больше я вас не видел. В-о-н! – в неистовстве затопал он сло-
ноподобными ножищами.

А потом вдруг упал в изнеможении на кресло и захохотал.

– Ха-ха-ха, – ревел он, – не могу! Моя лучшая выдумка
– общество старых дев – кружева, оборочки – девушки обо-
жают пирожное – ха-ха-ха!

Давно уже прошаркала мимо молоденькой секретарши
мистера Хантера фыркающая, как рассерженная кошка,
мисс Клап. А из-за тяжелой двери все еще доносился неисто-
вый хохот, отдаленно напоминающий раскаты грома.

В отношении чувства юмора у мистера Хантера все было
в порядке.

Вот Мэри удивилась!

После описанных событий у мистера Хантера прошло около года.

Мисс Клап удалось реализовать свою давнюю мечту и открыть кафе-кондитерскую при Клубе старых дев. Кафе располагалось в старинном особняке, построенном в причудливом викторианском стиле и очень похожем на любимую вещь какой-нибудь старой дамы.

Жизнь здесь кипела с раннего утра до поздней ночи. На рассвете на самом верхнем этаже неизменно зажигались огни. А затем загорались окна в правом крыле дома, где находилась кухня. И вскоре оттуда начинали доноситься разные звуки, не оставляющие сомнения в том, что там происходит. А потом уже далеко разливались чарующие ароматы и притягивали к себе любого, кто соизволил пройти мимо заведения мисс Клап.

За прошедшее время мисс Кьюз превратилась из «бабушки-божий одуванчик» в прекрасного кулинара. Под ее руководством трудились два десятка девушек, которые успевали не только работать на кухне, но и обслуживать клиентов.

В просторном зале стояло три десятка столиков, которые неизменно были заказаны за много дней вперед. От клиентов просто не было отбоя. Теперь уже не только постоянные клиенты из Клуба старых дев, но и ведущие члены элиты Города

наведывались в популярное заведение «У тетушки Джекки».

Мисс Клап уверенно руководила всем довольно солидным хозяйством, и теперь уже в этой даме было трудно узнать прежнюю меланхоличную особу. Она немного поправилась и как-то распрямилась. Оказалось, что это довольно приятная дама средних лет, а вовсе не какая-то пародия на женщину.

Мисс Клап стала душой коллектива старых дев, которые неизменно устраивали здесь многочасовые посиделки. И все, буквально открыв рты, слушали мисс Клап. Многие дамы в течение жизни за пределы своего Города буквально носа не высовывали. И для них в диковинку было слушать рассказы мисс Клап о далеких странах и странных обычаях. Все это она рассказывала так живо, как будто сама все это видела своими глазами.

Это было тем более удивительно потому, что, если верить слухам, сама мисс Клап никуда из Города не отлучалась. Правда, некоторые утверждали, что до того, как заведовать кондитерской, мисс Клап была кем-то вроде частного сыщика, в то время как многие другие считали, что никаким сыщиком она не была, да и не могла быть просто по состоянию здоровья, и деньги на открытие бизнеса она получила по наследству.

Словом, было много неясного в прошлом мисс Клап, но это делало ее фигуру еще более таинственной и одновременно притягивающей.

Однажды в особняк тетушки Джекки наведался прежний

ее патрон мистер Хантер. Он с удовольствием откушал с десятка крошечных пирожных и запил горячим шоколадом из маленькой чашечки, которая казалась игрушечной в его огромной ручище. Затем он заперся в кабинете с мисс Клап и долго о чем-то с ней беседовал.

После визита Хантера успела пройти пара недель. Однажды, уже довольно поздним вечером, когда основная масса посетителей уже схлынула, а завсегдатаи из числа членов Клуба старых дев еще только начинали собираться, в кабинет мисс Клап постучала девушка, работающая в зале.

– Мисс Клап, вас хочет видеть одна посетительница.

Ничего не подозревающая хозяйка заведения вышла в зал, и неожиданные гости заставили слегка побледнеть даже выдавшую виды мисс Клап.

За столиком, прямо перед небольшой сценой, на которой обычно играли приглашенные музыканты, сидел, вальяжно развалясь, уже знакомый ей бандит по имени Майкл.

Но не он стал той неприятной неожиданностью, которая заставила измениться в лице мисс Клап, а сидевшая с ним за столиком молодая особа в карнавальной маске «летучая мышь». При виде Клап она сорвала эту маску, небрежно бросив ее на пол, и все увидели сверкающую глазами атаманшу бандитов, которой в отсутствие Красавчика Билла стала Крошка Мэри.

– Вот так встреча! – произнесла уже успевшая прийти в себя мисс Клап, – а не желают ли наши гости фирменных

напитков заведения?

– Я бы, пожалуй, выпил пару кружек ямайского рома, – осклабился Майкл.

– Спиртных напитков мы не держим, но парой чашечек нашего горячего шоколада я, пожалуй, могу вас угостить, – строго сказала мисс Клап и приказала, – принесите, пожалуйста, две порции шоколада.

– Что это так вкусно пахнет? – спросил Майкл, жадно втягивая носом воздух, когда девушка в белом нарядном фартуке принесла на подносе две чашки с темным как будто дымящимся напитком.

– Это наш секрет, – ответила мисс Клап, – желаете еще?

– Да, да и побольше! – пожадничал бандит.

– Пригласите сюда мисс Кьюз с кастрюлей, – распорядилась хозяйка.

Маленькая мисс Кьюз привезла на сервировочном столике большую кастрюлю, до половины наполненную горячим напитком, и разливной изогнутой ложкой стала наполнять чашку Майкла до тех пор, пока тот не показал жестом, что сыт по горло.

– Ну вот, что, мистер Клап, меня-то вы своим шоколадом не заморочите, – резко сказала Крошка Мэри, которую раздражала вся эта суета вокруг шоколада.

Сама она терпеть не могла сладкого.

– Милочка, какая же я «мистер»? Ну посмотри на меня, – втолковывала ей мисс Клап.

– Это вы сейчас на женщину похожи, а когда Красавчика Билла «спалили», были вылитый мужик, переодетый в женское платье. И не надо мне втирать очки. Знаешь, для чего я к вам наведалась?

– Ну, более или менее, мне понятно, – ответила мисс Клап.

– Я пришла сжечь все это ваше логово, – вещала Мэри, которая уже перестала быть крошкой, – но перед этим опозорить тебя, проклятый Джек Клап. Ну-ка, Майкл, перестань жрать этот шоколад и запри все входные двери. Работать пора.

Она выхватила пистолет из складок объемной юбки и дважды выстрелила в воздух. На пол посыпалась с потолка штукатурка. Некоторые особо впечатлительные старые девы упали в обморок.

Словом, в заведении мисс Клап начинался обыкновенный погром. Впрочем, нет, погром обещал быть не совсем обычным. Потому что Мэри была буквально обуреваема жадой мести.

Она заставила подняться мисс Клап на сцену и требовала заголиться, чтобы обнаружилось ее мужское естество.

– Пусть видят все, какая ты «женщина», – визжала она в иступлении.

– Милочка, давай пойдем в мой кабинет, и я продемонстрирую тебе все, что ты захочешь. Зачем смущать посторонних людей? – убеждала ее хозяйка.

– Нет, только здесь! – упорствовала Мэри, бывшая крошка, – а иначе я тебя пристрелю и раздену уже твой труп!

Присутствующие при этой безобразной сцене дамы преклонного возраста сильно волновались. Не добавлял спокойствия и Майкл, который достал неизвестно откуда целый автомат и угрожающе им размахивал.

– Ну, хорошо, – пыталась успокоить бандитов мисс Клап, – я согласна.

Казалось, из всех присутствующих, только она сохраняла присутствие духа.

– А ты уверена, что не пожалеешь о своем глупом требовании? – обратилась она к отвязной атаманше.

Та в ответ только пистолетом махнула:

– Раздевайся!

Мисс Клап неторопливо огляделась. На сцене были только она и Мэри. Внизу, прямо перед ними размахивал автоматом здоровенный бандит, а справа от него потеряно стояла мисс Хьюз с ненужным уже половником в руке и кастрюлей с не остывшим еще шоколадом.

Мисс Клап незаметно кивнула мисс Кьюз, а затем, отвернувшись всем телом от Мэри, плавным движением высоко подняла широкую юбку. Все хорошо было видно стоящим слева от нее посетителям. Но зрителям справа мешали складки широкой юбки мисс Клап. Точно так же они мешали и Мэри. Атаманша машинально подалась вперед, пытаясь увидеть, что же там скрывала мисс Клап, и на мгновение по-

теряла контроль над сценой. Этого с лихвой хватило мисс Клап. Она коротко, но нисколько не сдерживаясь, рубанула ребром ладони по шее атаманши. Та беспомощно ткнулась носом в ноги мисс Клап и больше уже не двигалась.

Однако оставался еще бандит с автоматическим оружием. И тут произошло то, чего никак не ожидали многочисленные зрители. Мисс Кьюз, маленькая, кроткая мисс Кьюз подняла тяжеленную кастрюлю с еще горячим шоколадом и, встав на цыпочки, надела ее на голову Майкла. Больше того, она продолжала тянуть кастрюлю вниз и просто опрокинула бандита, который выпустил в потолок целую очередь. Скорее всего, он что-то еще пытался кричать, но звуки его голоса целиком поглотил начинающий густеть сладкий напиток.

Подоспевшая мисс Клап ударом ноги выбила у него автомат из рук. Затем она быстро прошла в свой кабинет и, вернувшись, захватила с собой пару наручников, которые быстро нашли себе применение. Затем девушки начали дружно вытирать разлившийся по полу шоколад. Когда через несколько минут в двери принялись ломиться полицейские во главе мистером Хантером, в зале все было чисто и почти спокойно.

На следующий день, можно сказать, в прайм-тайм, в заведение мисс Клап снова наведался мистер Хантер. Он был необычно торжественен, потому что пришел вручить мисс Клап медаль полицейского управления за успехи в борьбе с преступностью. Мисс Клап поднялась на сцену и поблагода-

рила за высокую награду.

– А теперь послушайте меня, – сказала она, – надеюсь, что многое станет ясным после этой истории.

И она рассказала, как почти пятьдесят лет назад в семье зажиточных фермеров на Дальнем Западе родились близнецы: мальчик и девочка. Они были очень похожи друг на друга, и поэтому их назвали похожими именами: Джек и Джекки.

Близнецы росли очень славными, но, видимо, на небесах что-то перепутали при их рождении. Джек рос плаксивым и капризным, он любил играть в куклы и одеваться в платья, предназначенные для Джекки. В отличие от братца, Джекки была сущий сорванец, она терпеть не могла кукол и предпочитала всем платьям штанишки Джека. В школе, невзирая на запреты родителей, ребятишки тоже часто переодевались. Их одноклассникам всегда приходилось хорошенько подумать, прежде чем дать «леща» кому-то из близнецов. Джек был практически беззащитен, зато нарвавшись на Джекки, обидчик рисковал получить жестокую взбучку. Близнецы очень любили друг друга и готовы были ради другого в огонь и в воду. А вот личная жизнь у них не сложилась. Всякий раз парень или девушка были нехороши по сравнению с любимым братом или сестрой.

В юридическом колледже, куда близнецы поступили после школы, Джек и Джекки старательно штудировали юриспруденцию в надежде получить хорошую должность в буду-

щем. Их родители умерли еще не старыми, и в дальнейшем им приходилось рассчитывать только на себя. После обучения пути наших близнецов круто разошлись. Джек выбрал для себя канцелярскую должность в полицейском управлении. И с тех пор он покорно протирал штаны за переписыванием многочисленных циркуляров.

А Джекки нашла себя в должности юрисконсульта крупной торговой фирмы. По делам своей фирмы она объездила много стран и почти в каждой из них частенько совершала вылазки, переодевшись в мужскую одежду. Джекки не ограничивалась переодеванием, она и вела себя, как какой-нибудь портовый грузчик: выучилась курить, пить крепкие напитки и ругаться на всех языках аборигенов. А чтобы уметь постоять за себя, Джеки брала уроки у уличных учителей молодежной шпаны разных стран. Так она усвоила основы джиу-джитсу, капозйры и еще много всяких приемов и приемчиков. Джекки частенько возвращалась домой с синяками и ссадинами, но получала от своих скитаний ни с чем не сравнимое удовольствие.

Годы шли, а в жизни наших близняшек все как будто законсервировалось. Первым не выдержал Джек. Однажды, когда он в очередной раз пришел с какой-то безделицей в кабинет грозного начальника, каким казался ему мистер Хантер, тот долго распространялся о том, что преступность в Городе резко возросла, а сыщиков, способных что-либо противопоставить бандитам просто днем с огнем не сыскать. Все

это Хантер громогласно объявлял каждому входящему в его кабинет служащему, включая такую мелкую сошку, каким являлся в его глазах Джек Клап. И он совсем не надеялся, что тот выдвинет какое-то дельное предложение. В свою очередь, и Джек совсем не ожидал от себя такого кардинального решения. Просто он вспомнил, как любили они в детстве с Джекки переодеваться, так что взрослые совсем не могли разобрать, кто из них, кто.

– А почему бы Вам, мистер Хантер, – выпалил он, – не отправить на патрулирование сыщика, переодетого женщиной?

– Что, что ты сказал? – не сразу врубился Хантер.

– Тогда бы грабители не ожидали отпора, – продолжил Джек свою мысль, – и смелее стали себя обнаруживать.

– А что, – согласился Хантер, – это мысль. Как же это я сам не догадался? Вот только, кто бы мог работать в такой роли? У нас в управлении все мужчины рослые, как на подбор, и за женщину навряд ли сойдут.

– А разрешите мне, мистер Хантер, попробовать, – внезапно, как головой в прорубь, решил Джек.

– Ты? – скривился недоуменно Хантер, а потом, подумав немного, согласился. – А что? Можно попробовать. И тут же добавил:

– За каждого пойманного налетчика получишь премию, и не маленькую. А если ранят, или, ненароком, прикончат: лечение и похороны – за свой счет. Идет?

Так Джек неожиданно сделался сыщиком. Однако, он очень скоро понял, что взялся за дело, к которому совершенно не пригоден. Уже после первых ночных маршрутов по Городу Джека подстрелили. Рана оказалась не смертельной, но психологически он был раздавлен. В панике написал любимой сестричке, та взяла отпуск и немедленно явилась его утешать.

И тут у них возникла мысль еще раз сменить свое земное предназначение. Благо, они, по-прежнему, были совершенно неотличимы друг от друга. Джек под видом сестры отправился юрисконсультom в одну из азиатских стран, и надо сказать, на этой должности он проявил себя гораздо успешнее, нежели за все годы работы в полицейском управлении. За короткое время он вырос с должности рядового юриста до младшего партнера в мощной международной компании.

Что касается Джекки, то она, наконец, смогла в полной мере удовлетворить свою страсть к опасным приключениям. Даже сам мистер Хантер был поражен тем мастерством, с которым Джекки играла пожилую женщину. Зато здесь в полной мерегодились ее навыки в рукопашной борьбе. Никто и представить себе не мог, чтобы такая, слабая на вид, женщина могла противостоять отможенным бандитам.

Однако время шло, и однажды мисс Клап почувствовала, что она в полной мере «наигралась» в сыщиков, и ее потянуло к чему-то чисто женскому, такому, что составляет первооснову ее сути. Так появилась идея кондитерского произ-

водства. И чем больше появлялось усталости и ранений, тем сильнее становилось ее желание заняться истинно женским делом. Сразу после выхода на заслуженный отдых, мисс Клап энергично принялась за дело. Денег на особняк ей наверняка бы не хватило, если не помощь любимого брата, у которого дела в торговой компании круто пошли в гору.

– Теперь, – закончила мисс Клап свой рассказ, вы знаете все о «тетушке Джекки» в ее разных обличиях.

Гости были впечатлены ее рассказом и чрезвычайно взволнованы. Но больше всех растроган был мистер Хантер.

– Боже мой, – без умолку восклицал он, – так это был не Джек, а Вы. А я так бессердечно отправлял Вас в самую пасть к бандитам. Ах, какой я негодяй!

– Мистер Хантер, – рассудительно ответила Джекки, – не стоит так волноваться. Ведь Вы, действительно, не знали, кто тогда стоял перед Вами. А Джек шлет Вам свой привет и обещает скоро заехать к нам погостить. Я, надеюсь, мы можем больше не опасаться визита Крошки Мэри. Кстати, я Вам очень благодарна за своевременное предупреждение о том, что она возвращается в наши края.

– Что же касается награды полицейского управления, – продолжала мисс Клап, – то мне кажется, не я, а наша уважаемая мисс Кьюз достойна ее гораздо больше. Ведь для меня борьба с бандитами еще совсем недавно была совершенно обычным делом. В то время как мисс Кьюз действительно совершила подвиг. Она преодолела все свои страхи и обез-

вредила опасного бандита.

– Конечно, конечно, – согласился обычно непреклонный мистер Хантер.

И только, вручая медаль мисс Кьюз, коротко спросил:

– А Вам не было страшно в схватке с бандитом?

– Очень, – призналась мисс Кьюз, – но еще больше я боялась, что бандиты могут погубить наше прекрасное заведение и придется начинать все сначала.

Когда мы научимся летать

Военный городок

В августе степь снова хороша. Кажется, давно уже выгорело здесь все под жарким солнцем и на горячем ветру, а уймется немного зной, да побрызжет дождик – не ливень какой, а так, пополам с пылью – и этого довольно. Поднимаются среди желто-бурых зарослей остистого ковыля и белесой полыни свежие зеленые стрелки и зацветает прямо на пыльных нагретых тропинках мельчайшая травка. Цветочки малюсенькие, еле видные – а все-таки жизнь.

Наступает та пора года, которой, может быть, единственно и прекрасен здешний край. Она начинается в августе, когда на тысячи километров вокруг, от севера до юга, солнце, наконец, прогреет землю и ветра, дующие почти все лето, успокаиваются и наступает удивительный покой. Погожие ночи, с вечера темные и звездные, а с полуночи, залитые голубым лунным сиянием. Тихие и ясные дни, уже не жаркие и душные, а просто теплые и ласковые. В такие дни хорошо сидеть у реки и думать. И так отрадно становится на душе. Светло и немного грустно в этом огромном светлом пространстве, наполненном ласковым теплом умирающего лета.

В середине семидесятых годов прошлого века посреди бес-

крайней казахской степи на берегу могучей реки стоял маленький военный городок. Городок этот был построен для того, чтобы в нем жили военные летчики и специалисты, обслуживающие дивизию стратегической авиации великой страны. Здесь жили семьями, играли свадьбы, рожали, растили и учили детей. Конечно, из-за суровости местного климата и удаленности от других населенных пунктов, чувствовалась определенная напряженность, но зато со снабжением здесь до поры до времени все было в порядке, не так, как в больших и даже столичных городах.

Собственно, могучей протекающая рядом река эта станет только на территории России, но уже здесь многое выдавало ее непростой характер. Вода, которая еще совсем недавно была теплой, вдруг высветлилась и быстро сделалась по-настоящему ключевой. Поэтому и отдыхающих на ее берегу почти не осталось. Только одинокая дюралевая лодка «Казанка» стояла на песчаном берегу небольшого поросшего лесом острова напротив городского пляжа.

На реке появилась худенькая фигурка пловца, державшего курс так, чтобы течением не сносило его от островка, и быстро приближалась к его песчаной косе. Это десятиклассник Валерка Козлов, сын инженера второго полка. Он плавал сюда все лето и однажды, обходя островок, наткнулся на укромную полянку и поразился красоте и размеру ярко-синих дикорастущих дельфиниумов. В тот день Валерка нарвал целую охапку цветов, а потом, после долгого раздумья,

решился плыть на спине, держа букет перед собой. Тогда все прошло удачно. Потом он забыл про цветы. А теперь, спустя больше двух месяцев, в самом конце лета, вдруг вспомнил.

Выйдя на берег, он осторожно пробрался через разросшиеся за лето колючие кусты к заветной полянке. И опять интуиция не обманула его. Он снова увидел эти прекрасные цветущие создания как будто чудом занесенные в этот суровый край. Валерка не удержался от соблазна, сорвал несколько стеблей и вышел на песчаный пляж островка.

Никого из взрослых поблизости не было. И только маленький мальчик копался в мокром песке у самой воды. Услышав шаги, он обернулся и посмотрел на Валерку с таким неожиданно взрослым и печальным выражением больших васильковых глаз, что у того резануло где-то под сердцем

– Глаза совсем как у моего отца, – почему-то подумал он, а вслух спросил:

– Ну, что, герой, ты не боишься здесь один?

– Не-а, – мотнул тот головой, – я здесь домик строю.

– А папа с мамой твои где?

– Там, – он махнул рукой вглубь острова, – они водку пьют.

– Вот гады, – с неожиданной резкостью подумал Валерка, – напьются и еще утопят ребенка.

Эта странная мысль потом долго не давала ему покоя.

– Хочешь цветок? – и увидев, что мальчуган обрадованно

закивал русой головкой, выбрал самое крупное соцветие и воткнул в песок у его ног.

– На, владей, он тебе как раз под цвет глаз.

Пришло время возвращаться. Валерка лег на спину и поплыл с таким расчетом, чтобы течение не сильно его сносило. Но этот путь оказался гораздо труднее, чем летом. Мало того, что вода все сильнее обжигала, но и течение оказалось сильнее. Поэтому его отнесло почти к самой пристани и, кроме того, уже перед самым берегом свело обе ноги. Хорошо, что было уже мелко и он мог спокойно стать на ноги. Но ощущение острой боли и наступившей беспомощности долго не оставляло его. Валерка почувствовал, что уже здорово устал, но не стал задерживаться и, поставив свой букет в банку с водой, вышел на набережную. Его никак не оставляло необъяснимое чувство смутной тревоги.

А вскоре произошло ужасное событие, которое заставило содрогнуться весь городок. Один случайный свидетель рассказывал, как все случилось. Их было слишком много для такой лодки: человек 6 или 7, да еще ребенок. На остров они приплыли за два раза, а тут, пьяные, решили переправиться все вместе. Это были молодые офицеры с женами, да еще трехлетний мальчуган. Им было ужасно весело отчего-то, и они еще не понимали, что истекают последние минуты их жизни. Когда сели в лодку, оказалось, что она глубоко врезалась в прибрежный песок. Тогда один спрыгнул на берег, толкнул лодку с мели и хотел лихо запрыгнуть вовнутрь.

Наверное, он сильно «нагрузился», потому, что не рассчитал и, запнувшись за борт, поднял тучу брызг и плашмя упал в воду.

– У, Таракан несчастный, – восторженно закричали в лодке, – давай руку!

Таракан получил свое прозвище за большие черные усы. Этот молодой неуклюжий техник самолета всегда был благодатной мишенью для шуток сослуживцев, но особенно стали потешаться над ним, когда его молодая игривая жена, между прочим такая же брюнетка, как и ее муж, родила светлого сынишку с небесно-голубыми глазами. Таракан делал вид, что не понимает двусмысленных шуток, но его жена стала регулярно на людях появляться с тщательно замазанными синяками то под одним, то под другим глазом.

Таракан опять попытался взобраться в лодку. Сразу несколько человек протянули ему руки и сделали попытку рывком втащить его к себе. Неустойчивая дюралька резко качнулась на один борт и зачерпнула воды. От испуга все резко переместились на другой борт, и она зачерпнула снова, погрузившись в воду по самые уключины. Между тем лодку быстро уносило течением, которое, обогнуло остров, и теперь было направлено к середине реки. Тогда и раздался пронзительный крик, заставивший всех, кто находился вблизи реки, броситься на берег.

Трудно поверить, что никто из них не умел плавать, наверное, умели. Но страх и неожиданность лишили этих лю-

дей способности соображать. Потому что чем же еще объяснить тот факт, что вместо того, чтобы развернуться и плыть к берегу, они бестолково суетились на одном месте, цепляясь и топя друг друга. К чести Таракана, он первый пришел в себя и, нырнув, успел поймать мальчика, который, коротко вскрикнув, сразу ушел под воду.

Как только раздались крики, Валерка опрометью бросился к дебаркадеру, служившему пристанью для «Метеоров», единственного на этой реке вида водного транспорта. Он сразу понял, что происходит на реке и оценил, что, только нырнув с дебаркадера, он успеет доплыть до тонущих. Когда Валерка, скинувший с себя только спортивные кеды, бешеным кролем, со сбитым дыханием добрался до середины реки, Таракан уже начал захлебываться, беспомощно запрокидывая голову. Валерка подхватил безжизненное тело мальчика и осторожно отплыл в сторону. О том, чтобы попытаться спасти еще кого-нибудь, кроме этого малыша, не могло быть и речи. Совсем близко пролежала глубоко вдающаяся в воду коса. Но она была на другом, совершенно безлюдном берегу. А единственным выходом был свой, но такой далекий берег. Правда, Валерка хорошо изучил характер реки во время многочисленных летних заплывов. Примерно через километр от пристани течение круто поворачивало в сторону и тогда до своего берега будет совсем близко. Нужно было только как-то продержаться этот километр. Воздух со стоном вырывался из натруженных и обожженных холодом

легких. Руки налились свинцовой тяжестью. Но, несмотря на это он был почти спокоен.

– Ничего, ничего, – обращался он мысленно к холодному тельцу мальчугана, – потерпи еще немного. Я сильный, я обязательно выплыву.

Валерка не видел, как одна за другой исчезали под водой головы людей, плывущих уже далеко от них. Их пронесло мимо косы и теперь они снова оказались посреди реки. А он выбрал правильное направление. Мощное течение сильно сносило его, но оно если и не приближало, то, во всяком случае, и не уносило его от берега. Он греб, по очереди, то одной, то другой рукой, не забывая бережно поддерживать мальчика и скоро его голова уже спряталась в длинную тень от высокого берега.

– Ну, вот, – успел подумать юноша, – теперь совсем близко.

И тут случилось непоправимое.

Этот берег ниже пристани недаром казался безжизненным. На всем протяжении большой дуги из глинистой стены высокого откоса стекали в воду, образуя на берегу жидкое месиво, множество струек родниковой воды. И даже за сотни метров отсюда в самое летнее пекло вода в реке оставалась обжигающе холодной.

Валерка почувствовал, как сотни ледяных иголочек впиваются в спину, шею и голову, а потом будто раскаленный жгут протянули под кожей от ног до лопаток и начали скру-

чивать его, выгибая все тело в невыносимой боли.

– Судорога, – мелькнуло в голове, – это конец.

Ах, с какой тоской взглянул он на кричащих в бездонном небе стрижей, на далекий песчаный остров в редком ожерелье тальника. В последний раз, теперь уже в последний раз в своей жизни. Но вслед за этим такая бешеная жажда двигаться, смеяться – сегодня, завтра, всегда – такая жажда полета вспыхнула в нем, что пересилила даже боль.

Валерка попробовал достать дно, но только скрылся с головой в холодной черной воде, и, захлебываясь, с трудом принял горизонтальное положение. Плыть на спине он больше не мог – бессильно вытянутые ноги тянули вниз. Он не мог даже грести двумя руками. Мертвой хваткой левой руки, он вцепился в плечо мальчика, поддерживая его над водой. Оставалась только правая. Занося ее для взмаха, он уходил глубоко под воду и только после гребка его голова на короткий миг показывалась на поверхности. Он успевал вдохнуть воздух, но не успевал ничего увидеть, потому что кровавая пелена уже застилала ему глаза. Все силы, все что было у него живого и светлого он отдал борьбе. И в свой самый последний миг он увидел, как не прежнее синее, а теперь уже непроглядно черное небо опрокидывается на него всей безмерной тяжестью.

А в это время совсем рядом на высоком берегу, в одном из крайних дачных участков за неторопливой беседой сидели два приятеля. Как и все в этом городке, они были военными.

Редко выдавались в их жизни такие дни, чтобы в будни они могли быть свободными. И, чтобы прочувствовать во всей полноте радость свободы, они забрались подальше от дома под убогий навес дачи. Одну «беленькую» они уже уговорили, а вторая лежала в лопухах под холодной струей родника. И этот факт наполнял их сердца надеждой, окрашивающей все события в радужные тона.

– Во, дают, – сказал один, услышав громкие крики на реке, – уже нарезались.

– Ничего, у нас тоже есть, запаслись, – сказал другой, энергично потирая ладони.

Первый понял его прозрачный намек, поднялся с шаткого стула и направился к близкому обрыву. Нетвердо ступая он съехал по вязкому склону, и, уже нагибаясь к заветному тайнику, посмотрел вниз.

– Смотри, плывет, – проговорил он удивленно, – эй, псих, да ты встань, наконец. Там воробью по колено!

– Э, да ты что? Сдурел парень? – закричал он, видя, что человек странно вытянулся и лежит без движения у самого берега.

– Ребенка, ребенка-то оставь! – кричал он, сбегая вниз по топкому берегу.

И тут только он осознал происшедшее.

– Батюшки, мертвые! Федька, Федя, беги сюда, утонули!

– Кто утонул? Ты чего орешь? – спросила голова Федора, появляясь над обрывом.

– Человек тут, не видишь, что ли? Двое их.

– Ну, чего ты стоишь, дурья твоя башка? Вытаскивай скорее. Может, еще откачаем.

Федор бросился вниз на помощь

– Ох тяжелый, черт, – ругался Федор, вытаскивая утопленников на берег, – а в мальчика-то вцепился как. Не оторвешь. А, ну вот!

Он хватил мальчика за ноги и, опрокинув вниз головой, начал трясти. Из рта мальчика полилась вода, он скорчился и слабо застонал.

– Живой, значит. Слушай, Иван Степаныч! Я побегу за доктором с мальцом, а ты этого откачай. Давно они здесь лежат?

– Да только что двигался, рукой махал, а потом, вдруг, раз – вытянулся, глаза открытые и в небо глядят.

Давно ли это было: притихшая аудитория, нет, не студентов, а настоящих ученых, математиков, многим из которых она в дочери бы сгодилась, а потом одобрительный шум и аплодисменты ей, Оленьке Лобачевой, тоненькой девчужке со строгими карими глазами. Первый в жизни доклад на научном обществе и первая статья в академическом журнале.

Предложение учиться в аспирантуре и еще одно предложение – синеглазого лейтенантика Толи Козлова. Два предложения, между которыми пролегла целая вечность. И она сделала свой выбор.

Они приехали сюда восемнадцать лет назад и ахнули:

– Батюшки, как же здесь жить?

Голая степь, ни деревца, ни кустика. Летом жарища неимоверная, а зимой мороз да ветер и солнце, большое, слепящее. Редко исчезнет оно в войлоке низких туч зимой и тогда завалит сугробами плотного как спрессованный картон снега, такого, что хоть пилой пили. Мужья на аэродроме пропадали сутками. Возвращались домой усталые, злые.

Жили сначала в бараках: комнаты отдельные, а коридор общий. В коридорах, в простенках между дверьми стояли керосинки на которых готовили еду. В будние дни, особенно в холодное время, собирались женщины каждая у своей двери и сплетничали.

Первое время Оленька еще обманывала себя: ведь не может так быть – навсегда. Как же я буду жить без математики? Пыталась читать: у плиты, у детской кроватки. Но и этого свободного времени становилось все меньше и меньше и приходило отчаяние, а потом робкая надежда и обещания себе. Вот, подрастет Валерка (а потом Наташка), тогда и засяду за учебники. Постепенно желание учить других оттеснило желание учиться самой. Только оттеснило, но не заглушило совсем.

С мужем Оленьке повезло. Был он тихий, ласковый и красивый, что вместе редко, в общем-то, случается. А вот пить одно время тоже чуть не потянулся. Это когда Оля с маленьким Валеркой дома сидела. Начал он сначала редко, а потом все чаще домой навеселе приходил, да еще то с глазом

подбитым, то со скулой опухшей. Жена за день с малышом намается: и накорми его и прибери. Пока пеленки руками перестираешь сколько времени уйдет. Нужно и воды натаскать и вскипятить ее в железной выварке А там и ужин мужу готовь. Ждет его, ждет, перепреет все, а его все нет. А как явится, так лучше бы и не было вовсе.

– Глупый ты глупый, не хороший, когда пьяный! – выговаривала она ему наутро.

А он и сам кается, стыдно, вроде, обещает не пить больше, но неделя пройдет, опять сорвался. Терпела, Оля, терпела, а потом не выдержала. Горько заплакала и сказала:

– Все, Анатолий, завтра я уезжаю к матери, а сегодня ночевать буду у соседей.

И столько боли и горя накопилось в ней, что понял Анатолий: не просто пугает она. Пьяный был, а поверил и протрезвел. Оленька вещички свои и Валеркины в узел связывала – не много было тогда у нее барахлишка – а он на коленях за ней ползал и все по полочкам шифоньера обратно норовил разложить. И поверила ему Оля еще раз. Был в это время Валерке годик и ходила она с Наташкой на седьмом месяце.

Была еще одна большая проблема в жизни городка: по не совсем ясным причинам на целое лето всех малышей в приказном порядке увозили матери из городка подальше. Даже взрослые на первых порах не то, чтобы не догадывались, но в большей степени недооценивали ту опасность, которые несли их здоровью и даже жизням далекие разрывы, от которых

дребезжала посуда и раскачивались люстры в комнатах. Это всего в нескольких десятках километрах от городка ниже по течению реки проводились наземные ядерные взрывы. Испытания осуществлялись в режиме повышенной секретности и несколько лет спустя стали проводиться не на поверхности земли, а под землей. Однако, повышенный уровень радиации, очевидно, там по-прежнему оставался, только никто его не измерял.

Начали строить для офицеров городок. Большие, как тогда казалось, дома: трех и четырехэтажные. Получили квартиру и Козловы. А когда построили в городке светлую и просторную школу в нее стали ходить дети всех возрастов. Учительский состав подобрался почти сплошь из офицерских жен.

Стала учителем математики и Ольга Павловна. Такая уж видно у нее судьба – учить. Со временем и мужа выучила. Окончил он институт заочно. Со скрипом, со скрежетом зубовым, но все же получил диплом, а с ним и в командиры вышел: начальником группы стал, а потом и инженером полка.

– Хорошая у вас семья, дружная, и муж у тебя добрый, – говорит ее приятельница Валя Соловова, с которой они как-то особенно сблизились в последнее время, – ты сама не понимаешь, какая ты счастливая!

Счастливая она, конечно, только хранится у нее среди прочих документов на самом доньшке выдвижного отделе-

ния стола научный журнал, а в нем ее статья, еще студенческая, первая и единственная.

Только редко Ольга Павловна туда заглядывает. Все прошло давным-давно. Не стала Ольга Павловна ни доктором наук, ни даже кандидатом, как прочили ей преподаватели. Но хочется ей, чтобы радость открытия нового досталась ее детям больше, чем ей самой. Поэтому и приглядывается она к своим детям не только как мать – материнское сердце любит слепо, – но и как педагог, воспитатель.

Старший, Валерка, беспокоит ее больше. Беспокоит и радуется одновременно.

– Не рассчитали мы с тобой Толя, – говорила она мужу о детях, – одному недодали, другой передали. Думали, перерастет Валерка, немного поскладней будет. Да нет, ему уже семнадцатый пошел, а он все какой-то неуклюжий остается.

– Да брось ты с ним панькаться, – говорит с досадой муж о Валерке, – девка он, что ли? Вон какой вымахал и учится, дай бог каждому. А ты – Валерочка, Валерочка! Не пойму я тебя.

– И не поймешь, ты, Толя, – продолжает думать Ольга Павловна, – что у парнишки душа ранимая. Это на вид он такой здоровый и толстокожий, но я-то чувствую, что придется ему обжигаться о людскую злобу и равнодушие. Сама когда-то была такая.

Ольга Павловна не могла обвинить себя в неискренности с мужем. Но были у нее мысли, которые она ему никогда не

выскажет. Просто потому, что не поймет он. Разные они с ним люди. Легкий человек Анатолий Игнатьевич, простой. А давно ли был он безусым лейтенантом с глазами, как синее море, в котором утонула она без остатка?

Давно уж, только память близкая осталась. Никого другого она и не хотела бы. Ведь это она сама, а не он, его выбрала. Просто на жизнь он смотрит по-другому.

Огромные четырехмоторные самолеты, похожие издали на гигантских тараканов, распутивших свои жесткие надкрылья, ревут, сотрясая степь гулом тысячесильных двигателей. Моторы проверяют по очереди слева направо: бортинженер в кабине отводит ручку УПРТ на себя и вздрагивает, готовый сорваться с колодок самолет. Мощный вихрь срывает с площадки за самолетом гравий и комья иссохшей земли, несет в степь и тянется до самого штаба полка шлейфом пыли и катышами перекасти-поля.

Семилетний мальчуган, застигнутый ревом на полдороге к самолетам, оглохший и ослепший, пытается идти вперед, машет руками, оступается в рытвинах, падает и снова встает и, наконец, упав, уже не пытается подняться. И ползет поперек поля, стараясь выбраться из узкой полосы горячего воздуха. Так он проползает вдоль строя самолетов эскадрильи, и каждый раз, едва выбравшись из одного потока, попадает в другой, потому, что накануне учений, гоняет движки вся эскадрилья.

Истерзанного, с исцарапанными о жесткую траву руками

и животом, с забитыми песком волосами Анатолий Игнатьевич нашел Валерку у крайнего самолета.

– Ты что здесь делаешь? – напустился на него отец.

– Я к тебе пришел, ты ведь сам говорил: приходи посмотреть, как я работаю, – ответил, задыхаясь от слез мальчуган.

– Некогда мне теперь. На «48» два «флюгера». Скоро начальство приедет. Ступай сейчас же домой вот по этой тропинке до КП. Скоро автобус будет.

– Да не гони, ты его Толя, – вступился за Валерку незнакомый офицер.

– Саркисов!

– Слушаю, товарищ капитан.

– Отведи мальчонку в теплушку и включи воду. Пусть глаза хоть промоет.

Долго ждал отца Валерка, забившись в угол заросшей кустами шиповника беседки. Дежурный по эскадрилье солдат слышал доносящиеся из кустов всхлипывания, как будто скулила там бездомная собачонка. Когда поздно вечером приехала за последними людьми машина, отец отыскал Валерку крепко спящим на лавочке внутри беседки. Он не проснулся и когда Анатолий отнес его в машину. Валерка лежал на коленях у отца, прикрытый кителем и только изредка всхлипывал, и вздрагивал всем телом.

– Валер, вставай, слышишь, приехали, – тронул его за плечо отец, когда эскадрильская будка остановилась на пяточке, – мать, наверное, нас заждалась.

С этого дня затаил Валерка вражду к самолетам отца. В кошмарных снах во время болезни – зимой он заболел корью и провалялся почти два месяца, так что едва не остался на второй год – снились ему ревущие чудища от горячего дыхания которых рассыпались как карточные домики здания в городке и убегали в степь перепуганные люди. С годами чувство это поутихло, но побороть окончательно свою неприязнь он так и не смог.

В детстве Валерка очень боялся воды, наверное, потому, что его дед, отец Ольги Павловны, утонул еще совсем не старым, купаясь в реке Каме и мать несколько раз рассказывала ему об этом. Ему было уже лет 10, товарищи досаждали насмешками, а отец давно оставил попытки затащить его в воду. Наконец, Валерка решился. Он выучился очень быстро и к концу лета отважился даже переплыть реку, правда, в самом безопасном месте – выше пляжа, и, плывя обратно чуть не утонул от усталости, но страха у него больше не было.

С тех пор он выучился плавать как рыба, или как лягушка, во всяком случае, потому, что у него были большие руки и ноги. Даже ласт не нужно, шутила мама, и он был сильный юноша. Он не любил пляжа с его скученностью и бездельем (и стеснялся своей наготы). Одежду оставлял где-нибудь в кустах и тут же бросался в воду. Загорал только на противоположном берегу на большом лесистом острове. Несмотря на кажущееся миролюбие, река была очень коварной, с меняющимся от берега к берегу сильным течением. Иногда,

попав в такую струю, после многих усилий, пловец обнаруживал, что его опять отнесло к другому берегу. Такая это была река, к которой Валерка относился, как к существу почти одушевленному.

Мартовское солнце в несколько дней сожгло снега и только кое-где, в оврагах, да под высоким берегом оставались лежать грязные слежавшиеся сугробы. Зато в городке разлились огромные лужи, подавляя своим необъятным размером, глубиной и непроходимостью. Затем, буквально за день они исчезли, как будто выполняя чью-то команду, и земля сразу сделалась сухой и теплой.

А в степь весна пришла и того раньше. Еще и снег лежал толстым слоем, а кое-где на проталинах с солнечной стороны бугров протыкали черную землю зеленые стрелки, а еще чуть позже, зацвели, закачались под весенним ласковым ветерком желтые пяточки куриной слепоты и крупные, мохнато-лиловые с желтым крестом тычинок – подснежники. Немного погодя, кустиками, по 5-6 стеблей, иногда не к месту, на самой тропинке расцвели элегантные ирисы. Их сменило цветение ковыля – расстелились по ветру белые гривы невиданных лошадей.

На реке прошел ледоход. Два дня тяжело вздыхали и лопались льдины, ломали кусты и обдирали кору, наползая на черные стволы тополей. Потом вода спала, посветлела и начала потихоньку согреваться. Купальный сезон Валерка открыл в середине мая, а в конце месяца уже рисковал переплы-

вать на остров. Он мог пробыть под водой больше минуты и за это время переплыть почти полреки.

Нынешняя весна казалась ему особенной, не похожей на все остальные. Вернувшись домой, он забрасывал тетрадки с учебниками и отправлялся в степь. Далеко, куда глаза глядят. И так любо казалось ему это раздолье, так весело пел где-то в вышине жаворонок, и так ласково светило солнце, что он чувствовал себя вполне и до конца счастливым.

Иногда он ложился на какой-нибудь пригретый холмик, закидывал руки за голову, смотрел в небо и думал, думал, думал. Домой он возвращался под вечер, с обветренными губами, загоревший не меньше отца, держа в руках неизменный букетик цветов и полный какими-то своими, неведомыми никому мыслями.

Днем ничего не происходило, а по ночам он начал видеть странные сны. И в ту ночь он видел сон. Чудесный. Какие бывают только в юности. Видел цветущий луг, зеленый, поющий, свежий, каких не бывает здесь даже весной. Трава высокая, и такая мягкая – мягкая, лежишь на ней, будто на ковре. Удивительно это: спать и видеть себя спящим. А потом проснуться и задохнуться от радости, увидев склонившееся над тобой родное лицо. Ее глаза, шепчущие губы, ее волосы, а потом бежать за ней, едва касаясь земли, и видеть, как она оборачивается, смеется и бросает в тебя головки ромашек. Счастье.

Вдруг пахнуло холодом, это обрыв, а внизу далеко – дале-

ко река.

– Что ты делаешь?

Она отталкивается, прыгает, и опять близко ее глаза. Испуг. Отчаяние, а потом сумасшедшая надежда дотянуться до нее и спасти.

– Я лечу, я догоняю тебя у самой воды и взмываю вверх. Оказывается, я умею летать! Милая, мы уже высоко над землей. Посмотри: где-то там, далеко река и обрыв с которого мы прыгали, и луг, и роща, и крыши домов. Мы летим с тобой, как птицы, большие красивые птицы. Мы возьмемся за руки и будем лететь долго – долго в синем небе, под ясным солнцем. Ведь это наш дом, вся Земля – это наш Дом!

Валерка проснулся и слезы еще не успели высохнуть на его щеках.

Каждое утро они слышали шум падающей воды – множества фонтанчиков, бьющих из отверстий в трубах, которые в видимом беспорядке проложены здесь вдоль домов и аллей. С этими струйками воды в самую жару любили играть малыши. Они ловили тяжелые теплые капли и умывали ими свои серьезные рожицы. Насытившаяся влагой за короткую летнюю ночь земля собирала маленькие лужицы на земле и на асфальте.

Утром мать с Наташей отправились на пляж, а Валерка остался дома и завтракал, по обыкновению с книжкой. В дверь позвонили. Думая, что это вернулась за какой-то надобностью сестра, он пошел открывать. На пороге стояла

незнакомая девушка лет 14-15 тоненькая и высокая, чуть только пониже его самого. Длинные до плеч каштановые волосы были небрежно сколоты на затылке хвостиком. Розовые губки подрагивали, а выражение серых глаз было такое грустное, что Валерка готов был биться об заклад: она недавно плакала.

«Здравствуй, я видел тебя во сне. Ты помнишь? Мы лежали с тобой над лугом. Ты плакала? Почему у тебя такие глаза?»

Она ничего не помнила.

Девушка была в коротеньком пляжном халатике и стоптанных вельветовых тапочках на босу ногу. Странно, что Валерка обычно так мало обращавший внимания на Наташкиных подруг, успел ее разглядеть так подробно. Увидев незнакомого парня, девушка вспыхнула от смущения, попробовала придать независимое выражение лица, но только улыбнулась немного жалобно.

– Здравствуйте, – сказал он, тоже улыбнувшись – вам кого?

– Мне Ольгу Павловну, пожалуйста. Ведь это квартира Козловых?

– Да, но мамы нет дома. Она на пляже. Хотите я проведу к ней?

Ему вдруг захотелось сделать что-то приятное этой милой девушке.

– Нет, спасибо, я найду сама. Вы только расскажите, как

ее найти.

– О, это очень просто. Спускайтесь на пляж по каменной лестнице. Еще сверху вы увидите, как кто-то прыгает с обручем это моя сестра. Мама будет рядом.

Он замолчал и теперь они просто стояли друг напротив друга и улыбались. И оттого, что она вся была такая светлая и лучистая в своем светло-зеленом халатике, и улыбка у нее была уже не грустная и даже от того, что между открывшимися в улыбке передними зубами была приметная щелочка, которая совсем не портила ее, а, наоборот, казалась Валерке особенно трогательной, у него весь день потом было удивительно праздничное настроение и все у него получалось.

– Ой, я пойду, спасибо вам! – спохватившись проговорила девушка и лицо ее снова приняло озабоченное выражение.

– Ну, что вы, не за что, – стараясь быть как можно более солидным, проговорил Валерка, затворил дверь, а потом, потеряв всякую солидность в два прыжка добежал в комнату родителей, для того, чтобы осмотреть, как она будет идти через весь двор.

Когда через пару дней снова раздался звонок и отворившая дверь Наташка повела кого-то в свою комнату, сердце Валерки испуганно и радостно забилось. Сомнений быть не могло: он узнал ее голос. В прихожей рядом с изящными туфельками сестры стояли знакомые тапочки. Он постучал в дверь и на удивленное «Да!» сестры – вошел.

– Здравствуйте, – он мучительно подыскивал слова, – вы

нашли тогда маму?

– Да, нашла. Здравствуй, – она привстала с дивана, протянула руку и посмотрела ему в глаза, – меня зовут Таня.

От этого взгляда у него замерло все внутри и, пожимая руку, он проговорил скороговоркой:

– Валерка.

В ответ раздался ехидный смешок сестры, который еще больше смутил его.

– Это мой старший брат Валерий Анатольевич, но вы как будто уже знакомы?

Наташа достала из тумбочки и положила на стол стопку журналов мод в ярких обложках.

– Вот что я тебе хотела показать.

Девочки склонились над столом, а Валерка, чувствуя себя лишним, убрался в свою берлогу. Постепенно к нему вернулось бодрое расположение духа, но читать он уже не мог. Сидел прислушиваясь к тому, что делалось в соседней комнате. А оттуда доносились смешки, негромкий разговор потом послышался стук в стену.

– Да!

– Валерка, пойдем с нами в карты играть. Вдвоем скучно.

Он сидит с ними за столом, держа раскрытые карты, но мысли его далеко от игры. Не удивительно, что он уже в десятый раз подряд остается «дураком». К вящему удовольствию девочек. Какие они обе хорошенькие, хотя совсем не похожи друг на друга. Они даже радуются по – разному. Наташка

играет старательно, следит за вышедшими из игры картами и, окончив первой, торжествующе улыбается. А у Тани все написано на лице. Окончив, она хлопает в ладоши и счастливо смеется. А если карты неважные, она таким страдальческим взглядом смотрит на Валерку, что у того не поднимается рука подбросить ей лишнюю карту. А если ход под него – берет, даже если мог бы отбиться.

– Нет, так не честно. Он поддается! – сердится безжалостная Наташка, – я так не играю!

– Ну, ладно. Больше не буду, – обещает Валерка, но все повторяется сначала и, получив благодарственную улыбку, он расцветает от счастья.

– Дурачок, дурачок! Бэ-э-э! – смеется Таня и он тоже смеется над собой.

От былого смущения нет и следа.

– Постой! – Таня перегибается через стол, берет его ладонями за виски, поворачивает к свету – у тебя глаза зеленые, как болото, а я думала карие. А у Наташи синие. И, вообще, никогда бы не догадалась, что вы брат и сестра.

– Зато характеры у нас похожие, – тонко улыбается сестра, не поймешь, шутит она или серьезно.

– Как интересно! – Таня подперла щеку кулачком, а в глазах смешинки, – окончим школу, разъедемся кто куда. Вот бы узнать, кто из нас кем станет.

– Валерка будет математиком. Он на школьных олимпиадах всегда первое место завоевывает и даже в область ездил.

Он у нас в маму – усидчивый.

– Наташа поступит в физкультурный институт, – в тон сестре отозвался Валерка, – мастер спорта – Наталья Козлова! Каково?

– Ну, а я не знаю, кем буду. У меня с английским хорошо получается. Может быть поступлю в иняз, или МИМО. Буду экономистом в области внешних сношений. Вообще мне хочется объездить все страны. Я у нас во многих местах была: и в Москве, и на Севере, там мой папа служил, а теперь вот здесь. А скоро, может быть, мы поедem на Дальний Восток. Папа говорил, что его обещают перевести.

Ах, как хорошо было сидеть вот так, за столом, рядом с ней и ни о чем не думать, и не бояться, что можешь сказать что-то не так, и смотреть на нее. Теперь, каждый раз, когда Таня приходила к Наташке, Валерка без спросу заявлялся в комнату к сестре. Но, к сожалению, так было всего несколько раз.

Теплый летний вечер опустился над казахской степью. Дышать стало намного легче и поэтому свободное от службы народонаселение городка буквально высыпало на природу. По бетонной дорожке, проложенной вдоль высокого берега реки, прогуливаются трое подростков: две девушки и парень. Особенного выбора для маршрутов здесь не было. Полсотни домов, образующих городок, можно было обойти по периметру за полчаса. Несколько выложенных бетонными плитами дорожек, оканчивающихся крутыми и мелкими

ступенями к пляжу и одна вдоль берега, проложенная совсем недавно, как и большинство сооружений подобного рода солдатами. По застывающему бетону писали палочками: «Ашхабад», «Ташкент», «Кишинев» – кто откуда приехал, и объединяющее всех: «демба». Проложили и разъехались, а по дорожкам ходят те, для кого они предназначались, и читают названия чужих городов.

– Конечно, наша мама, – мудрая женщина, – рассуждает Наташа, – и еще она просто моральный авторитет семьи. Да, да именно моральный авторитет. Однако жить с такой высокоморальной мамой порой бывает ох как не просто остальным членам семьи. Но именно из-за своего нравственного превосходства такие люди часто просто не могут понять и принять других, скажем так, не таких высокоморальных.

– Наташка, ну что ты несешь. Какая тебя муха укусила? – пытается урезонить сестру Валерка, – мама у нас действительно очень умный человек, и семья у нас нормальная, дружная.

Но его сестра уже, кажется, что называется, вошла в раж.

– А я, что, по-твоему, глупая? Не вижу, как живут люди в нашем городке? У нас нормальная семья, говоришь? А ты знаешь, как называют за глаза нашего папочку?

– Ничего не знаю.

– «Битый летчик» его называют, вот как!

– Что за ерунда! Причем здесь «сбитый летчик»? Ведь отец не летчик, а технарь.

– Ну, ты, так же, как и наша мама, не только слепой, но и глухой. Я ведь сказала не сбитый, а битый. Потому что били его неоднократно за пристрастие к чужим женам. А «летчик» – это так, для красного словца. Юмор у них такой.

– Ох, и злая же ты, Наташка. Верно говорят про таких как ты: «Ради красного словца не пожалеет и отца». Отец у нас и вправду, очень красивый, а тебя он, знаешь, как любит?

– Да, знаю, любит. Он, вообще, таких как я, синеглазых, любит. Поэтому и старается умножить их количество в нашем гарнизоне.

– Наташка, окстись, ну что за бред ты несешь? Я что-то еще никого из синеглазых кроме тебя и отца в гарнизоне пока не встречал.

– Ну, так встретишь еще. А что касается тебя братишка, так это не удивительно, что ты ничего не замечаешь. Ведь ты у нас вслед за мамой очень высокоморальный. Правда, я на днях, убирая у тебя в берлоге, с интересом прочла в одной тетрадке очень занимательные мысли о том, как ты с одной известной нам особой во сне по воздуху летаешь.

И, увидев в сгущающейся темноте, как брат начинает в ярости сжимать кулаки, добавила:

– Но может, ты сам об этих полетах во сне расскажешь?

– Ну-ка, Валерка, что ты там такого наговорил вчера девочкам? Наташка мне все уши прожужжала, – деланно равнодушным тоном спросила Ольга Павловна.

Был вечер: уже не день, но еще и не ночь. На западе дого-

рала заря, а противоположная сторона неба казалась почти черной. В квартирах уже начали зажигаться огни. Это было время душевных бесед матери с сыном. Оба они были домоседами, потому, что Наташка вечно пропадала у кого-нибудь у подруг, а отец, как правило, был еще на аэродроме.

Ольга Павловна чувствовала, что как раз такой разговор должен произойти у них сегодня. Они были одной с ним породы и любили откровенные тихие беседы, все проясняющие до самой глубинки, после которых так хорошо и легко становится на душе и начинаешь думать, что есть на свете человек, который любит тебя, и думает и понимает мир так же, как и ты.

Но, несмотря на это, какая-то смутная тревога не покидала Ольгу Павловну весь день. Она знала, что не просто так, и не с бухты-барухты завел Валерка этот бессмысленный с точки зрения дочери разговор, а есть нечто, заставляющее его долго, может быть, мучительно долго искать выход и думать. Она знала сына в такие минуты, помнила его отсутствующий взгляд и напряженное, почти злое выражение лица. Она чувствовала натуру сына, потому, что сама была такая и знала, что, если что-то взбредет ему в голову, – он не остановится на полпути, а пройдет его до конца.

Они оба ничего не умели делать вполсилы и вот за эту душевную прямоту и бескомпромиссность особенно любила сына Ольга Павловна. Любила, но и даже побаивалась одновременно, как будто чувствовала, что однажды подобное ре-

шение сына может стать роковым для них обоих. Нет, их отношения никогда не были чересчур благодушными. Они были как полет двух птиц: они вместе пока в такт машут крыльями и одинаково рвутся вверх.

– Выкладывай, что там у тебя стряслось? – торопит она, пытаясь шуткой развеять напряженное молчание сына.

– Да ничего, мам, просто мне приснилось, будто мы летали над лугом, а потом над рекой. И так хорошо это было, я до сих пор помню это чувство.

– Значит, ты растешь. Это всегда так: когда растешь ночью, кажется, что летаешь. И я тоже летала в детстве.

– Да я не об этом, мама! – упрямо мотает он головой. Его уже не устраивает подсказанный матерью выход, – я представил, что когда-нибудь люди научатся летать. Просто так, понимаешь, не на самолетах или ракетах, а просто так – подумал и полетел.

– Ну, ну, – подбадривает его Ольга Павловна, а он уже и сам загорелся, и куда только делась его всегдашняя стеснительность и угловатость.

– Ты, конечно, подумаешь, что это просто детская фантазия, и, возможно, будешь права. Но не это главное в моем сне. Я думал вот о чем. Что делают люди с Землей? Разрушают горы, рубят леса, загрязняют океан – природа меняется, и никто пока не знает, что будет с нашей планетой через несколько столетий.

Современному человечеству, для того, чтобы оно разви-

валось, необходимы уголь, нефть, газ, металлы, ну, а что произойдет, когда все полезные ископаемые будут добыты? Начнут сверлить Землю насквозь или летать на другие планеты. А когда и там все кончится?

Все это ты знаешь – читала – и я тебе ничего нового не сказал, а повторил вот зачем: а что, если выбранный человечеством путь развития приведет к тупику, кризису цивилизации? Ты меня спросишь: а где же выход? Что же предстоит людям в будущем? Возвращаться в пещеры и каменному топору? Нет, ни в пещеры и ни к топору, хотя может быть и это, но уже людям не глупым, а умным, научившимся управлять природой.

Но каким же образом управлять? Опять с помощью техники? Ведь, если подумать, то окажется, что и нефть, и газ и уголь нужны для производства техники: машин, производящих новые машины и так без конца. Создавая технику человек не стал ее хозяином. Больше того, он создал себе господина, очередное божество.

А что если человечество научится управлять природой без техники? Ведь тогда все производство, вся промышленность будут совершенно не нужны. И будет чистый воздух, чистая вода и луга, и леса. Все будет так, как будто и нет человека, и все это будет для него. Но что это может быть за способ – управлять природой без орудий труда, без техники? А вот как: прежде всего люди научатся управлять своим телом и мыслями.

Но для этого наука должна будет сильно измениться, и изучать не отдельные процессы и явления, а пытаться найти всеобщие закономерности, которым подчиняется все во Вселенной. А ведь человек – это тоже часть Космоса, поэтому и законы, которым подчиняется и природа, и человек должны быть одни и те же.

Я не знаю, когда люди дойдут до этого, но я верю, что человечество может это сделать, ведь не даром верят, что Человек – это венец Природы.

Тяжело дыша, как будто после нелегкого подъема в гору, сжав кулаки и нахмутив брови, Валерка стоял перед матерью, ожидая ее ответа. Ольга Павловна смотрела на него и думала, что же ему ответить, чтобы он не обиделся и не подумал, что она его жалеет или поучает.

«А ведь он хорош сейчас и почти красив», – отметила она про себя, а вслух произнесла:

– И ты всерьез веришь, тому, что сейчас наговорил?

Валерка ожидал чего угодно, но только не этого. Он уже готовил аргументы, чтобы защищать придуманную им теорию, если она начнет возражать, боялся насмешки, и верил, что мать не будет посмеиваться над ним, но все-таки в душе готов был к отпору и топорщился, как еж. Но тут он не выдержал и широко, совсем по-детски улыбнувшись, махнул рукой на серьезность минуты и придуманные им обиды, с размаху плюхнулся на диван, к матери «под бочок». Она была уже гораздо ниже его, и он прижался к ней, обняв рукой

за плечо.

– Конечно, нет. Просто я представил себе, как хорошо должны жить люди в далеком будущем. И первое, что я решил про себя: они должны научиться летать. Потом я начал думать о том, что значит летать по желанию. Это значит усилием воли преодолевать силу земного притяжения. Но тогда они и все остальное должны научиться. И не будут нужны ни заводы, ни шахты, ни самолеты. Потом я начал фантазировать какими будут наука и обучение. Ведь тогда все будет по-другому. Все будут учеными и будут творить «чудеса». Только этому нужно будет научиться, и учеба будет не такая, как сейчас. Ведь мы в основном зубрим. А тогда нужно будет понимать.

Когда поймет человек, что он живет не один, а вокруг него много людей и он не сможет пожелать зла никому – тогда он поднимется на первую ступень развития и научится устраивать самое простое «чудо»: летать или создавать деревья, или цветы. Потом будет еще несколько ступеней и высшая – это та, когда человек поймет свое единство со всем миром, почувствует гармонию Вселенной – тогда откроются ему все силы природы

Ольга Павловна покачала головой. Это снова был ее Валерка, каким он был еще в детстве, когда таскал домой облезлых кошек и больных голубей: «Жалко их, мама». А когда подрос немного, не стал жестоким, как это бывает с подростками, не мучил животных и никогда не дрался, несмот-

ря на то, что был хоть и неуклюжим, но очень сильным.

– Ах, Валерка, Валерка, маменькин сынок, – думает Ольга Павловна, проводя рукой по жесткому ежику волос сына, – что-то будет у тебя в жизни? Мой милый «гадкий утенок»!

Теперь Валерка говорил торопливо, будто опасаясь, что его прервут и заглядывал матери в глаза:

– Понимаешь меня, понимаешь?

И находил в ее глазах грустную поддержку:

– Хорошо, сынок, это немного наивно, но все равно – хорошо.

Когда он перестал говорить, мать и сын сидели некоторое время молча. Наконец, Ольга Павловна нарушила молчание:

– Валер, а та девушка, с которой ты летал – это была Таня?

Он помолчал немного, а потом ответил со всей искренностью, на которую был способен:

– Ты знаешь, мама, еще вчера я был в этом почти уверен, а сейчас я уже не знаю.

С этого дня полеты больше не снились Валерке и проблемы будущего человечества как-то потеряли для него прежнюю остроту.

– Валер, ну, ты как, еще не научился летать? – спрашивала его иногда с ехидцей Наташка.

– Учусь, сестра, учусь. Есть кое-какие сдвиги, – заученно отвечал Валерка, но уже не сердился как прежде.

В конце июня на острове расцвели диковинные цветы. Они были похожи на мальву, но это были дикорастущие

дельфиниумы: высокие стебли, усыпанные великолепными синими розетками. Пахли они необычайно сильно и сладко. Валерка отправился вглубь острова за букетом, принес цветы домой и представлял себе с каким выражением примет такой букет Таня, которая незадолго до этого уехала на каникулы к тетке в далекую Россию. В тоскливом ожидании прошло больше месяца.

Но и после своего возвращения девочка ни разу больше не появилась в квартире Козловых. Пришлось Валерке сменить свою тактику. Теперь он стал регулярно, как на дежурстве, просиживать на берегу долгие часы. Но что бы он ни делал, нет-нет, да и взглянет – не появится ли на пляже знакомая девичья фигурка. Ее появление он чувствовал почти инстинктивно и по внезапному сердцебиению узнавал, что это она. Таня была выше всех, у нее был самый красивый купальник и самая элегантная походка. – она шла, высоко поднимая голову с опущенными почти неподвижными руками.

Так проходил день за днем, уже и август почти перевалил за половину, – но единственное, что он страстно хотел: хотя бы просто подойти и поздороваться, нет – это было выше его сил. Оставалось только надеяться на случай.

Как и многие мальчишки в городке, в детстве Валерка очень любил парады. Больше всего нравилось ему смотреть, как проходят колонны военных. Он помнил себя совсем еще маленьким, когда с мамой за ручку он приходил на главную улицу напротив штаба. Мама выводила его вперед, и он с

замирающим сердцем следил за тем как торжественно и весело маршируют знакомые и не знакомые дяди, среди которых был такой же, как и все, непривычно нарядный, даже какой-то чужой и в то же время удивительно родной – его папа.

Но особенно торжественным ему представлялся парад в День Авиации.

В тот день, Валерка с Наташей вышли вслед за матерью смотреть парад. И когда, также, как и много лет назад мать приподнялась на цыпочки, и, сделавшись на мгновение удивительно молодой, взмахнула руками едва не вскрикнула: «Вот он, вот». Валерка почувствовал вдруг как в носу у него зашипало, и он отвернулся. А мать уже немного смущенно взглянула на сына снизу вверх.

– Смотри, смотри! Наш папка все такой же стройный и молодой.

Сестра стояла рядом, с рассеянным видом грызла семечки и, казалось, не обращала ни малейшего внимания на эти сантименты. Когда парад закончился, Ольга Павловна заметила идущую рядом Валу Соловову тоже с детьми и окликнула ее. Они подошли друг к другу, заговорили и пошли рядом.

Сердце у Валерки забилось радостными толчками. Он представил, как направится сейчас к ним Таня, взглянет прямо в глаза и протянет руку, как это было во время их последней встречи. Но что это? Девочки как будто и не собирались здороваться. Вот они окинули друг друга холодными отсутствующими взглядами, постояли мгновение, затем поверну-

лись и пошли в разные стороны. Валерка почувствовал этот брошенный мельком взгляд, обращенный даже не на него, а просто в сторону, как будто там, где он сейчас стоял было просто пустое место и понял, что это конец. Больше никогда он не будет стоять к ней так близко, чтобы видеть, как она широко улыбнется ему, обнажая белые зубы с щелочкой спереди. В несколько шагов он догнал ушедшую вперед сестру, тронул за локоть.

– Наташка, ты разве больше не дружишь с Таней?

Удивился, увидев ее тронутые ледком глаза.

– А тебе какое дело? Мы раззнакомились, – и сказала после паузы, – к тому же она все равно скоро уезжает.

– Как уезжает? – не понял Валерка, – насовсем?

– Очень просто. Как уезжают? Отцу предложили на Дальнем Востоке полковничью должность, вот они и уезжают.

Заметив, что Валерка стоит в ошолоблении, какой-то молоденький лейтенант, хлопнул его по плечу.

– Что, парень, отшила? Не унывай!

– Да нет, это сестра, – махнул он рукой.

– Хорошенькая сестренка, вот бы познакомиться!

Валерка ничего не ответил и побрел прочь. Праздник был безнадежно испорчен.

Но удары судьбы на этом и не думали прекращаться. Чего стоила, например, еще одна встреча...

– Эй, старик, ты куда это разогнался? – послышалось со спрятавшейся в тени деревьев лавочки.

Валерка невольно остановился и вглядываясь в темноту, узнал своего школьного приятеля Юрку Пошехонова.

– Здравствуй, а ты что здесь делаешь?

– Да вот, сижу, курю, мать из дома выгнала. Нечего, говорит, коптить, ступай на улицу.

Юрка был одним из немногих десятиклассников, кому в семье открыто позволяли курить.

– Поддержишь? – он протянул Валерке пачку сигарет, – «Союз – Аполлон» – фирменные. Привез из Москвы.

Валерка взял коробку, попытался рассмотреть, что на ней изображено.

– Стыковочка... Высший класс. Наша «Ява» и «Филипп Морис».

Неизвестно было, к чему относится похвала Юрки: то ли к состоявшейся недавно космической встрече, то ли к качеству сигарет.

Курить не хотелось, но, чтобы поддержать разговор, Валерка взял сигарету, прикурил, и, отвернувшись, чтобы Юрка не увидел, как он скривился, спросил:

– А ты в Москву отдыхать ездил?

– Старик, кто же в Москву отдыхать ездит? Чисто деловая поездка. Ну, конечно, эстрадные концерты, ресторан – это тоже было. Но главное – налаживание деловых связей для будущего поступления в вуз. Ты куда надумал поступать?

– Я? – Валерку этот вопрос явно застал врасплох, – не знаю еще. Мать советует на математический, а я еще не ре-

шил. Может быть, политех.

– Вот, вот, – Юрка покровительственно похлопал его по плечу, – слушаю я тебя и думаю: какая же, мы провинция. Отстали от моды по крайней мере на десяток лет.

– А разве и здесь есть мода?

– А ты как думал? Ну, что такое современный инженерик или учитель? Банально. 120 рэ и серая будущность. Это у нас высшее образование еще редкость. А в столице – ткни пальцем в самого что ни есть замухрышку – окажется инженер. Сейчас, старик, главное – экономика. Только она решает все.

– У тебя, что: родственник какой экономист?

– Ну да, а ты как думал? Дядька, понимаешь, занимает солидный пост в министерстве. 400 рубликов оклад. Знакомства всякие. Он мне так и советует: Иди, говорит, в МИМО. А там знаешь, какая жизнь? Загранпоездки. Париж, Нью-Йорк...

– Так сразу и Париж? – не поверил Валерка.

– А ты думал! Ну, не сразу, конечно... А если не получится... Туда ведь, знаешь, какой конкурс? 150 человек на место. Честное слово. Тогда дядька в Плехановский обещал устроить. Это, уж точно.

– Да, кстати, старик, – круто перевел Юрка разговор на другую тему, – ты что на танцах не показываешься?

– А что? – удивился такому переходу Валерка.

– Просто девчонка одна о тебе справлялась. Догадываешься, старик, о ком речь? Ты зря упускаешь такой момент. Дев-

чонка, то, что надо. И целуется взапас – высший класс. Я бы с ней занялся, да жаль, уезжает скоро.

– А когда ты успел? – внезапно осипшим голосом спросил Валерка.

– Долго ли умеючи! Потанцевал, проводил домой. Ну, а в подъезде... Да ты не ревнуй. Я тебе мешать не стану. Для друга чего не сделаешь? Ну, ладно, старик, мне пора. До скорого.

И удалился бойкой своей походочкой.

– Фу, черт! – у Валерки в горле все пересохло.

Дикая мысль ударила в голову: догнать и набить ему морду. Скрипнул зубами. Вцепился в деревянный поручень скамейки, что было силы.

– Да, что толку! Разве он виноват? Себе набить – это стоило. Все ведь так просто, а я нафантазировал черт знает что. Подумаешь, рыцарь, нашелся.

В ту ночь он снова отправился на реку. Холодная вода обжигала. А с черного неба прямо над островом висела огромная красная луна, предвещающая что-то недоброе, такое, что еще никто из них даже представить не мог.

И еще один разговор.

– Валера, а ты знаешь, что через несколько дней Солововы уезжают? – спросила Ольг Павловна, входя в комнату сына.

– Знаю, а что?

– Да нет, ничего, – ответила Ольга Павловна, уловив враждебность в голосе сына, – просто я знаю, что Таня тебе нра-

вилаась. Попрощался бы с ней.

– Нравилась, да разонравилась.

– Что же это так вдруг?

– Просто она видеть меня не может. Смотрит на меня, как на пустое место.

– Ты еще во многом ребенок, Валерик, – сказала Ольга Павловна, – да, да, не улыбайся, а Таня давно уже не девочка. Не в прямом, конечно, смысле, а в другом, в смысле ее развития. И, к сожалению, она знает жизнь далеко не с лучшей стороны.

– Ты знаешь, какая у них семья? – спросила она Валерку.

– Ну, семья, как семья, ответил он, – а ты почему меня об этом спрашиваешь?

– А отца их хорошо знаешь?

– Да нет, не очень. Знаю, что он подполковник, командир, красивый такой. А еще я слышал, что он выпить любит.

– Если бы только... А ты знаешь, что Валя Соловова, его жена, со слезами ждет каждый выходных? Боится. Потому, что каждый выходной этот красивый, как ты сказал, мужчина напивается пьяный, приходит домой, избивает и насилует жену, иногда даже на глазах у детей.

– Как же это? – не понял Валерка, – этого не может быть!

– Я сама бы ни за что не поверила, если бы Валентина не просила побыть у них дома, пока муж ее не угомонится и не уснет.

– Ну и как?

– Сначала помогало, а потом он привык и стало еще хуже.

– Он, что, и тебя бил? – воскликнул Валерка и почувствовал, как у него непроизвольно сжались кулаки.

– Да нет, меня он и пальцем не тронул... Понимаешь, она у него все равно, как заложница. Правда, любит он ее, но что из этого? Ревнует. Она только здесь на работу пошла, а то он ее из дома никуда не выпускал. Ни в кино, ни в гости к кому. Вот, только со мной она подружилась, и то, случайно.

– Прямо домострой какой-то. Почему же она не разведется?

– Куда же она пойдет? Это с двумя-то детьми. Ведь у нее ни профессии, ни дома. Взял он ее замуж в восемнадцать лет, едва 10 классов успела закончить. Жила она в деревне. Приехал в отпуск к своим родителям – дома их в деревне рядом стояли – капитан, летчик и забрал ее с собой. Если бы знала, говорит, тогда, что так будет. Вздыхает и плачет. Да, если бы знала... Ведь он ее прямо тиранит. Никак предохраняться не велит, а она без конца аборт вынуждена делать, болеет. Она сама говорит: «Жизнь моя кончена». Это в 33-го года. А дети, дети тут причем? Что они думают при таком-то зверстве и какими они вырастут при таком отце?

– А со стороны ни за что не подумаешь, что у Тани такой отец.

– Таня девочка способная и умница, красивая девочка. Ведь у нее отец и мать – красивые люди. И гордая, как же ей признаться в этом. Но ты представь себе, что она должна

переживать. Ну, хорошо, маленькая была – не понимала, а теперь она взрослая, невеста почти. Ведь это же так важно – отношения в семье, между родителями. А какой у нее пример?

– Мама, но ведь я же не знал этого раньше...

– А я и не виню тебя в этом. Конечно, уже все равно. Для Тани все равно, как ты относишься к ней, а для тебя – нет. Ей уже не ты, а кто-то другой помогать должен.

– Мам, а ты с Наташкой об этом разговаривала?

– Да разговаривала. У нее на это один ответ: это их дело, пусть они сами в этом и разбираются.

Валерка вдруг почувствовал такую нежность и такую жалость к этой уже почти чужой девочке, какой он никогда не испытывал, когда видел улыбку, обращенную к нему и держал ее ладонь в своей руке. И вот только сейчас он понял, что уже никогда не сможет забыть ее до конца. И что эта боль и эта нежность, также останутся с ним навсегда.

– Ах, если бы я знал раньше! – повторил он про себя.

Оставшись один, Валерка достал из ящика письменного стола знакомую тетрадь и развернул, не глядя: «И взявшись за руки, они начали подниматься все выше и выше. А с земли казалось, будто две большие красивые птицы согласно плывут в бесконечном просторе неба».

Повторил про себя: «Две большие красивые птицы». Нет, к черту все это!

Валерка зашвырнул тетрадь обратно в ящик. Заходил по

комнате быстро. Все: нет ни птиц, ни полетов. А вот что правда: «По выходным он напивается, орет на детей и начинает насиловать жену».

– Ты думаешь, тогда Таня в гости к нам приходила? Она о помощи моей прибежала просить, в слезах, чтобы успокоить отца изверга...

В ту ночь он долго не мог уснуть. Все ворочался, а сон никак не приходил. Все успокоилось, когда наступило утро. Утро его последнего дня.

Валерку хоронил весь военный городок на кладбище одноименной железнодорожной станции и расположенного при ней русско-казахского селения. Своего кладбища в городке не было. Люди в нем жили молодые и умирали редко. А в случае катастрофы или другого несчастного случая родственники погибшего, как правило, увозили на родину.

Валерку хоронили посреди степи, потому, что он любил ее и здесь была его родина. Встречающиеся бабки торопливо крестились и спрашивали жадным шепотом:

– Кого везут-то?

– Парень один помер.

– Офицер?

– Да, нет, школьник еще. Давеча лодка на реке перевернулась, там много народу было, а нашли только этого с ребенком. Мальчишку-то откачали, а этот так и помер. Доктора говорят: сердце не выдержало.

– Господи, несчастье-то какое!

– А с лица-то он черный какой! Я думала старик.

– Молоденький, говорю, парнишка. Семнадцати еще не было.

Тяжело вздыхают старухи, а чья-то словоохотливая родственница тяжелой рысцой догоняет ушедшую колонну.

Слухи, слухи ползут по городку, страшные, почти нереальные. В это не хочется верить, но людей то нет – ищут.

– Шестеро в лодке из было, а ребяенок – седьмой.

– Таракан, Юрка, значит, лодку весной только купил, дюралевую с мотором.

Они на острове уху из стерлядей варили, день рождения у Таракана был. Ну, и перебрали, видно.

– Конечно, пьяные. Трезвые бы разве утонули?

– А ты пробовал реку ниже пристани переплыть? То-то же. Там и здоровому мужику солоно придется.

– Парень-то этот бросился с пристани спасать и, можно сказать, дважды против течения выплыл, да еще с ребенком на руках.

– Плыл да не доплыл, помер, ведь.

– Доплыл, тебе говорят. Мне Черкашин рассказывал. Они в тот день с Иваном Степанычем на даче были. Спускаются они к роднику, а он лежит. У самого берега. И мальчишка у него в руке. Начали они, когда их вытащили, мальчишку отцеплять. Да куда там. Вцепился как клещами. Все плечо у пацана синее.

– Сильный, видать, был парень. На одной руке реку пере-

плыл и спас мальчонку.

– А себе жизнь не сохранил.

– Вот горе родителям...

Черная, черная степь перед глазами у матери, только один гроб красный, и там ее сын.

– Мама, ты знаешь, а я никогда не умру. Потому, что если меня не будет, то куда же это все денется? Я, вот, думал, думал, целый день сегодня думал, и вчера тоже. Мы будем всегда.

– Кто это «мы»?

– Ну я, ты, папа...

– А Наташа?

– Ну, пускай и Наташка, хотя она и вредная.

Он был весь в нее, в ее род, талантом, резкостью черт и некрасивостью. Ее «гадкий утенок», косолапка-мальш, который в последнее время вымахал на голову выше нее. А теперь снова стал маленьким, и теперь уже навсегда. Он мог многого достигнуть в любой области, какую бы ни выбрал, но у него было доброе сердце и слишком ранимая душа. Может быть она сама была виновата в этом. В том, что не отдала его улице, не закалила морально.

– Мама, ты не слушай. Наташка тебе, наверное, наболтала всякого. Это не выдумка и не сон. Ты знаешь, я думаю о том, какими люди будут в будущем. Не скоро, может быть, через тысячи лет, но мне кажется, они обязательно к этому придут.

– Мам, ты не спишь? Ты не спи. Я, знаешь, о чем думаю?

Почему мне так жалко всех вас?

И папу, и тебя, но тебя все-таки больше. Вот, живем мы, как будто на краю света. Ничего не видим, даже травы настоящей и той мало. Военные с аэродрома идут хмурые, усталые, а их женам тоже не легче. Я прямо не знаю, что мне сделать для вас. А себя мне почему-то не жалко. Я чувствую, какая большая будет у меня жизнь.

– Ты был сильный и великодушный, мой сын.

– Слабый он был, твой Валерка, и трус. Когда я ему рассказал, что ты со мной, а не с ним решила дружить, он аж побледнел, губы дрожат и побежал на реку плавать. Ночью. Вот и доплавался...

– Не говори так, Юрка, он хороший был, добрый, только фантазер. Все про какие-то полеты мне говорил – как будто я с ним по воздуху. Во сне, говорю. Да нет, не только во сне. И, вообще, он такого понапридумывал, что мне даже скучно с ним стало.

Много было пролито слез, и женских и даже мужских. Но некоторые в недоумении наблюдали за сухими глазами матери, Ольги Павловны.

– Бесчувственная она, что ли, – думали они, потому, что не могли знать, что творилось у нее в душе.

Будто каменная вошла в свою опустевшую квартиру, где на кухонном столе в трехлитровой банке стоял букет полуоблетевших дельфиниумов – последняя весточка от сына. Ни мужа, ни дочери дома не было. Для того, чтобы хоть чем-то

себя занять, она решила навестить в госпитале спасенного сыном мальчика.

Как и все в этом городке, госпиталь располагался буквально по соседству. Она прошла в почти пустую палату, где на большой кровати едва угадывался контур разметавшегося в горячечном бреду ребенка. Внезапно он открыл показавшиеся ей огромными свои васильковые глаза, протянул к ней тоненькие ручонки и прошептал:

– Мама, наконец, ты пришла. Почему тебя так долго не было?

И тут слезы, которых так долго не было, хлынули из глаз Ольги Павловны.

– Сыночек мой, я тебя больше никогда не оставлю! – повторяла она сквозь рыдания снова и снова.

Подошедший военный врач, потому что не военных в городке не было, напрасно пытался ей объяснить, что ребенок просто бредит. У него крупозное воспаление легких и температура за сорок. Поэтому он принял Ольгу Павловну за свою покойную мать, тело которой так и не нашли.

Решение усыновить осиротевшего ребенка пришло к ней в одно мгновение и больше уже не оставляло ее.

«Атомное» озеро

Сорок лет спустя. Опять август и та же казахстанская степь. Широкая хорошо сохранившаяся, хоть и далеко не новая бетонка мягко шурша стелется под колесами дорого внедорожника. За рулем красивый мужчина слегка за сорок с тщательно ухоженной бородкой и депутатским значком российского триколора в лацкане импортного пиджака. Мужчина без конца разговаривает по мобильникам, которых у него сразу несколько. Рядом с ним на переднем сиденье сидит маленькая седая женщина с черной шалью на голове. Она молчит, и только изредка на мужчину поглядывает. Так может смотреть на сына только любящая мать, которой все в своем мальчике нравится. И как он разговаривает с разными людьми: то по-дружески, то с глубоким уважением, а то с нескрываемой симпатией. И всегда в нем чувствуется ум и глубокое знание психологии человека, с которым он беседует.

А потом и она глубоко о чем-то задумывается.

– Вот, я и еду к тебе сынок. Скоро свидимся. Сколько лет прошло? И не сосчитать. Не знаю, как бы жизнь моя дальше повернулась, если бы ты не оставил вместо себя живую весточку. Братца своего тобой спасенного. На первых порах забота о нем отвлекала меня от тяжелых мыслей. А потом опять, как навалилось... Я чувствовала, как одна за другой

рвутся нити, связывающие меня с военным городком и со всей здешней жизнью. Мне настолько остро не хватало тебя, что, просыпаясь по ночам, я долго и молча редела в подушку. Осознание того, что муж все эти годы изменял мне пришло сразу, но против ожидания, не очень меня опечалило. Может быть, потому, что после того, что я пережила, меня уже ничто не могло поразить так же сильно, а может быть еще и потому, что где-то в глубине души, я предчувствовала, что может случиться нечто подобное. Но сейчас, когда это произошло, я восприняла случившееся почти как должное. Спать я стала в детской в твоей кровати и Анатолий принял это почти нормально. Вообще, после всей этой истории муж пытался несколько раз объясниться, но я каждый раз останавливала его. О чем новом он мог рассказать? Живое свидетельство его неверности мирно сопело рядышком в своей детской кроватке. Но малыш, разумеется, был абсолютно ни в чем не виноват. А мы, взрослые, должны были разбираться сами. Во всяком случае, Анатолий никогда больше не мог претендовать на то, чтобы считать себя главой семьи. Да ведь и прежде, как любила говорить наша многомудрая не по годам дочь, моральным авторитетом в семье была я. Стало быть мне и следовало принимать решение за себя и за всех.

Стала я думать, как же дальше жить. У Анатолия выбора не было – ему оставалось служить еще несколько лет. Зато выбор был у меня. Неужто, думала я, в неполных сорок лет жизнь заканчивается? У каждого должен быть свой путь... А

у меня? Конечно, это математика! В первый год я стала налаживать прерванные много лет назад связи с бывшим своим учителем. Он меня вспомнил, хотя и старенький уже был, и давно вышел на пенсию. Учитель помог мне восстановиться в аспирантуре, разумеется, уже заочной. Через год я все минимумы экстерном сдала, еще через два кандидатскую диссертацию защитила.

Ах, как на первых порах, мне было трудно! За полтора десятка лет, я не только растеряла свои способности, но и просто разучилась думать, как положено профессиональному математику. Мои мысли были корявые и, понимая это, мне не раз хотелось бросить все и разреветься как девчонке. И каждый раз я вспоминала тебя, мой мальчик! Думая о том, каково было тебе, обессиленному и замерзающему, но не сломленному, я понимала, что мои трудности – это ничто и я все равно их одолею. Затем была докторская, а потом признание отечественных и зарубежных коллег. И опять я стала вспоминать тебя. Ты говорил люди должны научиться летать. Теперь я стала лучше это понимать. В самом деле, разве не охватывает ощущение полета, когда занимаешься любимым делом? Только сейчас я почувствовала себя по-настоящему свободной, и стала понимать математику как инструмент переустройства мира. Недаром еще великий Галилей говорил, что бог написал Вселенную на языке математики.

Когда Анатолий отслужил свои положенные 25 календа-

рей и приехал к нам, на Урал, место для него нашлось на авиационном заводе, можно сказать, по специальности. Был он какой-то, выцветший и глаза как будто полиняли: вместо синих сделались белесыми и мутноватыми. У меня он вызывал больше жалость. За высокими должностями он не рвался, но в лихие годы его заработок служил для нас подспорьем. Тогда академическая наука стала никому не нужна, а гранты от иностранных вузов приходили крайне нерегулярно и избирательно. В политику Анатолий не лез, и после падения Союза больше никому не верил. Как и многие отставники, служившие в том небезопасном месте, здоровье его было уже основательно подорвано и жить ему оставалось совсем не долго. После его смерти я взяла свою девичью фамилию, под которой и была больше известна в академических кругах.

Ах, как я дорожила моим приемным сыночком, моим солнышком синеглазым. И он меня никогда не подводил, ведь его выбрал в последние свои минуты мой сын. Угадал родную душу, а это гораздо важнее чем родство телесное. Ведь живет моя родная дочь уже много лет в своей Европе, у нее было за это время несколько мужей, а от них дети, и теперь уже внуки. Но с каждым свиданием, чувствую, как все больше мы отдаляемся друг от друга. Конечно, можно сослаться на разный менталитет там на Западе и у нас в России, но, наверное, не в этом главное, а в том, что не было у нас с Наташей настоящей душевной близости. Ни в детстве, ни в

зрелые годы, ни теперь на старости лет.

Тогда я еще некоторое время пожила в нашем городке, а потом вернулась к родителям в свой родной город – столицу древнего Урала. Сынишку далеко от себя не отпускала. Но и ограничивать его свободу не стремилась. Он под моей опекой и школу, и институт заканчивал, и в ученые вышел. А как порой бывало сложно. Особенно в годы безвластия, которые называли перестройкой и все последующие полные настоящего беспредела. Как я боялась за него, чтобы он не оказался в дурной компании, не связался с криминалом. До сих пор помню бессонные ночи в ожидании его возвращения, когда вздрагивала от любого крика или хлопка на улице. Было у нас с сыном одно общее, что даже без упоминания, еще больше нас связывало. Вера. В страхе за сына – подростка я совершенно бессознательно начала молиться. Сначала даже не зная по – настоящему слов, но совершенно искренне. А сын пришел к этому немного позже, но тоже искренне и без сомнений. Не знаю, как с наукой, но у него всегда было еще множество дел. Вполне возможно, настоящее его призвание – это не наука, а общественная деятельность. Он в ней весь прямо горит. И здесь я не стану ему мешать.

Ее мысли неожиданно прервал сын:

– Мам, а что это там за симпатичное озерцо? Так и хочется остановиться, и искупаться в нем.

– Ты знаешь, сыночка, у этого озера довольно богатая история. У нас его называли «атомное» озеро и знаешь, поче-

му?

– Кажется, начинаю догадываться.

– Это результат бездушного эксперимента. Хотели создать искусственное водохранилище для нужд сельского хозяйства, а получили источник повышенной радиоактивности, к которому и через сотни лет приближаться будет опасно.

– Ну, что, – пошутила Ольга Павловна, – тебе не расхотелось в этом озере искупаться, или, может быть, рыбку в нем половить?

– Нет, я, пожалуй, погожу это делать пару сотен лет, – в тон матери ответил сын.

Даже после картины упадка в некогда цветущем городке, названном по имени великого советского физика, куда наши путешественники прибыли по случаю торжественного запуска первого в стране токамака, впечатления от полузаброшенной северо-восточной казахстанской железнодорожной станции были ужасающими. Тем не менее могилка русского мальчика выглядела почти ухоженной и опрятной.

Пока Ольга Павловна тихонько обливалась слезами, глядя на выцветшую фотографию погибшего сына, другой ее сын вполголоса беседовал с бедно одетой сгорбленной старушкой, единственной хранительницей могилки.

– А что, Ольга Павловна разве доктором работает? Ведь когда-то она была учителем, – расспрашивала его старушка.

– С чего Вы взяли, тетя Глаша, что она доктор? Мама –

математик, очень известный в России ученый, – отвечал сын солидным баском.

– Это когда я ей как-то по телефону звонила, у меня спросили: вам наш доктор нужен?

– Вам бы тетя Глаша «штирлицем» работать, – пошутил сын, – в институте у нас двое Лобачевых: я и мама. Она доктор наук, а я пока еще кандидат. Мама у нас не просто доктор, а почетный доктор Парижского и Лондонского университетов.

– Скажите, пожалуйста, – только и ответила пораженная услышанным старушка, – а вы, стало быть, сын младшенький Ольги Павловны?

– Да, я ее сын, и еще я крестник старшему сыну, который под этим камнем лежит. Он меня спас, когда лодка на реке перевернулась и много людей утонуло. А брат меня спас, ценой своей жизни. Правда я этого совершенно не помню, совсем мелким был, – последнее он произнес как бы извиняясь за что-то.

– То-то я гляжу, ты на отца своего похож. Он такой же синеглазый был, я девчонкой на него заглядывалась, хоть он и поживший уже был.

– Тетя Глаша, а кто это так аккуратно слова на памятнике золотом обводил? Неужто у Вас зрение такое сохранилось?

– Что ты, что ты, бог с тобой сынок, это у меня внучатая племянница Нюрка в помощниках ходит. Ей одиннадцать годков намедни исполнилось.

Она громко позвала и через пару минут явилась, вся запыхавшись худая, замурзанная девчонка, одетая в обрезанные выше колен старые джинсы и выдавшую виды футболку.

– Ты чего так запыхалась? – спросил ее Лобачев.

– Это я с пацанами в футбол играла, – ответила девчонка, поздоровавшись.

– Она у нас лучше всех в футбол играет, всех мальчишек обводит, так что никто за ней угнаться не может, – подтвердила тетя Глаша.

Подошла Ольга Павловна и тихонько села на лавочку перед могилкой.

– Ольга Павловна, и как же вы отважились из такой дали к нам приехать? Ведь вы, сказывают, на Урале живете?

– Да мы с сыном моим Сашенькой в командировку к вашим соседям прибыли. Их раньше Москва-400 называли или Конечная. Наш институт сотрудничает с ними, мы вместе очередное оборудование запустили для ядерных исследований. А уж от них до вас совсем недалеко было.

– А военный городок не навещали?

– К сожалению, Глаша, ничего от городка не осталось. Я подборку фотографий в интернете видела. Там все разорено, даже трубы водопроводные из-под земли выкопали. А ведь как все там зелено и ухожено было. Я там почти двадцать лет прожила, всю молодость. А сейчас просто боюсь увидеть такое. Пусть городок останется в памяти таким, как он был: с фонтанчиками и щедрой капелью по утрам, а не эта мерт-

вая земля.

– А как вы живете, Глаша? – спросила Ольга Павловна.

– Да какая тут жизнь? Не живем, а доживаем. Я всю жизнь на станции кассиром проработала, а сейчас автомат поставили, человек больше не нужен. Меня на пенсию, а пенсия-то крошечная, хорошо еще, вы, Ольга Павловна, рубли присылаете. На пенсию даже одной не прожить, не то, что вдвоем. В учебное время Нюрка в городе в интернате живет. Раньше он Семипалатинск назывался, а сейчас Семей. Платить за учебу не надо, а форму и прочую одежду покупать нужно.

– А как у вас с националистами, не обижают? – спросил Александр.

– Да нет, – как-то не очень бодро ответила тетя Глаша, – у нас-то и казахов настоящих не осталось. Все говорят только по-русски. Как-то приезжали несколько казахов из города на мотоциклах. Ругались с нашими казахами тоже по-русски. Обзывали наших «шала-казахами», а те их «нацпатами». Тем дело и закончилось.

– Ну, вот, что – сказал решительно Лобачев, – мы своих, русских, в обиду не дадим! Вы только про могилку брата не забываете.

Он достал из своей сумки пластиковую карту Visa и протянул ее Глаше.

– Здесь сто тысяч рублей, если нужно будет – еще переведу. Давай запишу где-нибудь ПИН-код, – обратился он к Нюрке.

– А на чем записывать? – спросила та.

– Да, на чем угодно, хоть на ладошке. Кстати, когда я учился в школе, девчонки писали шпаргалки у себя на ножках, благо уже тогда были в моде мини-юбки.

– А ты видел, как девчонка вспыхнула, когда ты писал ПИН-код на ее замурзанной ножке? – спросила Ольга Павловна, когда они распрощались и усаживались в машину, – маленькая, а уже женщина.

И снова мощный внедорожник мягко проглатывает километр за километром, но уже в обратном направлении. Сидящие в машине долго молчат. Каждый думает о чем-то своем, но оказалось, что думали они об одном и том же.

Три рассказа о любимой

История одной фотографии

Вот уже много лет на моем письменном столе стоит одна черно-белая фотография. Милая, юная девушка грустно и без улыбки смотрит с нее и думает о чем-то своем. Эта фотография очень дорога для меня, потому что эта девушка – моя любимая, такая, с какой я познакомился много лет назад, и даже на пару лет моложе. Несмотря на кажущуюся безыскусность, фотография эта отличается от множества любительских снимков, сделанных на память. В ней чувствуется рука художника, как и то, что модель явно небезразлична ее автору

Иринка проснулась среди ночи от того, что поезд, который должен был увозить ее от шума, духоты и сутолоки столыцы, остановился и стоял, видимо, довольно долго на какой-то большой станции. Сквозь щель неплотно задернутых занавесок пробивалась голубоватая полоска света, и в тишине спящего перрона чьи-то голоса громко и грубо разговаривали.

– Харьков, – угадала девушка.

Так приятно было лежать, завернувшись в свежую простыню на нижней полке купированного вагона и чувствовать

себя совершенно свободной. Кошмарное лето уже почти позади. И теперь она взрослая – студентка.

Вот Ритка-то удивится... Да, а ведь она уже на втором курсе.

– Буду думать только о Санжарах, – решает девушка, – осталась всего одна ночь.

Она лежит, закинув руки за голову, и улыбается чему-то своему, заветному.

Синий свет в окошке медленно пополз слева направо, слабея, и снова появился в углу – от другого фонаря – и опять пришел в движение. Вагон начал раскачиваться все сильнее и сильнее, и вот это уже не вагон, а качели.

И, держась за канаты, Иринка взлетает высоко-высоко и смотрит через плечо: кто же это раскачивает так сильно?

Она отчетливо видит черные волосы и смуглое знакомое, как будто, лицо, и никак не может узнать стоящего внизу парня. А тот поворачивает к ней смеющееся лицо и, подхватив сиденье, мягко бросает его вверх.

И остаются внизу верхушки сосен, и весело кружится голова...

– Закружу кому-нибудь голову! – с внезапной решимостью подумала девушка и засмеялась тихонько и радостно.

Лет десять назад Берсенева купили дачу на «островке», состоящем из двух – трех улочек одноэтажных домиков – настоящих украинских хаток, крытых соломой, с глиняными полами и белыми стенами. Домишки прятались в тени белых

акаций и фруктовых деревьев, а в палисадниках неизменно цвели георгины и мальвы.

В то время отец и мать Иринки были еще военными. А мать была опытным медиком по специальности отоларингология. Она бесплатно вела прием отдыхающих в расположенном поблизости военном санатории. В обмен Берсенева пользовались некоторыми его социальными структурами.

Стена военного санатория прижимала домики к излучине Ворсклы, отчего они и впрямь казались расположенными на островке. Приближение к санаторию было заметно издали – только здесь росли такие огромные серебристые тополя. Еще ничего не было видно, даже холма, на котором расположился город, а они уже вырастали великолепными светло-зелеными кронами.

Иринка представляет, как останавливается автобус, она по тропинке спускается с шоссе, и перед ней открываются две дороги. Одна – через ворота санатория по аллеям прямо на другой его конец.

– Но ведь никогда нет уверенности, – вспоминает Иринка, – что калитка в заборе, нелегально пробитая прямо напротив их дома, еще не заколочена.

И она выбирает другой путь, более длинный, но такой же интересный, как и первый. Вот девушка идет по тропинке, прижатой забором прямо к реке, над быстро несущейся водой. Здесь тихо и сумрачно даже в самый яркий день. Густые кроны смыкаются высоко над головой, корявые стволы по-

росли разноцветными лишайниками. Мягкая земля прогибается под каблуками. Деревья расступаются, и неожиданно появляется небольшая полянка. Здесь через реку перекинут подвесной мостик. Рядом, чуть в стороне от него стоит окруженная акациями беседка, у которой...

Здесь девушку охватывают воспоминания. Короче, отсюда и начинается ее «островок».

Каждое лето приезжает в Новые Санжары Иринка. С тех самых пор, как приобрел отец половину домика в живописном местечке на берегу украинской реки.

Она здесь, действительно, как дома: и всех почти знает, и ее все знают, особенно молодежь. Но из всех знакомых ближе все-таки несколько человек, мальчишек и девчонок, – «наша компашка». Большинство приезжие: из Москвы, как она, из Ленинграда, из Харькова, из Запорожья и Полтавы. Есть и местные. И все так весело у них получается, так дружно, что ужасно грустно расставаться с друзьями под осень.

Когда в половине шестого утра свежая и причесанная Иринка выглянула из вагона только что остановившегося поезда, первым, кого она увидела, был отец. Он подхватил два ее чемодана, а потом и саму Иринку, торопливо расцеловал и прокричал, что нужно бежать к автобусу, который давно уж стоит на станционной площади и может вот-вот уехать.

Она сидела в пыльном салоне маленького автобуса и, жмурясь от яркого солнца, улыбалась.

С присущей ему стремительностью отец закидывал ее во-

просами. На этот раз это было даже кстати – можно было не рассказывать о самом главном. Не говорить же, в самом деле, что мама успела снова выйти замуж и просила об этом не упоминать. Иринка знает наперед, что любопытство отца очень поверхностное, и, получив ответ, он об этом больше не спросит.

– Вот так у них всегда, что отец, что мать: ответишь им что-нибудь, они и довольны, а что на самом деле у меня на душе – им и дела нет, – с внезапной обидой подумала девушка.

Не вдаваясь в подробности, Иринка отвечала, что мама и бабушка чувствуют себя хорошо. Да, теперь она студентка. Экзамены были трудными, но она все-таки набрала нужные для поступления баллы.

– Пап, а из «наших» ты никого не видел? – не выдерживает дочь.

– Как же, подружки твои каждый день заходят, и еще некто...

– Кто же, а какой он из себя?

– Белобрысый такой. Да он прошлым летом часто к тебе заходил.

Оставшаяся часть дороги пролетает незаметно.

– Мама, где Вы там? Принимайте гостей, – громко сказал отец, открывая калитку.

С бьющимся сердцем, узнавая все вокруг, Иринка бросилась навстречу низенькой, опирающейся на палку старушке,

поцеловала дряблую, в коричневых пятнах, как на печеном яблоке, щеку и обняла за вздрагивающие плечи.

– Ну, что ты, что ты, бабуленька. Вот я и приехала. Не надо плакать.

Отец и тут не выдержал:

– Ладно, мама. Иринке отдохнуть с дороги надо. Приготовь ей постель.

– Пап, а Ритка приехала? – переспрашивает Иринка, уже лежа на диванчике и с удовольствием разглядывая вазочку с розами на столе – соседка подарила – и репродукцию Джоконды на стене, которую она сама вставила в рамку лет пять назад.

– Приехала, – ответил отец из соседней комнаты, – ты спи, давай, а то бабушку опять разбудишь.

– Хорошо-то как, – думает Иринка, поворачиваясь на бок и уже засыпая.

Она снова была дома.

Иринка редко видит сны или же сразу забывает их.

Но сейчас взбудораженное сознание не хочет мириться и выплескивает все новые картинки – того, что было, или того, что ей хотелось когда-то, чтобы так было.

Видит Иринка, как они вдвоем с Карасиком, первой своей полудетской любовью, – и единственной, – шепчет она, – карабкаются по крутой тропинке. А потом бредут по сухой траве мимо пожарной каланчи на самую высокую площадку, мысочком выступающую между двух оврагов.

И останавливаются, запыхавшись, держась за руки, в восхищении от раскинувшегося прямо под ними до самого горизонта зеленого моря. Ворсклы совсем не видно, только по изгибам растущих по берегам ветел и тополей прослеживается ее путь. А дальше сады и в них, как оконца, белые стены домишек. Еще дальше сосновые рощи и бархатные луга. Теплый воздух доносит аромат цветов и трав, как будто притаился там внизу кто-то большой, и теперь глубоко и шумно дышит. А по небу в лучах заходящего солнца – пушинки облаков, как нежные ушки – розовые и белые.

– Бежим! – кричит Карасик.

И вот уже шумит ветер в ушах, и тело кажется невесомым, будто в полете, и только успеваешь ноги переставлять. С разбегу дети перескакивают через низкий заборчик и оказываются на заднем дворе, распугивая кур и гусей.

– Нас тогда еще чуть собака не покусала, – вспоминает Иринка и решает, уже просыпаясь, – нужно будет сегодня же взобраться на эту площадку.

Но ей жаль такого хорошего сна, и, повернувшись на другой бок, она снова видит себя рядом с Карасиком идущими по лесной тропинке.

– А так было, когда мы шли на мельницу.

Листья орешника, широкие и шершавые, склоняются над головой. Тихо и пасмурно здесь. А что там шуршит в кустах? Гадюка?

– Не бойся, я с тобой, вот моя рука, – знакомый голос, но

это уже не Карасик, а кто-то другой.

Но Иринке хочется верить этому голосу. Верить.

– Ах, как хорошо, что я сюда вернулась, – улыбается во сне Иринка.

И вдруг слышит пронзительный радостный визг, и распахиваются, хлопая, одна за другой двери в домишке, и кто-то маленький и кудрявый бросается к ней на шею.

– Иришенька, Иришенька приехала! Дай я тебя поцелую!

Счастливый человек, ее лучшая подруга Рита.

Лет пять назад, когда они познакомились, Иринка была еще подростком, а Рита, которая была на пару лет старше, выглядела уже барышней.

Сейчас Иринка чувствует себя уже взрослой, а Ритке никто больше 15 лет не дает. Все дело в маленьком ее росте и счастливом характере.

Рита, что называется – художественная натура – добрая, отзывчивая, ужасно беспокойная – ни минутки на месте не усидит, – словом, полная противоположность рассудительной Иринке.

И прекрасное ей дополнение.

– Ой, как я тебя люблю!

Снова обхватывает Рита подружку своими крепкими ручками.

– Пусти, пусти, раздавишь!

– Ага! Я разбойник, ты – моя добыча! – вскарабкивается на лежащую Иринку верхом.

А через мгновение, сделавшись серьезной, смиренно сидит на диванчике и болтает загорелыми ножками.

– Ой, что делается у нас в компании! Все прошлогодние парочки перемешались. У Эллы с Колей с начала лета такая любовь, что я просто и не знаю...

– А как у тебя дела сердечные? – спрашивает Иринка.

– За мной Саша ухаживает.

– Это тот, что у клуба живет? – прыскает Иринка, представив этого верзилу рядом с миниатюрной подружкой.

– А Вовка твой не выдержал. Сначала все ждал тебя, ходил к твоему папе, выспрашивал, а теперь провожает по вечерам Ольгу из Ленинграда.

– Ну, это ерунда. Он мне в последнее время совсем разонравился. Я с ним даже переписываться перестала.

– Конечно, Бельчонок, но у нас ведь все уже по двое, как же ты одна будешь? – вздыхает участливо Рита.

И впервые за все время Иринке становится неприятно на душе.

Да, ведь она и не подумала об этом. Раньше у нее никогда не было недостатка в поклонниках. Но теперь, ближе к концу лета, все ребята, как говорится, были заняты. А одной, ох как не сладко возвращаться одной после танцев или из кинотеатра. Даже если проводят тебя все вместе до калитки, а дальше? Сиди и вздыхай, завидуя тем, кому хорошо вдвоем звездной этой ночью.

Значит не так уж хорошо и свободно здесь, если все зави-

сит от какого-то выбора. Ведь может же так случиться, что мне вообще никто не понравится.

Вздыхнула печально:

– Вот и последний уголок детства рассыпается...

И добавила:

– А вдруг я так и останусь здесь одна?

– Пусть только попробуют! – воскликнула Рита с неподдельным возмущением, – да будь я парнем, тут же бы влюбилась в тебя смертельно.

И она, вскочив, опустилась на одно колено перед Иринкой и уморительно схватилась, сложив ладони, за то место, где должно было находиться сердце, но только справа, а потом, будто спохватившись, исправилась.

– Да ну тебя совсем! – весело рассмеялась Иринка.

– Так бы и давно. А теперь собираемся на пляж!

– Как, а завтрак? И потом, я совсем не загорелая. Неудобно так появляться.

Иринка с сомнением оглядела себя в зеркальце шкафа.

– Ничего, – развеяла ее опасения Рита, – мы с тобой такое местечко найдем, где нас никто не увидит.

– А где сейчас все купаются? На городском пляже?

– Нет, в этом году там совсем мелко. Сейчас ходят к нам на островок к лодочной станции.

– Ну, что, нашла свою подружку? – слышат они в прихожей голос отца.

– Одевайся скорей, завтрак уже на столе. И марш на речку.

– Когда же вы успели встать? Я и не заметила.

– Меньше спать надо, – смеется отец.

– Ну, вот, – говорит Иринка, делая вид, что сердится, – то укладывает насильно, то – меньше спать.

Иринкины опасения остаться одной очень быстро развеялись.

Стоило ей появиться в обществе – на пляже, как тут же «положил не нее глаз» местный фотограф Андрей.

Было ему уже лет двадцать, и в прошлом году он презрительно, как ей казалось, на них поглядывал, детвора, мол, и к «компании» не принадлежал.

Иринка же еще раньше обратила на него внимание, и втайне посмеивалась над Вовкой, своим прошлогодним кавалером:

– Вот Андрей – красивый молодой человек, в такого и влюбиться можно.

Но, видно, здорово за это время похорошела она, если Вовка при виде ее даже в лице изменился, и, наверное, не один раз посетовал на свою торопливость.

Что касается Андрея, то он как будто первый раз ее увидел.

Вовка, его приятель, рассказывал во всеуслышание:

– Это кто такая? – спрашивает.

– Да ты ее знаешь, – говорю, – Иринка Берсенева.

– Не может быть! Как же я ее сразу не узнал?

– Вот теперь он от тебя на танцах не отойдет.

– Ну и пусть не отходит, – посмеивалась Иринка, а про себя подумывала, – ага, один попался, но мы будем холодны и неприступны.

Андрей был фигурой примечательной не только благодаря приятной внешности, но больше из-за особого положения в местном обществе. В отличие от большинства молодежи он работал: был единственным фотографом в городке, а заодно, и в санатории. Причем, очень и очень неплохим. Особенно удавались ему портреты, которые получались выразительными, можно сказать, художественными.

Андрей гордился своей профессией, а, кроме того, своими амурными победами, как поговаривали злые языки, не только над девушками, но и над зрелыми дамами, которые отдыхали в санатории без мужей.

Странно, но обстоятельства эти не только не отталкивали от него, но делали Андрея даже более привлекательным и каким-то романтическим в глазах девушки. Что, впрочем, не мешало ей еще несколько раз в этот день до начала танцев злорадно представлять, какой она предстанет прекрасной и равнодушной перед новым воздыхателем.

И если замыслу этому не суждено было осуществиться, то только потому, что Андрей, как оказалось, хорошо танцевал, что было очень немаловажным аргументом для Иринки, любившей танцы и понимавшей в них толк.

На танцы ходили непременно в военный санаторий. И хотя они не были его обитателями, сторожа порой закрывали

на это глаза.

Существовал определенный ритуал сборов. Сначала собирались Иринка с Ритой. Надевали выходные платья, делали друг другу прически. Потом заходили к одной Тане, а затем к другой. Все это делалось за разговорами, очень не спеша.

Да и спешить было особо некуда.

Так было и в тот раз, впервые после приезда Иринки.

Темнеет в Санжарах значительно раньше, чем в Москве, поэтому, когда подруги проходили через парк, из освещения оставалась только большая серебристая луна, да редкие фонари на изогнутых ножках. От деревьев ложились двойные корявые тени. Девушки ступали по тропинке с удвоенной осторожностью и все ближе подходили к освещенной площадке, на которой громко звучала музыка.

Иринке было грустно. Она уже знала, что Карасик не придет и этим летом. Но она мысленно разговаривала с ним и обещала ждать и любить только его. Даже если она познакомится с хорошим парнем, убеждала она себя, первым для нее всегда будет ее Карасик. И от этого давно уже привычная грусть как будто утихла и свернулась комочком в глубине души.

А может статья, именно эта полулюбовь – полумечта будет для нее оберегом, охраняющим девушку от опрометчивых поступков в пору ее юности.

Музыка звучала громко – громко, народу тоже было мно-

го, но никто не танцевал – так всегда бывает вначале. Девочки расположились ближе к эстраде и застыли в ожидании кавалеров.

Вдруг, с первыми тактами вальса, прямо от противоположной стороны площадки отделился парень, и отправился напрямиком к ним. Иринка еще не успела узнать в нем Андрея, но уже ясно чувствовала, что это именно он, и скоренько отвернулась, делая вид, что занята разговором с Ритой.

Андрей остановился от нее в двух шагах, галантно поклонился и попросил разрешения на тур вальса (именно так он выразился).

Немного робея, Иринка вошла в освещенный круг. Они стояли одни в луче прожектора, а ей казалось, что вообще были совершенно одни, и принялись вальсировать.

Андрей танцевал легко и непринужденно. Лица людей, стоящих у скамеек, превратились, кружась, в бледную ленту, и Иринка уже не замечала, как вошли в круг другие пары.

Ее охватило чувство странной раскованности и, казалось, подними она голову – увидит звезды, танцующие вместе с ними.

Танец закончился, и, раскрасневшаяся, со сбившимся дыханием Иринка вернулась на прежнее место. Но никого из девчонок там не оказалось.

– Вот такая цена всем нашим клятвам верности, если в первый же вечер разбежались, – мелькнуло у нее в голове.

В продолжение всего вечера Андрей не отходил от Ирин-

ки ни на шаг, и она танцевала только с ним. Она решила, что для первого дня знакомства этого достаточно. И когда Андрей предложил провести ее домой, ответила, что она возвращается вместе с девчонками, но он может идти вместе с ними.

Так она говорила всегда, если не хотела оставаться с парнем наедине.

К последнему танцу девчонки все-таки собрались вместе. Дорога домой показалась Иринке значительно короче, потому что Андрей без конца веселил компанию, так что тени буквально шарахались от дружного хохота.

Иринка жила дальше всех, поэтому последние метры они шли с Андреем вдвоем.

У калитки сказала:

– До свидания.

Прокралась в дом, разделась и мгновенно уснула.

Прошло всего несколько дней их знакомства, а ей казалось – годы. Андрея сразу приняли в компанию. Он был неизменно весел и для всех как-то удобен.

На пляж он являлся позже всех и начинал колобродить. То придумает совершенно немыслимые шапочки, то битву всадников на лошадях.

Однажды достал две старые плоскодонки, и они отправились вниз по реке в поход к заброшенной мельнице. Сыро, темно кругом, а он рассказывает историю о мрачной славе этого места. Невольно встанешь с камня, который оказывает-

ся развалиной старинной мельницы. В темной глубине ому-та притаилась тайна.

А тут Андрей клянется, что это место невозможно сфотографировать. Девушки недоверчиво хмыкают. Он берет фотоаппарат, снимает, а на следующий день действительно приносит засвеченную пленку, причем остальные кадры оказываются нормальными.

В другой раз он приволок огромный букет цветущей акации, и вся комната наполнилась сладким дурманящим ароматом весны. Иринка никак не могла добиться, где он взял эти белые грозди в середине лета.

Признаться, ей не очень нравилась его бесшабашная веселость, которая казалась девушке скорее напускной, чем искренней. Гораздо больше ее привлекали часы, когда они оставались вдвоем.

Он казался грустным, говорил мало, и слова давались ему с видимым трудом. Но вместе с придуманной им ролью массовика-затейника, словно старая кора с дерева, спадало его позерство, и он становился самим собой.

Андрей редко рассказывал о себе, но эти немногословные рассказы Иринка слушала с большим вниманием. Андрей хорошо учился, но после окончания школы заболел менингитом. Сейчас он уже здоров, разве что иногда побаливает голова.

Он с детства увлекался фотографией, и поэтому, когда представилась возможность, с охотой превратил развлече-

ние в работу.

Денег получает достаточно, особенно летом, когда в санатории много отдыхающих, а в городке полно приезжих. Он и после школы не знал, где учиться дальше, а теперь ему и вовсе расхотелось поступать в институт.

Девушка чувствовала, что за этими словами таится неуверенность в себе, и принималась убеждать, что ему обязательно следует учиться дальше. Постепенно Андрей стал как будто соглашаться с ней.

Зато гораздо охотнее рассказывал он о мастерстве фотографии. По его словам, можно быть не только фотографом, но и художником одновременно.

Здесь уже Иринка выражала сомнения. Она была тогда просто не искушенной девочкой, и ей только предстояло изучать в институте курс истории искусств. К тому же это было так давно, в эпоху черно-белой фотографии и за много лет до появления компьютерной графики.

Тем более удивительно, что этот юноша доходил до всего самостоятельно.

Андрей горячился и принимался доказывать, как это важно – правильно видеть. Тогда в самых простых вещах открывается удивительный мир. Он говорил, что просто ненавидит большинство своих работ, в которых портреты выходят бездушными, а позы – нелепыми. Он печатает снимки, и ему становится противно и стыдно за фальш этих поз и выражений. В них нет жизни, потому что нет движения.

Он говорил, что иногда прямо танцует от радости, когда ему удастся поймать мгновение. Без чувства и интереса нельзя снимать даже кусты и деревья.

Честно говоря, Иринка не могла этого понять: любовь и ненависть фотографа... Нужно ли это?

Он останавливался на полуслове, заметив, что она слушает рассеянно, и снова становился грустен и молчалив. Иринка знала, что Андрей избалован вниманием женщин и, очевидно, не привык долго быть воздыхателем. Она была готова противостоять ему, но он ничего не предпринимал, и ее предубеждение постепенно рассеялось.

Так проходил день за днем, заканчивался июль, приближался ее день рождения, и Иринка уже представляла, какое платье она наденет на свой день рождения, и как она будет танцевать с Андреем в этот день.

Она проводила с ним целые дни, и ей не было скучно. Третьим был фотоаппарат ФЭД.

Андрей снимал почти непрерывно. Деревья, листву, освещенную солнцем, и светом уличного фонаря, излучину реки, бегущую трясогузку, мимику и жесты людей.

Он настойчиво приглашал девушку смотреть на мир его глазами, его цепким взором фотографа, и она постепенно все больше попадала под его влияние.

Андрей работал очень быстро и иногда приносил снимки уже на следующее утро.

Юным читателям, привыкшим к цифровым фотоаппара-

там или, тем более, к смартфонам, напомним, что с пленочным фотоаппаратом все было гораздо сложнее. Пленку нужно было сначала проявить, потом фиксировать, а затем уже печатать каждый снимок отдельно. Последний этап был особенно длительным.

Иринка удивлялась, когда же он успевает, ведь не печатает же ночью. Оказалось, что это именно так. Тогда она поняла значение его поздних утренних визитов и происхождение темных кругов под глазами.

Ей было жаль парня, и она серьезно ему выговаривала. Андрей отвечал, что давно привык так работать, когда никто не мешает, и получается лучше и быстрее, чем днем.

Однажды вечером он привел девушку в свою мастерскую. Она располагалась в маленьком подвальчике одного из немногих двухэтажных домов на центральной улице городка.

Андрей принялся колдовать над пленкой, а Иринка расшалилась, выдвинула ящички письменного стола, стала вертеть свертки и рассыпала пачку фотографий.

Ей бросился в глаза портрет девушки. Лицо, повернутое в профиль, было почти неразличимо. Свет падал и освещал только волосы: огромный, по тогдашней моде, шиньон, небрежно скелотый, так что выбившиеся пряди слегка завивались на виске и затылке. Было такое ощущение, что они светятся сами – так странно дробились в завитках и исчезали в их сиянии тени.

Иринка схватила этот снимок и спросила у Андрея:

– Кто это?

Он, казалось, смутился:

– Отдай, это одна моя знакомая. Ты ее не знаешь.

– А почему ты не сделаешь ни одного моего снимка? Ведь ты фотографировал меня много раз.

Он помедлил и сказал:

– погоди, немного, еще увидишь, – и заторопился выключить свет, оставив только маленькую лампочку красного цвета.

Девушка пыталась помогать, но только опрокинула в темноте баночку фиксатора, затем села поодаль и принялась смотреть, как двигается по полу его красноватая тень.

В комнате было душно и так резко пахло химикатами, что на лбу у нее выступила испарина.

Единственное окно, пробитое в стене на уровне земли, не открывалось. Только узкая полоска света от фонаря на противоположной стороне улицы с трудом пробивалась сквозь мутное стекло.

Вдруг Иринке показалось, что она уже никогда не сможет вырваться отсюда, и ей стало страшно. Дрожащим голосом она попросила Андрея выйти отсюда, и они отправились на улицу.

Стояла полная луна. Ее свет серебрил листья пирамидальных тополей по обочинам дороги. От нагретого асфальта тянулись струйки теплого воздуха. В палисадниках за забором

сладко и томительно пахла почти неразличимая в темноте ночная фиалка – маттиола и белые граммофончики ночного табака.

Хорошее настроение снова вернулось к девушке, и только при воспоминании об этом душном аде пробежала по спине холодная дрожь.

Она дала себе слово, что постарается вытащить Андрея из этого места, где он рискует окончательно подорвать себе здоровье.

На следующее утро Иринка проснулась непривычно рано и долго лежала не шевелясь. Двигаться не хотелось, и приходили на ум какие-то приятные и спокойные мысли. Девушка отдалась их течению и плыла в полудреме куда-то далеко. Постепенно мысли приобрели четкость, и она поняла, что думает об Андрее и ни на минуту не переставала думать о нем.

Вдруг, сначала еле заметно, как будто из глубины, а затем все сильнее с каждым толчком крови в висках стала нарастать неясная и совершенно необъяснимая тревога. Она не знала, откуда появилось это чувство, и как противостоять неизвестной, подстерегавшей ее опасности. Всеми силами пытаясь отодвинуться и отвлечься от дурных предчувствий, она лежала неподвижно, боясь даже пошевелиться.

Иринка чувствовала, как беззвучно ползет по виску, постепенно перебираясь на затылок отражающийся в зеркале лучик солнечного света. И также постепенно стала уходить

тревога. Не в силах бороться с нахлынувшей вдруг усталостью, девушка уснула вновь.

После завтрака она поделилась своей тревогой с Ритой. Но лучшая подруга, обычно очень чуткая и внимательная, отмахнулась от нее:

– Иришенька, не мучай себя пустыми тревогами. Все будет хорошо.

У Ритки продолжался очередной роман, и она была целиком им поглощена.

А в полдень того же дня, когда они были вместе со все компанией на пляже, Андрей вдруг предложил:

– Хочешь вареников с вишнями? Тогда пойдем к нам.

Он знал, что вареники с вишнями были ее любимым блюдом, и это было хорошим поводом познакомиться ее с матерью.

Как и большинство в Санжарах, Андрей с матерью жили в собственном доме из белого кирпича с двускатной железной кровлей. Ей понравился этот домик с аккуратным садиком за задним двором и палисадником перед окнами. Андрей обитал в одной из двух комнат – маленькой и светлой.

Иринка подошла к письменному столу напротив окна и под толстым стеклом увидела множество своих фотографий. Она никогда еще не видела их так много. Две из них ей особенно понравились.

На первой был портрет грустной девушки с красивыми волосами. На другой она выходила из воды, исчерканной яркими бликами, и улыбалась.

И вдруг она как-то особенно ясно почувствовала, что нравятся Андрею, и, может быть, любима.

Солнце светило в окна, на подоконнике в простом кувшине алели георгины. И также ярко и солнечно было у нее на душе.

Пришла мать Андрея, маленькая женщина с мягкой улыбкой. Кажется, девушка узнала бы ее даже в толпе.

– Здравствуй, Ириночка, – сказала она, – я хорошо знаю тебя по фотографиям. Андрейка сказал, что ты любишь вареники с вишнями. Я приготовила их специально для тебя.

Они сидели друг напротив друга за кухонным столом, покрытым клеенкой в мелкий цветочек. Осторожно надкусывали уголки вареников и высасывали сладкий сок, норовивший забрызгать лица и одежду, и улыбались.

Когда вышли на улицу, солнце стояло уже низко и впереди по дороге тянулись, взявшись за руки, две тени. Их тени.

Они долго бродили по большому старому парку. Пробиваясь в просветы стволов, солнечные лучи расцветивали аллею оранжевыми прямоугольниками. Потом все меньше становилось красок в сини над головой и зелени листьев. И, наконец, сереющие сумерки выползли из кустарников прозрачными облаками тумана.

Когда они вышли к излучине реки на полосу серого песка и светлого заката, охватившего небо желтым и красным, Андрей обнял и поцеловал ее. Было очень хорошо и очень странно от его ласк. Хотелось плакать и смеяться, и кружи-

лась голова.

Он привел Иринку на какую-то лавочку в тени деревьев. В темноте шептались листья, и горели губы от его поцелуев. Его руки были очень нежными, и она чувствовала себя беззащитной перед этим мужчиной, но сил и желания противиться чувству больше не было.

Но вдруг случилось что-то необъяснимое. Он отстранился и, как бы обессилев, опустил руки.

Когда Андрей заговорил, смысл его слов поначалу не доходил до нее. Внезапно какая-то незнакомая интонация в его голосе заставила прийти в себя.

Что он говорит? У него были раньше женщины, но то, что он чувствовал с ними, нельзя назвать любовью. Он никогда не терялся с опытными женщинами, но он не хочет, чтобы так было и с ней.

– До этого у нас было так хорошо и не похоже на все остальное. А сейчас я чувствую то же, что и с ними, и не могу... Я очень люблю тебя, наверное, как сестру... Но я не люблю тебя, как...

– Так зачем же тогда? – Иринка вдруг поняла ужасный смысл его слов.

Как будто разбилось вдребезги что-то очень хрупкое, что еще не объединяло, только могло объединить их. Отчаяние и стыд заставили ее отпрянуть прочь.

Андрей, видимо, совсем не ожидал такого эффекта от своих слов.

– Иринка!

Не помня себя, она оттолкнула его и убежала. Все, где она была в тот вечер, выпало у нее из памяти. Только стоял в ушах его нервный скомканный голос, и стыд, и отвращение душили ее.

Иринка приплелась домой, совершенно выбившись из сил. Сухие глаза болели от невыплаканных слез. Она повалилась на постель, и, сказавшись больной, провела так остаток ночи и весь следующий день.

Бабушка и зашедшая проведать Ритка, видимо, догадываясь о чем-то, не трогали ее. Несколько раз с утра заходил Андрей, но Иринка просила бабушку отвечать, что ее нет дома.

Она просто ненавидела его тогда.

Прошло несколько дней. Все время она проводила со своей компанией. На людях боль от обиды постепенно затягивалась. Тем более, что Андрей вообще не появлялся в эти дни. Когда же он пришел, она сделала вид, что вообще не замечает его. А он краснел и бледнел перед ней, пытался и не мог заговорить.

В конце концов их помирили, и случилось это в день рождения Иринки – 7 августа. Она даже станцевала с ним несколько раз. Решив, очевидно, что он полностью прощен, Андрей пробовал объясниться, почему он так сказал, и в чем состояла его ошибка. Но это было уже безразлично для нее.

Она уже никогда не смогла его простить.

И хотя у них сохранилась видимость прежних отношений,

они встречались только в компании, и почти никогда – наедине.

Да и что ей оставалось делать?

Она бы с радостью согласилась не видеть его вовсе, но Санжары для этого были слишком маленьким городишком. И потом, все в их компании были по двое, а ей совсем не улыбалось оставаться одной до самого конца августа, когда все начинали разъезжаться по домам.

Однажды Иринка снова побывала у Андрея дома. Под стеклом, по-прежнему, лежали ее фотографии, и, как бы в насмешку, снова были вареники с вишнями.

Иринка молча глотала слезы, и от этого вареники казались ей горькими и солеными.

– Ириночка, – спрашивала мать Андрея, – почему ты такая грустная? Раньше глаза у тебя были веселые, как солнышко, а теперь, глядя на тебя мне самой плакать хочется. Андрейка обидел тебя?

– Нет, что вы, – отвечала она, – у нас все хорошо. И собравшись силами заговорила о том, что Андрею непременно нужно готовиться в институт.

Мать горячо отозвалась, и они долго говорили на эту тему. Было решено, что Андрей начинает готовиться уже с осени. Иринка, в свою очередь, обещала узнать условия приема и специальности в некоторых институтах Москвы.

Андрей неплохо рисовал и больше интересовался архитектурным или строительным институтом. Девушка осталась

довольна тем, что он, видимо, загорелся желанием учиться.

Теперь Иринка думала о доме, как об избавлении от этой обстановки, которая вызывала в ней только грусть и уныние. Здесь продолжалось лето, жаркое и солнечное, а девушке хотелось дождей и непогоды. Хотелось снова быть в Москве в привычной будничной обстановке, в которой множество больших и малых дел занимают большую часть времени, и которые наверняка отвлекут ее от тяжелых и грустных воспоминаний.

Ее даже начинала раздражать тишина, стоящая по утрам за окном. Иринке недоставало привычного, и от этого почти незаметного для уха горожанина, шума транспорта. Тогда она начинала вспоминать, как шумят троллейбусы под окном на московской улице. Сначала высоко и натужно, поднимаясь к Ленинскому проспекту, а потом торжествующе и радостно – вниз.

Иринка вспоминала этот шум и засыпала. Но по мере приближения осени, она просыпалась по утрам и вспоминала Москву все чаще.

Наконец, наступил день отъезда. Как ни старалась Иринка уехать незаметно, прощание с Андреем получилось тяжелым. На нем лица не было, и он едва сдерживал слезы. А она не могла ответить искренне, и это было для нее неприятно.

– Иринка, милая, ты сильная, намного сильнее, чем кажешься! Мне очень нужна твоя поддержка.

– Как же я могу быть сильной, я, слабая девчонка? Но в

помощи я никогда не откажу, – отвечала она.

В Москве девушку обступили новые заботы, другие знакомые, и Санжары скоро стали казаться очень далекими.

Только письма напоминали еще о недавно прошедшем лете.

Андрей писал очень неровно. Иногда она получала странные нежные письма. Как будто он только что очнулся от тяжелого сна и теперь хочет уйти от его гнетущего впечатления.

Она угадывала за набросанными второпях строками любовь и растерянность.

Другие письма были скудными и подавленными. Он присылал фотографии Санжар, и снимки эти также дышали грустью и запустением.

Ей казалось, иногда он понимал, что отношения их зашли в тупик, но противился этому чувству и строил планы на будущее, где они были вместе.

Она отвечала редко, посылала методические материалы для поступающих в вузы, рассказывала преимущественно о своей учебе в институте, о работе. Ведь Иринка училась на вечернем отделении и была вынуждена периодически работать.

И ни одного слова, что она думает о нем.

В середине зимы переписка почти прекратилась, но пришло письмо от его матери. Она писала, что Андрей совсем пал духом, стал очень нервным и перестал готовиться в ин-

ститут.

Последнее письмо – увесистый конверт – пришло от Андрея в марте. Он писал, что не хочет никому быть обузой и считает ее свободной от данных ему обещаний. В конверте она нашла все фотографии, которые увидела под стеклом его письменного стола.

Иринка не ответила.

На следующее лето она приехала в Санжары в свой первый рабочий отпуск в конце июля.

Андрея она увидела в первый же день и едва узнала его. Он похудел еще больше, осунулся, и в воспаленных глазах его было что-то нездоровое, пугающее.

Однако заговорил он приветливо, и они встретились, как добрые старые знакомые. Но о прежней близости, конечно, не могло быть и речи.

Иринка заметила, что Андрей сторонится их компании, и это было странно.

Затем некоторое время они не виделись совсем, для того чтобы встретиться потом самым неожиданным образом.

Однажды утром в домик к Берсеновым забежал мальчишка, и с порога выпалил, что Андрей зовет ее. Мальчишка этот был двоюродным братом Андрея. По выражению его лица Иринка поняла, что с Андреем что-то случилось.

Запыхавшись, они вошли в дом. Андрей лежал на кровати, прикрытый выцветшим байковым одеялом. Глаза его были испуганные и безумные. У двери, отворачиваясь от света,

стояла мать и плакала.

У Андрея был жар. Капли пота выступили у него на лбу. Мокрые волосы слиплись.

Иринка смочила водой из стакана полотенце, висевшее на спинке кровати, и положила ему на лоб. Постепенно ему стало легче, он полежал немного с закрытыми глазами, потом открыл и, узнав ее, улыбнулся виновато.

– Андрей, что с тобой случилось? Расскажи, – попросила девушка.

Он начал рассказывать тихим голосом, потом заволновался, вскочил с постели, начал отчаянно жестикулировать, так что еле удалось его успокоить.

Она не знала, можно ли верить его словам.

Всю ночь он просидел в мастерской, выполняя срочный заказ. Голова болела очень сильно. Иногда он бегал по комнате и кричал. Чтобы ослабить жар внутри, прислонялся к прохладной штукатурке стены и стоял так долго.

На рассвете боль почти прошла, и он задремал. Проснулся поздно и вышел на улицу, чтобы купить, как обычно, пирожок в торговом ларьке на противоположной стороне улицы.

Солнце стояло высоко. Его жаркие прямые лучи больно били в глаза. Улица, обычно оживленная, казалась совершенно пустой. Андрей перешел улицу и остановился в нерешительности.

Старуха-продавщица показалась ему подозрительной. Она сидела, несмотря на жару, закутавшись в большой клет-

чатый плед, и глядела прямо на него напряженными злыми глазами.

– Фу ты, ерунда какая, – сказал Андрей вслух, чтобы ободрить себя, но голос его прозвучал хрипло и неубедительно.

Он подошел к ларьку и попросил два пирожка с вишнями.

Старуха протянула ему ватрушку.

– Но я же просил два с вишнями.

Старуха молчит, как будто это ее не касается.

– Эй! – молчит.

Андрей уже повернулся, чтобы уйти, когда ведьма зашевелилась.

– Сдачу забыли! – прошамкала она и сунула ему что-то прямо в руку.

Форма и размер этого предмета совсем не походили на монету.

Андрей раскрыл ладонь и вскрикнул: в руке был белый гладкий камешек. Он швырнул камешек прямо в старуху и, шатаясь, вбежал в мастерскую. Сердце его бешено колотилось.

Он понял, что сошел с ума.

Рассказ этот так измучил Андрея, что он долго лежал без движения, закрыв глаза. Матери нужно было на работу, и она ушла. Братишка тоже куда-то вышел, оставив их вдвоем.

Девушка тихонько гладила больного по рукаву.

И вдруг какая-то новая мысль возникла в его больном измененном сознании. Он резко вскочил, подбежал к двери и

запер ее на ключ.

– Вот, – сказал он, глядя на Иринку сумасшедшими глазами, – ты никуда не уйдешь отсюда. Ты будешь моей женой!

Он, как пушинку, поднял ее и понес.

Руки у него были словно из железа.

Девушка страшно испугалась, но у нее хватило мужества не вырваться и не кричать. И это спасло ее.

– Андрей, – сказала она очень тихо и ласково, – успокойся, ну успокойся. Тебе плохо. Когда-нибудь, потом, я стану твоей женой. А сейчас тебе нужно лежать. Ну, пожалуйста, милый!

Она уговаривала его, проводила ладонью по его лбу, и руки у него опустились. Он позволил уложить себя.

Девушка отперла дверь и вышла за калитку. Ноги у нее дрожали, она бессильно опустилась на лавочку и заплакала.

Андрея увезли в больницу в Полтаву.

Скоро закончился отпуск, и Иринка вернулась в Москву. Больше в Санжары она не приезжала.

Она не знала, как живет и что делает Андрей. Знакомая из их компании в Санжарах писала, что он полностью выздоровел и хорошо выглядит.

Может, быть.

Но если вдруг Иринка получала застающее ее врасплох письмо или телеграмму от Андрея с уверениями в любви и надеждой на скорое свидание – она ясно понимала, что он все еще болен.

Валька

Дом, в котором Берсеневы получили квартиру, был совсем новый, восьмиэтажный. Поэтому, хоть и въезжали они на месяц позже остальных жильцов, в нем еще сохранился запах новостройки: в подъезде пахло масляной краской, в лифте – лаком деревянной кабинки, а в квартире, – в квартире пахло всем одновременно.

– Ура, – закричала Иринка, – чур, я первая!

Она пробежала большую комнату и, открыв дверь, выскочила на балкон. Косички с огромными белыми бантами задорно подпрыгивали, и в этот момент Иринка сама была похожа на большую белую бабочку, неизвестно откуда взявшуюся в конце сентября.

И сердце у нее билось, как у мотылька – испуганно и радостно.

Далеко внизу рабочие укладывали асфальт на том месте, где должна была проходить проезжая часть улицы. А напротив уже высились новые, еще не достроенные дома, стояли краны, готовые поднять кирпичи на самый верхний этаж. Но сейчас, видимо, наступил обеденный перерыв, и стройка замерла.

Было слышно только, как идет дождь и ругаются на кухне мама с папой. Правда, они еще даже не ругались, а просто громко разговаривали. Иринке редко удавалось присутство-

вать при их ссорах. Ее просто выставляли на улицу.

Она привыкла к тому, что мнения родителей обычно не совпадают. То, что нравится маме – папа непременно ругает. И наоборот, она не довольна тем, что с горячностью защищает папа.

Зато сходились они в одном: Иринка должна прилежно учиться, не шалить, вовремя приходиться домой, а главное – не мешать личной жизни своих родителей. На которую, папа с мамой были в этом твердо уверены, они имеют полное право.

– Ну, куда ты меня привез? – громко выражала свое недовольство мама, – это деревня какая-то, а не Москва: грязища по колено!

– Какая же это деревня? – защищал новый район папа, – вот погоди, через пару лет ты ничего здесь не узнаешь. А что касается грязи, то придется тебе походить в резиновых сапогах, пока дорожки не заасфальтируют. Ничего с тобой не случится.

– Нет, ты понимаешь, что говоришь? Может, прикажешь мне и в госпитале в сапогах появиться?

Мама даже задохнулась от негодования.

И хотя за окном капал редкий осенний дождик, в квартире Берсеневых явно запахло грозой.

– Бабушка! Я пойду погуляю, – попросилась Иринка.

– Погуляй, погуляй, детка. Хоть бы ребенка постеснялись, – это последнее адресовалось уже родителям.

Во дворе, по-прежнему, шел дождь. Он стал как будто да-

же сильнее и уходить далеко от дома девочке расхотелось.

Двор был тоже еще не заасфальтирован. В разбитой колее, действительно, как в деревне, стояли лужи.

С козырька над входом срывались холодные крупные капли.

Иринка подставила ладошку и загадала желание:

– Если упадет капля, пока я сосчитаю до десяти, – все будет хорошо.

Что означает это «хорошо», она еще не успела решить. Наверное, то, что происходит там, наверху, входило сюда тоже.

Капля разбилась на мелкие брызги. За ней последовала вторая, третья ...

Пора было уходить домой.

Иринка вошла в кабину лифта и принялась изучать надписи против черных и красных кнопок на приборной доске.

Хлопнула входная дверь, послышался топот чьих-то ног, и в кабинку влетел мокрый курносый мальчишка с авоськой, в которой лежали два батона.

Иринка презрительно на него взглянула, а он ни с того, ни с сего покраснел, и спросил, стараясь, видимо, быть вежливым:

– Вам на какой этаж?

Иринка фыркнула про себя, но вслух ответила в тон вопросу:

– Нам на восьмой!

– А-а-а! – огорченно протянул мальчишка и нажал кнопку двумя этажами ниже.

– Б-е-е! – передразнила его Иринка и показала язык.

– Как дам! – замахнулся мальчишка, но не ударил, а только дернул за косичку и выскочил из лифта, хлопнув железной дверью.

Вечером из школы, куда ее отвел отец, Иринка пришла с новой подружкой Маринкой Самоделовой.

Маринка жила в их подъезде на первом этаже и уже успела со всеми перезнакомиться.

– Вон идет Валька Курочкин, – сказала Маринка, когда девочки вышли на балкон.

– Курочкин – Цыпленок! – закричала Иринка, узнав вчерашнего мальчишку, – цып-цып!

Валька задрал голову и только кулаком погрозил. Через пару дней они снова встретились в лифте. Иринка почувствовала приближающуюся взбучку.

– Только попробуй! – пропищала она и заслонила портфелем.

Но затрешины не последовало.

Удивленная девочка увидела, что Валька стоит в противоположном углу кабины и как-то глупо улыбается, а уши у него ужасно красные.

– Цып-цып! – ехидно пропела Иринка, когда Валька вышел на своем этаже.

И услышала добродушное:

– Сама ты ... Хомячок.

С того самого дня Валька превратился в почти бессловесную ее тень. Куда бы ни шла Иринка: в школу или со школы, он неизменно следовал за ней. Но на некотором отдалении. Так продолжалось довольно долго.

Однажды Иринка, видя, что все равно он ходит за ней по пятам, предложила Вальке поднести ее портфель. Она уже тогда мыслила очень рационально.

Он с радостью согласился. И с тех пор он носил ее портфель, а позже сумку с коньками или ракеткой.

Теперь они часто ходили рядом и порой вполне миролюбиво разговаривали.

А на кабинке лифта, на самом видном месте в течение многих лет неизменно значилось загадочное для некоторых уравнение:

$$В + И = Л$$

И никакие усилия уборщицы тети Маши не могли заставить эту надпись исчезнуть.

Она появлялась в разном цвете: то синими, то фиолетовыми чернилами, пока, наконец, не была выцарапана острием перочинного ножичка, и тем самым приобрела статус вечности.

Иринка играет в куклы.

Конечно, она уже совсем большая девочка. Если бы мама узнала об этом, она была бы очень недовольна. Но в том то и состоит вся прелесть игры, что это плод запретный.

Кукол Иринка покупает в Детском Мире на сэкономленные от школьных завтраков деньги.

Иногда она тайком приносит очередную любимицу в класс, и, тайком, чтобы никто не видел, показывает ее школьной подруге Маринке Самоделовой.

Вечером Маринка приходит к ней в гости, и они увлеченно играют в женихов и невест. Если раздастся звонок, куклы мгновенно исчезнут в ящике письменного стола, и раскрытые тетрадки, и учебники не вызовут подозрения в душе не очень-то внимательной, уставшей после работы мамы.

Куклы выходят замуж. Это обязательно брак по любви. Так уж получается, что жених обладает всеми мыслимыми и немыслимыми достоинствами.

Жениха играет кукла девочка. Оставшаяся пара олицетворяет свидетелей.

Королева Маргарита выходит замуж за короля Генриха.

Барон фон Дитрих берет в жены княгиню Шаховскую.

Когда исторические познания девочек подходят к концу, события переносятся в нашу эпоху.

– Я выйду замуж за Валерку Куликова из третьего подъезда, – рассудительно говорит Маринка, – на мне будет венок из белых роз и гипюровое платье до самой земли. А ты, наверное, выйдешь за Вальку Курочкина?

– Вот еще, – обижено поджимает губку Иринка, – я, может быть, вообще не выйду замуж. Я стану известным всей стране врачом или журналистом.

У Иринки теперь не было даже минутки свободной. Ее мама, женщина очень энергичная и решительная, часто повторяла, что сейчас самая золотая пора для учебы. Голова свежая, все так хорошо усваивается, и если она упустит это время, то будет жалеть потом.

Но упущенного не вернешь. И она старалась не упустить. Кроме обычной школы она училась в музыкальной по классу фортепиано. Посещала студию живописи, занималась фигурным катанием. А кроме того, она умудрялась ходить в походы с туристическим кружком, участвовать в слетах и соревнованиях по ориентированию (за что получила значок «Турист СССР») и быть бессменным летописцем школьной стенной газеты. Голова у нее кружилась от множества дел.

А Валька? Он безропотно нес коньки, провожая ее на тренировку. Забирался подальше и с замирающим от восхищения и ревности сердцем смотрел, как ловко она кружится вместе с совсем уже взрослым партнером.

Время для него имело совсем иной смысл, чем для Иринки. Перебегая деловито из школы в школу, из секции в студию, она была больше погружена в себя, в свой внутренний мир.

Для Вальки все было сосредоточено на ней одной. С мыслью о ней он засыпал и просыпался. И так продолжалось из года в год.

Нам 14 лет, и у нас ужасно «победительный» вид. Улыбка точь – в – точь, как у «Нике» Коненкова, не сходит с ее лица.

А почему бы и нет? Жизнь развивается так стремительно, и у нас еще нет повода быть недовольной собой.

Иринка подросток. Возраст, в котором ум и физическое совершенство ценятся гораздо выше, чем какая-то красота и женственность.

Она достаточно умна, чтобы замечать очевидные вещи и делать из них соответствующие выводы. Начитана, у нее остренький язычок, который, не задумываясь, так отбреет какому-нибудь растяпу, вроде Вальки Курочкина, что только держись.

У нее бойкие серенькие глазки, которым недостает только чуточку туши, чтобы они сделались прекрасными, но об этом пока не может быть и речи. Иринка носит короткую стрижку. За лето ее пепельно-русые волосы так выгорают, что становятся даже чуть-чуть лиловыми. Когда она появляется осенью в парикмахерской, пожилая мастер ворчит на нее, подозревая присутствие чернил. Еще чего не хватало!

И, вообще, она пока совершенно не заботится о своей внешности.

Некоторым кажется, что щечки у нее слишком круглые и румяные. Ну и пускай себе так считают. Зато и они, и ее крепенькая, как у спартанских девушек, фигурка выражают то, что и должны выражать – юность, здоровье и силу. И то, что с ее коленок до сих пор не сходят синяки и царапины, означает, что она по-прежнему занимается спортом. Летом на теннисном корте, а зимой на катке – спортивными танцами.

Правда, особенных высот на этом поприще она еще не достигла, но зато не каждый мальчишка отважится выстоять против нее несколько геймов.

Из всех времен года Валька больше всего не любил лето. В начале июня, едва только оканчивались занятия в школе, Иринка вместе с родителями и бабушками уезжала на дачу на Украине. А без нее, все заманчивое, что было в лете: в зелени листвы, яркости цветов, и даже в запахе и шуме моря, куда он уезжал иногда с родителями и младшим братом – было безвозвратно испорчено.

Она возвращалась в конце августа, загорелая, веселая и удивительно похорошевшая. По крайней мере в глазах Вальки, потому что для других, равнодушных глаз она была милой девчушкой, чуть пончиком, хорошенькой, но не более.

Сама того не зная, Иринка была романтиком. Если не по складу характера, то в силу обстоятельств, от того, что не истраченный с детства запас нежности ищет выхода.

Любовь не возникает из ничего. Она таится в душе едва заметным угольком. И тлеет, и томится предчувствием чего-то тревожного и прекрасного, что когда-то должно случиться. Она терпеливо ждет и выглядывает через наши глаза – окошки в мир:

– А, может быть – это он?

Когда ей было 15 – это и произошло.

На даче отца, в Санжарах, конечно там, где же еще?

В этом тихом курортном местечке, где можно, не задумы-

ваясь ни о чем, веселиться с подружками и целые дни проводить на речке. Здесь они и познакомились. Ему на пару лет больше. Полудетские разговоры, восторженные, обо всем на свете.

В компании сверстников, веселой дачной «компашке», где разве только во время танцев они оставались наедине.

Конечно, не обошлось без обычных Иринкиных колкостей. У него столько странностей! Взять хотя бы стремление казаться опытным и взрослым. И это в его 17 и с детским прозвищем: «Карасик».

Перед отъездом они рассорились. Как казалось Иринке, с легким сердцем и навсегда.

А потом в Москве, осенью, воспоминания с приехавшей из Харькова подружкой и ее слова:

– А Карасик? Ведь ты была в него влюблена!

Ее словно молния пронзила: влюблена и это навечно!

Любовь... Наполовину придуманная, выпренняя, но первая, единственная и прекрасная: и это все о ней.

Ведь ничего не было, кроме желания любить – она и полюбила. Все придумано: воздушные замки, далекий принц. Но боль-то, она настоящая.

Заодно Иринка изводила и Вальку.

Он слушал рассказы о прошлом лете, о том чудесном мальчике, о разбитом ее сердце. Поглядывая на ее пухленькие, румяные щечки, на которых никак не отражались перенесенные страдания, Валька испытывал даже ка-

кое-то удовлетворение. Так сочувствует больной товарищу по несчастью, который перечисляет знакомые симптомы. Да-да. Именно так оно и было.

Ради того, чтобы почаще сидеть с ней вечером вдвоем, слушать ее горячий шёпот, смотреть в глаза, брать ее руку, которую она иногда забывает убирать – ради этого Валька согласен на существование хоть десятка таких мальчиков.

Лишь бы они были ... подальше отсюда.

Но настоящие мучения для верного Валькиного сердца начались в год, когда, успешно окончив музыкальную школу, освободившееся время Иринка заполнила занятиями в школьном ансамбле.

– Ты просто не представляешь, как он талантлив, – расхваливала она Жору Григорьянца, красивого голубоглазого юношу из параллельного класса.

– И ты, конечно, влюблена в него, – мрачно заканчивал Валька.

Иринка только плечами пожимала.

– А как же тот мальчик? – безжалостно допытывался Валька, намекая на летнее знакомство.

– Валентин, как ты не понимаешь? То – любовь, а это просто симпатия.

– Ну, а я?

– А ты мой самый лучший друг, и я тебя никогда не забуду!

– Как же, как же, – вздыхал Валька, удивляясь сложной

иерархии Иринкиных чувств.

Он почему-то представлял их в виде шкафчика с выдвигаемыми ящичками и табличками на них: «Любовь», «Симпатия» и где-то внизу – «Дружба».

Нет, он не обманывался относительно места, которое занимал в ее сердце.

В семнадцать она чудесно похорошела.

Иринка не сразу заметила в себе эту перемену.

Первое время ей казалось, что это только мир вокруг нее сделался вдруг таинственным и непонятным.

То, что еще совсем недавно казалось ей давно известным и тривиальным, вдруг наполнилось каким-то особым смыслом, поражающим своей глубиной и имеющим бездну значений и вариантов.

Она ходила по улицам, не в силах скрыть своего восхищения. И как это она могла не замечать всего этого?

Когда прохожие оборачивались и смотрели ей вслед, Иринка еще смущалась, думая, что выглядит смешной.

А она просто была прекрасна.

Странное дело, жила на свете девушка. Не дурнушка, скорее хорошенькая, веселая, с круглыми щечками и бойкими глазками. Твердо и уверенно ступали по земле ее крепенькие ножки. И вдруг, когда это случилось?

Она смотрит в зеркало и не узнает себя. Нет, это не я! Я просто не могу быть такой!

Не могу ... А почему? Ах, какое это чудо!

Неужели это та девочка, которая замирала перед зеркалом, стараясь представить себя взрослой?

И это чудесное тело, маленькие упругие груди, покатые плечи, длинная шея, эти глаза – ведь это я! И она радостно смеялась, испытывая удовольствие от самого смеха и от каждого движения своего гибкого тела.

Так продолжается всего один миг, но длится целую юность.

Потом Иринку будут называть симпатичной, милой и даже красивой. И все будет правдой. Но такой прекрасной она уже не будет никогда.

Исчезнет счастливый блеск в ее глазах. Они будут красивыми, но печальными. И застынет смех на ее губах.

И сделают это, как ни странно, самые близкие люди, которые и любить должны ее больше всех.

Валька быстрее и лучше других разглядел это чудесное превращение. Но он не обрадовался, а, скорее, забеспокоился. Уж слишком она становилась красивой!

– Господи, ну что же ты сердисься? – не понимала Иринка, когда, прогуливаясь с ней, он замечал излишне внимательные взгляды мужчин в ее сторону, – смотрят? Ну и пусть себе смотрят! Нам то какое дело до этого?

Валька не находил, что ответить, но продолжал нервничать.

А Иринка давно уже не была такой безмятежной, как в то время.

Даже горькая ее любовь поутихла немного.

– У, Карась несчастный, – думала она, – что-то ты станешь говорить, когда увидишь меня такой?

Она утешалась своей мезтью, и возвращалась к этому предмету гораздо реже, чем раньше.

А потом произошли события, в результате которых Валькина верность одержала еще одну, и, как ему представлялось, решающую победу.

К тому времени он успел окончить специализированную школу с математическим уклоном и поступить в Энергетический институт.

Несчастье подступило неожиданно.

Хотя приближение его можно было угадать по участвовавшим в последнее время тяжелым сценам в семье Берсеновых. Прожив вместе почти два десятка лет, разошлись родители Иринки. Все это: и скандалы, и бракоразводный процесс, и последовавший за этим дележ имущества – тяжело подействовало на впечатлительную Иринку.

Она стала хуже учиться, забросила все кружки и частенько пропускала уроки.

– Понимаешь, – говорила она Вальке, – я просто не могу сидеть в классе, и дома быть тоже не могу. Так тошно мне!

Бедный Валька ради Иринки прогуливал свои институтские занятия и целыми днями бродил с ней по улицам и картинным галереям. В последние его не очень тянуло, и ему приходилось кривить душой, делая вид, что ему ужасно ин-

тересны эти длинные ряды запроваленных в тяжелые рамы картин. Между тем гроза приближалась, и на первом же экзаме-не в зимнюю сессию он заработал «неуд».

Правда, через несколько дней он его выправил на сомнительную «троечку».

Но разве были на свете такие неприятности, которые помешали бы ему находиться рядом и смотреть на нее таким взглядом, замечая который, Иринка краснела, говорила смущенно:

– Ну что ты на меня так смотришь? Не смотри! – и закрывала ему глаза ладошкой в красной вязаной варежке с белым узором.

Однажды они сидели на лавочке у крутого склона Ленинских гор и молча глядели на открывающуюся перед ними панораму в неярком и печальном свете осеннего неба.

Пошел снег, первый снег в году. Пушистые снежинки медленно падали на землю, на голые ветки деревьев, на асфальт у ног, и было видно, как рассыпаются они на плоские резные звездочки.

Иринка протянула руку, и в подставленную варежку опустилась мохнатая гостья. Девушка пристально ее разглядывала, а потом повернулась к Вальке:

– Смотри какая!

Валька молча поднес руку к себе и поцеловал сначала то место на варежке, где лежала подтаявшая снежинка, а потом, также молча, ее дрогнувшие губы.

По вечерам Иринка теперь часто бывала у Вальки. Его младший брат занимался плаванием и домой возвращался поздно. Отец находился в отъезде, в командировках, а мать, приходя с работы, готовила ужин или подолгу молчала в своей комнате.

Они сидели на диванчике в его комнате и целовались. Потом мать звала их к столу. Она была очень предупредительна к Иринке и называла ее «дочуркой».

Но Иринка почему-то терялась перед этой женщиной.

С Валькой Иринке было гораздо лучше, он был прост и любил ее. Она чувствовала, как дрожат его руки и губы во время поцелуев.

Когда приходил его брат, они надевали пальто, говорили, что идут гулять, но только поднимались по лестнице на следующий этаж и целовались там, сидя на подоконнике, рядом с горшочком с засохшей пальмочкой.

Здесь было темно, безопасно – никто из жильцов не пользовался лестницей – и пахло пылью.

Нина Васильевна, обеспокоенная долгим отсутствием дочери, легко удовлетворялась ответом, что она была у Курочкиных.

А, вообще, она мало интересовалась заботами Иринки, считая, что у нее и своих неприятностей предостаточно.

– Может быть, так и надо, – думала иногда Иринка, – он меня любит, и этого вполне достаточно.

Он мой друг, самый лучший на всю жизнь.

И я хочу, чтобы он был счастлив.

Иногда она была почти готова на этот брак, но было что-то в ней такое, такая упрямая сила, которую, как она ни старалась, подавить в себе не могла.

Иринка боролась сама с собой, изнемогала в этой борьбе, и не было на свете человека, который был бы ее союзником.

Одна только призрачная надежда на счастье, надежда встретить когда-нибудь любимого человека поддерживала ее.

Под разными предлогами, и как бы в шутку, Валькина мать начала заговаривать о свадьбе.

Иринке приходилось делать вид, что она поддерживает это шутовское настроение матери и сына.

Но однажды, Валентина Васильевна, по обыкновению своему, немного игриво заявила, что только для Иринки и никакой другой невестки согласна она потесниться и уступить молодым отдельную комнату.

Все трое почувствовали, что это уже не шутка, и сейчас должен прозвучать ответ.

Но Иринка молчала, опустив голову, будто думая о чем-то постороннем. Только чайная ложечка выскользнула у нее из рук. И тоненький звон отозвался в ее сердце щемящей болью.

Наконец, она подняла глаза:

– Валентина Васильевна, но ведь мне только 17 лет. Я ..., – голос ее прозвучал сдавлено, – извините! – и выбежала из-

за стола.

Мать указала сыну взглядом на соседнюю комнату, куда скрылась девушка, и сказала одними губами:

– Поди, успокой ее.

В этот вечер Иринка, сказавшись на недомогание, рано ушла домой. И долго не могла уснуть, глотая невидимые слезы и стараясь всхлипывать неслышно, чтобы не разбудить спящую бабушку. Она думала о несчастной своей судьбе.

– Почему все так плохо и тяжело в жизни?

Даже мама, и та против нее. Раньше она мечтала выдать дочь за дипломата или за «человека с положением». А теперь говорит, что Валька хороший парень, из порядочной семьи и любит ее. Все остальное совсем не обязательно.

– Да, – шепчет Иринка, кусая зубками намокший от слез уголок пододеяльника, – ей хорошо рассуждать, а мне как жить дальше?

Она и сама знает, что Валька хороший человек, но что же ей делать, если только представит его своим мужем, делается до того тоскливо, что кажется, будто ничего не будет больше в жизни, кроме пыльного подоконника и засохшей пальмочки.

И совсем горько плакала Иринка, думая о том, что никто на свете не знает, как сжимается она в комочек, стараясь отодвинуться подальше от горячего, жадно тянущегося к ней Валькиного тела.

Иринка не любила и уже не полюбит Вальку.

Теперь она знала это так же точно, как и то, что Валентина Васильевна никогда не простит ей этого.

Но что же делать ей, если эти милые, хорошие люди ожидали от нее невозможного.

Ничего, в общем-то, не изменилось в их отношениях, и Валькина мать была так же внимательна к ней.

Только иногда замечала Иринка недоверчивый взгляд, брошенный исподтишка, и тогда все замирало внутри, как от холода.

Весной Иринка заболела.

Болезнь желудка. Врачи считали, что это на нервной почве. Ее освободили от выпускных экзаменов и выставили средние за год отметки.

Отец в письмах с Украины звал ее на дачу, где он с весны жил со своей матерью. Уговаривал погодить немного с поступлением в институт, подлечиться и окрепнуть. Но Иринке страшно было даже подумать о том, чтобы год сидеть дома. Она подала документа в МГУ на филологический и ходила на экзамены, как во сне. Не прошла по конкурсу и тут же начала поступать в другой вуз, полиграфический, на факультет редактирования.

Упорно сжав зубки, Иринка все-таки поступила, и, едва узнав результат, не имея сил даже обрадоваться, уехала к отцу на Украину.

А Валька в то лето работал в студенческом отряде на берегу Ангары и впервые за много лет не думал, что время про-

ходит напрасно.

Домой он приехал окрепший, и какой-то более уверенный в себе. Мать радовалась происшедшей с сыном перемене и думала, что теперь у них с Иринкой все пойдет на лад. Но случилось как раз наоборот.

Его уверенность и смелость, не только не привязали, но даже оттолкнули от него Иринку. Все чаще между ними начали возникать размолвки. Однако Валька уже не уступал, как прежде, а самолюбиво ждал, пока Иринка первая сделает шаг к примирению.

Они не разговаривали иногда неделями, и Вальке докладывали, что Иринку видели с другим парнем.

Валька ревновал, устраивал ей сцены, а Иринка, сердито сжав кулачки, отвечала, что он не имеет права ревновать. Потому что он ей не муж, и, вообще, никто. Валька спохватывался, просил прощения, и снова они целовались в подъезде. И ему казалось, что все теперь у них будет хорошо.

Так прошел год. Ему и в голову не могло прийти, что его поведение уже ничего не решает. И любые жертвы могут только немного отдалить разрыв.

И еще только раз дано было Вальке почувствовать тепло ее доверчивой нежности, обращенной к нему, а может быть, уже не к нему, а к кому-то далекому и еще не знакомому.

После летней сессии Валька уехал с ребятами из группы «дикарем» в Крым. Валялся на обжигающем галечнике, томился и мыслями был далеко.

Потом не выдержал, взял билет и махнул в Санжары – крохотный городок на берегу тишайшей речки.

И по тому, как узнав его, изумленно и радостно бросилась Иринка на шею, и неожиданно разрыдалась, понял Валька, что она всерьез запуталась в старых и новых своих привязанностях. Но угадав причину, ему не хватило смелости продумать все до конца. И он обманывал себя, приписывая эти слезы радости от свидания с ним.

Через несколько дней они опять жестоко разругались. Он обвинил ее в неблагодарности и в том, что она испортила ему лето. На что Иринка резонно отвечала, что она не тащила его сюда.

И Валька уехал в столицу.

А потом он еще раз проиграл. Но в этом уже не было его вины.

Иринка обычно не делала тайны из своих знакомств. Ухаживающих за ней ребят Валька знал, и в меру к ним ревновал, вызывая улыбку девушки. Но об одном, единственном, Валька не знал до тех пор, пока Иринка не почувствовала, что это у них серьезно.

Валька сравнивал себя с этим юношей.

– Красавчик! – думал Валька, – но любишь ли ты ее так, как люблю я? Этого не может быть!

Что-то здесь было не так. Он преследовал их, стараясь быть незамеченным, ходил за ними на выставки и концерты. Он старательно выискивал на лице ее спутника равноду-

шие к искусству. Вальке почему-то казалось, что он немного успокоится, узнав, что тот, другой, приходит сюда только ради Иринки, как и он когда-то. Но ей, видимо, было интересно с этим парнем.

Невольно сравнивала их и Иринка. Слишком благородная, для чтобы судить только по внешности – Иринка ни за что не призналась бы даже себе, что Валька был не очень хорош собой – она искала и находила преимущество своего избранника в другой области, в сфере, так сказать, духовной.

Действительная же причина состояла не в том и не в другом, а еще в чем-то третьем, в самом главном, чего никто и никогда не сможет, наверное, объяснить.

Валька, по-прежнему, забегал к ней на несколько минут. Она рассказывала о себе, о женихе, о житейских неурядицах – по старой памяти. Но не было в этих встречах ни поцелуев, ни былой сердечности.

Валька чувствовал, как оставаясь рядом, Иринка отдаляется от него, будто уплывает в далекий, запретный для него простор.

Однажды он обратил внимание на одну ее фотографию, лежащую на столе под стеклом.

Красивая девушка смотрела на него грустными без улыбки глазами.

– Подари мне ее, – попросил Валька.

– Но разве ты не знаешь, что это плохая примета? – спросила Иринка, глядя на него грустными, как на фотографии

глазами, – фотографии дарят перед разлукой.

– Теперь уже все равно.

И все-таки он продолжал надеяться.

Надеяться на невозможное.

За неделю до Иринкиной свадьбы Валька уехал в Ленинград к своим дальним родственникам.

Наступали белые ночи.

Он бродил вместе с толпами любопытных по набережным и площадям этого чужого прекрасного города и всходил на мостик у Эрмитажа.

Здесь когда-то они были вместе с Иринкой во время школьной экскурсии, и бросали монетки в воду для того, чтобы вернуться сюда вместе.

Но это был еще не конец.

Только в старых романах ставилась точка после упоминания о свадьбе, даже в том случае, если на твоей любимой женился не ты, а кто-то другой. Это был не конец, но до него оставалось совсем немного.

Некоторое время молодые жили с родными Иринки, и, волей-неволей, Вальке приходилось с ними сталкиваться.

Встретив Вальку, Иринка подолгу задерживала его разговором, приглашала в гости, уговаривала перестать, наконец, дичиться.

– Валь, мы ведь останемся с тобой друзьями? – спрашивала она, просительно заглядывая ему в глаза.

Но если бы он мог оставаться просто другом!

Однажды он столкнулся на улице с ее мужем.

Ответив на приветствие, так как они были уже шапочно знакомы, спросил, улыбаясь куда-то в сторону: как обстоят дела с квартирой и как здоровье Иринки.

Чувствуя, наверное, себя так же неловко, тот ответил, что квартирный вопрос вроде скоро решится, а вот Иринка часто простужается, потому, что у нее слабое здоровье. И добавил, доверительно улыбнувшись:

– Никак не приучу ее делать зарядку. Ты ведь знаешь, какой она у нас неорганизованный товарищ.

– Да, – ответил Валька, – знаю.

Как ни странно, после этого разговора Валька несколько смирился с существованием у Иринки мужа.

Но все равно, это было для него, как не заживающая рана. Он почувствовал огромное облегчение, когда Иринка с мужем переехала в другой район.

Прошел еще год. Теперь Иринка почему-то даже чаще, чем в первое время, вспоминала Вальку и рассказывала о нем мужу.

В ее рассказах, как и в памяти, оставалось о нем только хорошее: его верность и доброта. Он был для нее все такой же, как и несколько лет назад.

Когда построили АТС и в квартире у Иринки установили новенький телефонный аппарат, одним из первых, кому она позвонила, был Валька.

Иринка приглашала его в гости, и он, удивляясь своей сго-

ворчивости, согласился.

Оживленная и нарядная Иринка готовила праздничный обед, а Валька помогал ее мужу приколачивать вешалку в прихожей.

Тот был расстроен предстоящим осенью отъездом. Его призывали в армию офицером на два года.

Они распили бутылку вина за счастливую службу и удачу и, прогуливаясь в Кузьминском парке, фотографировались у склонившихся к воде старых лип.

А еще через два месяца, накануне отъезда к мужу, служившему где-то на севере Казахстана, она еще раз пригласила Вальку к себе: попробовать кролика, приготовленного по особому рецепту.

Кролик действительно был вкусным, а Иринка печальной.

Она рассказывала Вальке, что на работе в редакции ее называют «декабристкой», и, что, конечно, два года – это не вся жизнь, но все-таки, очень много.

А Валька принялся говорить о молоденькой девчужке, студентке, явно равнодушной к нему, и стремящейся привлечь его внимание просьбами о помощи в написании диплома.

– Вот и прекрасно, – оживилась Иринка, как показалось Вальке, немного преувеличенно, – вы поженитесь, и будете приходить к нам вместе.

– Ну, нет, – криво усмехнулся Валька, – если я женюсь, мы не будем больше встречаться.

– Почему? – удивилась Иринка.

Валька только плечами пожал. Собственно, раньше он и не думал об этом, но сейчас сказал и почувствовал: так оно и будет, иначе нельзя.

Потом, будто обрадовавшись чему-то, заговорили об общих знакомых. Наверное, так бывает, если о своих делах говорить уже поздно.

Володька Кудряшов работает в лаборатории с Валькой, а Женя в одном издательстве с Иринкой. Они долго живут вместе, но никак не поженятся. А теперь уже наверняка не поженятся, потому что Володька говорит о ней отвратительные вещи.

– Нет, подумать только, – возмущалась Иринка, – она любит его, а он говорит о ней такие гадости. Я бы с таким человеком и разговаривать не стала, не то, чтобы любить его.

– Конечно, – соглашался с ней Валька.

Он и сам не знал, зачем затеял этот разговор.

– Наверное, так и появляются сплетни, – подумал Валька с неудовольствием, а потом махнул на это чувство рукой.

Не все ли равно теперь, о чем говорить?

Он видит Иринку в последний раз. И это главное.

Наступило время прощаться. Иринка стояла перед ним в новом платье и с высокой прической, сделанной специально для него. Он знал это.

И такая она была родная, и невозможно было себе представить, что это в последний раз.

У него все будто поплыло перед глазами. Он обхватил ее за плечи, привлек к себе и хотел поцеловать в губы.

Но то ли от того, что была она на высоких каблуках, то ли отшатнулась слишком поспешно. Губы его дотянулись только до нежной ямочки у ключицы.

– Раньше это у тебя удачней получалось, – сказала Иринка, как показалось ему, холодно и насмешливо.

А Валька вдруг вспыхнул от этих слов и резко отвернулся, уткнувшись лицом в знакомую вешалку.

– Валь, ну, что ты? – потянула его за рукав Иринка, никак не ожидавшая такой реакции, – слышишь, перестань!

Она старалась повернуть к себе его залитое слезами лицо и не могла этого сделать.

– Я прошу тебя, Валентин, а то сама зареву!

А он, все так же не поворачивая лица, схватил висевшую куртку и буркнул в дверях:

– Прощай.

Иринка покурила немного, всплакнула от жалости к себе и от того, что не получилась так хорошо задуманная ею сцена прощания. И еще от того, что она не в силах ничего изменить. И принялась мыть посуду.

5 ноября, несмотря на запрет руководства, в лаборатории, где работал Валька, устроили небольшой «сабантуй» по случаю праздника.

Когда начальство собралось уходить, в дальней маленькой комнате собралось человек пять молодых ребят.

Жуликовато подмигнув, Кудряшов разливал в подставленные стаканы спирт из металлической фляжки.

А потом завел, как обычно, разговор о женщинах и своих победах, пересыпая свой рассказ скабрёзными подробностями.

И тут хмель ударил в голову обычно малопьющему Вальке Курочкину. Как будто бес подталкивал его поведать о своих амурных подвигах.

Но что мог рассказать этот домашний мальчик? И он начал бессовестно врать о своей бывшей соседке, которая недавно вышла замуж, а когда муж уехал служить в армию, якобы, стала предлагать ему, Вальке, себя.

Он раскраснелся и стал странно подмигивать, неся эту несусветную чушь.

– Ну, и чем ты ей ответил? – в упор спросил Кудряшов, который был явно недоволен внезапно объявившимся конкурентом.

– А я, что я? – упавшим голосом ответил Валька, внезапно начиная осознать, в какую бездну лжи он сам себя загнал, но все еще пытаясь выкрутиться, – я ей отказал. У нас тоже гордость имеется.

– Все-то ты врешь, Кур несчастный! – торжествующе произнес Володька, – и это очень просто будет доказать!

И он снова продолжил свой монолог, теперь уже совершенно не опасаясь, что его могут перебить.

А протрезвевший Валька был совершенно раздавлен и

представлял, в каком виде эта его похвальба немедленно дойдет до Иринки.

– Это конец, это ужасный конец, – думал он в смятении.

И это, действительно, был конец. Единственно, в чем он ошибался, было время. Он совершенно забыл, что ее уже нет в Москве, и, если случай этот и станет ей известен, то произойдет это, как минимум, через пару лет.

Весной сыграли Валькину свадьбу.

Невестой была та самая девчушка, что так настойчиво добивалась его помощи в написании диплома.

Видимо, осада крепости под названием «Валька», выполненная по всем правилам военного искусства, привела к желаемому результату.

Карасик

Его считали племянником начальника военного санатория. Однако на самом деле начальник не был братом отцу Карасика. Он был ему другом.

Но как часто случается, отношения их были более чем родственные.

Поэтому Карасик с полным правом называл начальника «дядей» и пользовался всеми привилегиями, которые предоставляет родство с человеком, столь значительным для этого крохотного украинского городка.

Кроме всех прочих благ, он мог регулярно ходить в санаторий на танцы и проводить своих друзей, чем вызывал немалую зависть у местной молодежи, вход которой на танцплощадку был строго заказан.

Карасику в то время было 17 лет.

Он был выше среднего роста и хорошо сложен. Недурно плавал и играл в футбол, с одного удара выбивал фигуры в городки.

В волейболе, правда, его успехи были менее значительными. Кто-то из местных ребят, глядя как Артем в очередной раз неудачно загасил мяч, ехидно заметил:

– Ишь, запутался, как карась в сетке!

Так появился «Карасик».

Он был начитан, остроумен, самолюбив, но при этом добр

и великодушен – словом, обладал всеми качествами для того, чтобы пользоваться успехом не только у юных девушек.

В то лето, когда Иринка встретила с Карасиком, она переживала счастливейшую свою пору.

Да, она была счастлива, как может быть счастлива девушка в свои 15 лет, когда все: и природа, и люди, и само будущее – улыбаются многообещающе и загадочно.

Здесь, на даче в Новых Санжарах, у нее постоянно была масса дел, которые, не обременяя, уже сами по себе являются достаточным поводом для счастья.

С вечера она договаривалась с подругами, а утром вставала рано и бежала к реке по мокрому от росы лугу. В низинке висел белый, как заячий хвостик, туман. А по берегу, вдоль песчаной косы продувал уже теплый ветерок.

Песок был тяжелый и прохладный, и по нему было приятно бегать босиком.

А какой чудесный был воздух, пахнувший водой и хвоей растущих неподалеку сосен. Как весело летал воланчик, утяжеленный маленькой сосновой шишечкой. Закусив губку и прикрывая глаза ладошкой от солнца, Иринка следила за его полетом.

К игре, как и вообще ко многим вещам, она с детства относилась очень серьезно.

Немного передохнув и поостыв, девушки купались. Иринка не любила девчоночьих «охов» и писков. Она молча заходила поглубже, затем ложилась на воду и делала несколько

быстрых взмахов руками.

Так всегда поступала Нина Васильевна, ее мама.

Вода казалась холодной только в первое мгновение, а потом становилось тепло и можно было без конца в ней барахтаться или стоять на желтом дне и чувствовать, как быстрое течение вымывает песчинки из-под ступней.

Домой возвращались веселые, довольные бодростью и победой над ленью.

После завтрака Иринка принималась за математику. Нет, это не были занятия, связанные с низкой успеваемостью в течение учебного года, и поэтому нудные, и тоскливые.

Весной, окончив 8-й класс, Иринка поступила в специализированную школу с математическим уклоном, где им сразу же выдали задание на лето. Это были занятия важные и нужные, делающие девушку более значимой в глазах окружающих.

Кроме того, Иринка занималась не одна, а с новой подругой.

Прелестной, маленькой, озорной и неугомонной – Риткой, Ритенком, Ритулькой.

Та сразу влюбилась в Иринку «по гроб жизни» и потребовала соответствующей клятвы взамен.

Несмотря на романтическую внешность, Ритка твердо решила по окончании школы поступать на физмат. Поэтому она с радостью поддержала Иринкино начинание.

Девушки сидели в саду на раскладушке в тени старой гру-

ши.

Для того, чтобы было веселее думать, отец Иринки, Анатолий Константинович Берсенева, ставил перед ними в траву корзиночку с фруктами. Подружки успевали порешать задачки, поболтать, помечтать и время для них летело совершенно незаметно.

Затем Иринка отправлялась на спортивную площадку. Чаще всего ее партнером на корте была Нина Васильевна, которая, как она выражалась, «еще не совсем потеряла былую форму». Отдыхающие присаживались на скамеечку посмотреть на игру. Предложить свои услуги в качестве партнера отваживались редко.

Иринка с достоинством носила свою спортивную форму: белую коротенькую юбочку и блузку. Быстрая и ловкая, она одинаково уверенно чувствовала себя на корте и на танцплощадке.

В это лето Иринке сделали первое предложение... Он был капитан, летчик. Отлично танцевал. Собственно, на танцах они и познакомились.

В один из первых вечеров, проведенных в то лето в Сан-жарах, к ним подошел молодой человек и галантно попросил у Нины Васильевны разрешения на тур вальса с ее дочерью.

– Нет, Вы посмотрите, какая пара! – восхищенно шептала соседка Нине Васильевне, – как с картинки. Особенно Ваша Иринка хороша!

– Да, приятный молодой человек, – отвечала Нина Васи-

льевна.

Через две недели Валера, так звали военного, сделал Иринке предложение.

Все происходило, как в старинных романах.

Он явился к Берсеновым в ее отсутствие в светлом костюме, с букетом цветов и шампанским, очаровал своими манерами обеих бабушек, отобедал, а затем несколько смущенно изложил Нине Васильевне, в чем состояло его дело.

– Я очень польщена Валерий ...

– Николаевич.

– Валерий Николаевич вашим вниманием к достоинствам моей дочери. Я с радостью, как говорится, отдала бы ее руку и сердце..., но, поймите, я должна спросить ее мнение.

– Ну, конечно, конечно!

– Кроме того, она еще учится. Во всяком случае, ей нужно окончить школу, возможно, институт, а уж тогда...

– Ах, мама, – воскликнула Иринка, когда Нина Васильевна пересказала ей эту сцену, – ведь он такой старый. Ему уже 28 лет!

После обеда Иринка спешила на городской пляж, где собиралась вся их компания.

– Наша компашка! – говорила она с гордостью.

Каждый год она пополнялась новыми девушками, но основа ее сформировалась именно в то лето: две Иры, две Тани, Рита и Элла.

Конечно, были в компании и такие девушки, которые при-

соединялись к ним по конъюнктурным соображениям, но основу объединяла настоящая дружба. Поэтому и характер у «компашки» был легкий и веселый – искренний.

Как водится, ребята не могли обойти вниманием таких симпатичных девушек. Они постоянно кружили вокруг них, как пчелы вокруг кормушки.

Историки спорят, существовало ли в действительности племя амазонок. Якобы, это были воинственные и жестокие создания, убивавшие мужчин без всякой жалости.

Компания наших девушек правила мудро и терпеливо. Она даже не поработала своих ребят, она их укрощала и воспитывала. Ребята старались. Они перестали драться. Все равно кулаками здесь ничего нельзя было доказать. Они стремились блеснуть своим интеллектом, своим голосом и умением играть на гитаре, своими мускулами – кто во что был горазд.

Никто не смел их обидеть, они чувствовали себя спокойно – словно и городок, и санаторий, и река были их одним большим домом.

Перед закатом девушки расходились по домам для того, чтобы опять собраться вместе, когда стемнеет.

Украинские ночи.

Иринке казалось, что никогда прежде она не видела цвета ночного неба. Оно было черное, бархатное, в серебристой пыли звезд. Вставала луна, тоже совсем иная, чем в городе.

Ее восход также предвлялся зарей. Горизонт светлел, за-

ливался перламутром, а потом появлялась Она.

Наступала ночь, наполненная благоуханием – ночной фиалки и душистого табака. Из палисадников выплывали волны аромата и буквально обволакивали душу.

И металлический отблеск в кронах пирамидальных тополей, и бесшумное порхание летучих мышей и ночных бабочек, и несмолкаемый стрекот цикад, и отдаленные звуки музыки в городском парке – Иринка любила таинство и прелесть этих ночей.

Все знакомства начинались здесь: на танцах, в кино и на прогулках.

День был хорош, но обыден. Он годился лишь для того, чтобы быть подготовкой к восторженному великолепию летней ночи.

Все ее волшебство открылось в тот год перед Иринкой. И хотя ей строго-настрого было приказано возвращаться домой не позднее половины одиннадцатого, она чувствовала себя совсем взрослой, потому что прежде ей не позволялось и этого.

Иринка имела успех у ребят и была спокойна на этот счет. Она училась повелевать и быть непостоянной. Из всех ребят она выделила одного, не потому, что он ей больше нравился, а просто так полагалось. Игорь танцевал с ней чаще других, и был всегда готов оказать какую-нибудь мелкую услугу. Только и всего.

Однажды они обсуждали, как отвадить еще одного непро-

шенного Иринкиного кавалера. Никому ведь неприятно, когда тебя преследуют по пятам, к тому же не из их компании.

– Завтра после танцев мы с ним обязательно побеседуем. Все ребята согласны. Даже Карасик с нами будет.

– А кто это – Карасик?

– Ты не знаешь? Это такой парень!

Игорь с жаром принялся описывать достоинства своего приятеля. Даже на танцах показал. Издалека.

– Фи, – подумала Иринка, – ничего особенного, и профиль какой-то плоский, как у эстонца.

Она уже тогда была немножко близорука.

Прошло еще несколько дней и наступил тот. Памятный.

Сначала у них с Риткой никак не решалась задачка. Пома-явшись, девочки решили, что в ответе ошибка. Уверенные в себе, только лишь для очистки совести, решили спросить у Игоря. Как-никак в одиннадцатый класс перешел. Должен знать.

Девочки нашли его на баскетбольной площадке санатория, где ребята с увлечением гоняли мяч.

Игорь подошел разгоряченный, с явной неохотой. Однако послушно присел и принялся решать.

– Э, мы такого способа не проходили, – недовольно сказала Иринка, когда решение было найдено, и результат сошелся с ответом.

– Но ведь так проще.

– Ну и что ж, что проще. Нам нужно решать так, как мы

умеем.

Иначе не получалось и у Игоря.

– Ну вот, видишь! – торжествовала Иринка.

Игра на площадке разладилась. От группы скучающих ребят отделился один. Подошел, заглянул через Иринкино плечо в тетрадь. Она посмотрела на него искоса: загорелый, стройный, в синих атласных трусиках.

– Шоколадку подарите – решу вашу задачку.

– Вот нахал, – подумала Иринка.

– Во-первых, шоколадки дарят только маленьким и девочкам, а во-вторых, обойдемся и без твоей помощи.

Он улыбнулся широко и, ничуть не обидевшись, присел на лавочку рядом с подвинувшимся Игорем.

– Артем, ну ты идешь, что ли? – окликнул его кто-то из ребят.

– Нет, идите сами.

– А, вот так. Теперь все ясно, – он написал оба способа.

Ответы совпадали.

– Если нужно еще что-нибудь решить, обращайтесь.

– Спасибо, мы уж как-нибудь сами, – отвечала Иринка.

Девушки пошли домой, и ребята вызвались их провожать.

Так они шли в первый раз.

Аллеей, по которой будут ходить вместе, а потом еще долго будут вспоминать об этом.

– Придете сегодня на танцы? – спросил он, улыбаясь чему-то.

– Может быть, – ответила Иринка неопределенно.

Потом Иринка будет искать тайный смысл в этих словах. Своих и его. Но его не было. Было просто позднее утро. Деревья стояли тихие. Светило солнце.

Все четверо подставляли лица его красящим лучам и думали о своем.

Он спросил, как будто ни к кому не обращаясь, но она знала, что вопрос был адресован именно ей.

Что-то начиналось. Неопределенное. Свистела иволга в роще. О чем она свистела?

О чем ты думала, Иринка? А если бы знала, как все потом обернется, что было бы тогда?

Они шли мимо пруда, мимо одноэтажных корпусов, мимо цветочных клумб. Вот и знакомая калитка в заборе. Иринка уже дома.

В тот вечер она отважилась прийти на танцплощадку одна. Никто из компашки больше не собрался. По разным причинам. Большинство отравились в кино.

– Чего я там не видела? Этот фильм показывали в Москве еще весной.

– Но ведь ты будешь одна, – уговаривали ее подруги.

– Ну и пусть.

Что-то неудержимо притягивало ее в тот вечер к танцплощадке. Неужели обещание? Чепуха какая!

Иринка думала еще не в лад со своим сердечком, но поступала в лад.

Подходя к площадке, Иринка заметила, что народу больше по эту сторону ограды, чем по ту. Это могло означать только одно: дежурил Михеич.

Этот сухощавый колченогий старик был страшным законником и пропускал только по санаторным книжкам.

Иринка остановилась в нерешительности, не зная, как дальше поступить: уйти домой или же отправиться, пока не поздно, в кино.

– Так что же мы не танцуем?

Иринка обернулась и опять его не узнала.

Ты был совсем другой, не похожий на дневного. Стоял, довольный собой. Ты ведь всегда любил удивлять. Больше всего на свете ты любил удивлять.

– Разве не видишь, кто там стоит?

– Кто стоит? Да это Михеич. Он мой друг.

Иринка посмотрела на него недоверчиво.

– Пойдем смелее, не трусь, – посторонился, пропуская ее вперед.

– А я и не трушу, – ответила Иринка, но на всякий случай обернулась, – а вдруг смотается.

Он поздоровался с Михеичем за руку, похлопал его по плечу:

– Ну, что, Михеич, скрипишь?

– Скрипим помаленьку. Что делать?

Михеич от такого панибратства не отказывался, но явно его не одобрял.

Уже поднимая руку, чтобы положить ее на плечо партнера, Иринка заметила завистливые взгляды девиц, столпившихся у края площадки – не иначе он был какой-то важной «птицей».

Иринка чувствовала только его руку на спине, но они были одно целое. В такт двигались их ноги. А глаза? Они тоже были заодно. Его рука. Иринка чувствовала, что этой руке можно довериться. Это была сильная рука.

Они кружились в вальсе и летели все быстрее и быстрее, и все расступались перед ними. Они не сказали друг другу ни слова, ни во время этого танца, ни потом, в перерыве. Бывает такое время, когда хорошо и без слов.

К закрытию Михеич несколько утратил бдительность, и на площадке постепенно собралась вся компашка.

– Какая ты сегодня красивая, – шепнула ей на ухо Ритка.

– Обыкновенная, как всегда, – улыбнулась Иринка.

– Ну, что, познакомилась, наконец, с Карасиком? – спросил Игорь.

– Как познакомилась? – не сразу поняла Иринка, – так это и есть Карасик?

Иринка не задумывалась над тем, что с нею происходит.

Она не понимала, почему Карасик то не отходит от нее целый день, а то точно также болтает с другой девушкой, а на нее даже внимания не обращает.

Ладно, была бы она ему безразлична, а то ведь чувствовала, что нравится Карасику. Он был непонятен, необъясним

и, может быть, поэтому, нравился ей еще больше.

Потом был поход на Круглое озеро.

Сначала договаривались идти всей компанией, но постепенно девушки одна за одной отказались от этой затеи. Таня «черненькая» поругалась с Карасиком из-за какого-то пустяка. Не так чтобы очень, но идти в поход отказалась. Таня «беленькая» осталась с ней в знак солидарности.

Ритка, та, наверняка бы пошла, но к ней в тот день приехал отец. До этого она отдыхала в Санжарах с мамой.

Было ли это случайностью?

Позднее Иринка начнет думать, что все было нарочно подстроено Карасиком. Так или иначе, они выступили в поход всемером. Шестеро ребят и среди них Карасик, который клятвенно обещал защищать Иринку и не давать ее в обиду, и она.

Поначалу все складывалось благополучно. До озера было километров пять. За разговорами Иринка даже не заметила, как добрались до места.

Окруженное лесом, чистое и глубокое озеро было очень красиво. А полянка, со стороны которой они пришли, казалось, просто предназначена для беготни и прыжков. Ребята отправились купаться, а Иринка без усталости носилась с ракеткой по густому ковру ромашек.

По очереди она обыграла в бадминтон всех ребят и была невероятно горда этим.

Разгоряченная и запыхавшаяся, она пожелала искупаться,

но ребята устроились играть в карты, и никто не поддержал девушку в ее начинании.

– Смотри, не заплывай далеко, там на середине . . . , – крикнул ей издалека Карасик.

Но она не расслышала его слов, да и не желала ничего слышать. У берега росли кувшинки, вода была теплой и пряной, настоящей на аромате склонившихся к самой воде трав.

– Обойдусь как-нибудь и без вашей помощи, – решила она, – поплыву на тот берег, тут недалеко. Вот Карасик-то удивится.

Сгоряча она не заметила, что слой теплой воды становился все тоньше и тоньше, а посреди озера даже на поверхности она была очень холодной от бьющих со дна ключей.

Так вот о чем предупреждал Карасик! Дыхание у нее перехватило, она с ужасом почувствовала, как острая боль схватила и сдавила ей икры.

– Ай! – ноги непроизвольно опустились вниз, и она едва не захлебнулась.

А на берегу ребята смеялись и веселились во всю, наблюдая за ее странным способом передвижения.

– Во дает, руками колотит, а ни с места.

– А брызги какие, как от парохода!

Иринка прекрасно слышала каждое слово, но у нее не было ни времени, ни сил обижаться. Она яростно боролась за свою прекрасную молодую жизнь, которая вот-вот могла оборваться из-за какого-то дурацкого случая.

Весь остальной мир для нее перестал существовать, остался только шаткий мостик на берегу. Она видела его невероятно отчетливо. Четыре столбика и несколько дощечек для сиденья.

Он уходил от берега довольно далеко. Наверно, какой-нибудь рыбак сколотил его для удобства. Но как медленно он приближался. 10 метров, потом 5.

Смеясь и дурачась, выкрикивая на ходу:

– Эй, паролод, что так медленно плывешь? – оббежал по берегу и бросился с мостика Карасик.

И по его испуганному лицу Иринка увидела, что только тогда он все понял. Она схватилась обеими руками за перекладину, не в силах даже пошевелиться.

Карасик выволок ее из воды, взял на руки и понес.

Ах, как он ее ругал! Дура, девчонка, скверная, упрямая – это были еще самые слабые выражения.

Но в расслабленном ее сознании они звучали, как музыка, как изысканные комплименты. Он перепугался за нее. Ее жизнь для него что-нибудь да значит.

Ей растирали ноги, поили чаем из термоса, откармливали бутербродами. Понемногу силы вернулись к девушке, и все тронулись в обратный путь.

Ей казалось, все теперь должно измениться, пойти по-другому. Но назавтра Карасик почти не разговаривал, и даже как будто ее сторонился.

Иринка терялась в догадках. Во всяком случае, не нере-

шительность была тому причиной. Но что же тогда?

Ответ она узнала довольно неожиданно.

Рано утром, едва Иринка успела проснуться, но еще не вставала и лежала, завернувшись в простынку, собираясь с мыслями, прибежала Ритка. Она принялась тормозить подружку и, захлебываясь, рассказала удивительную новость.

Накануне вечером, когда вся компания уже разошлась по домам, она случайно подслушала разговор Карасика с Игорем. Это был трудный разговор. Ребята нервничали, а спрятавшаяся в темноте Ритка слышала каждое слово.

Речь шла об Иринке. Каждый из них говорил, что не хочет мешать, от того что, по его мнению, он нравится девушке меньше, чем другой. В конце концов они решили предоставить право выбора самой Иринке. Они были рыцарями, эти милые мальчики.

– Это правда, – подумала девушка, вспоминая, что и Игорь изменился к ней, стал меньше времени проводить в компашке и избегал оставаться с ней вдвоем.

И она выбрала.

В тот же день на пляже она первой подошла к Карасику, и заговорила, и они не расставались в тот день и во все последующие тоже.

Так началась для Иринки пора совершенного счастья. Никогда прежде она не была так напряженно-чутка, так взволнованно-отзывчива, как в эти дни.

Всеми клеточками своего существа, каждым натянутым

в радостном ожидании нервом она ловила, вбирала в себя звуки, краски и дыхание природы. Она была влюблена в весь мир, и все казалось ей чудесным и неповторимым. Только для нее светило солнце, синело небо и шептала река.

Она и сама была прекрасным в трогательном своем неведении цветком, не понимающим и не видящим своей красоты. Что же с тобой приключилось Иринка? Ты была влюблена, и сама еще не знала об этом.

Как не подозревала и того, что ощущения этих дней, которые ты считала полнейшим счастьем, оказались началом твоего несчастья.

Когда бы она ни вышла из дома, у калитки ее неизменно поджидал Карасик.

И это тоже казалось ей совершенно необъяснимым. Они брались за руки и отправлялись в лес, на реку или в поле, забирались подальше, туда, где Иринка еще никогда не была и, наверное, никогда уже не будет.

Карасик, между тем, проверял.

У ребят так, видимо, было заведено.

Он видел, что Иринка «совсем еще дитя», но внешность порой бывает обманчива, и было бы обидно упустить подходящий момент, если она раньше уже была близка с кем-нибудь. Он пробовал навести справки, но Игорь ничего не знал.

Теперь они по вечерам часто оставались вдвоем.

Любознательная девушка завидовала Карасику, проходившему в школе астрономию и знавшему, или делавшему

вид, что знает созвездия.

Вот она стоит, прислонившись к забору, а он взялся за доски у ее плеч и теперь Иринка в кольце его рук.

– А вон, смотри, двойная звезда. Ее хорошо видно в бинокль, но и глазами рассмотреть тоже можно.

– Где, где? – она тянется за его рукой и касается виском его щеки.

Вздвогнув, отшатывается, сердце в ужасе колотится, а он продолжает, как ни в чем ни бывало.

– Вон там, над топодем, немного левее. Теперь видишь?

Вот, пыхтя и цепляясь за колючие стебли бурьяна, они забираются по крутому склону. Осыпаются под ногами и сползают вниз сухие комья глины. На самом верху метровый выступ, одолеть который девушка не в силах. Не будь рядом Карасика, она попросту закинула бы ногу. Но она в юбке, а он стоит наверху и, подбоченясь, усмехается.

– Эй, «турист СССР», давай руку!

– Ой! – и она взлетает вверх.

Теперь их лица близко-близко. Он держит ее за плечи. Иринка видит, как становятся серьезными его глаза.

– Сейчас поцелует, – чувствует она с замиранием сердца и выскальзывает из его рук.

– Смотри, облака какие плывут!

А облака, точно, удивительные: высокие и легкие, как сказочные корабли.

Много ли нужно человеку для счастья?

В солнечный день стоять над обрывом и смотреть еще выше – на облака. И чувствовать, как наполняется грудь летним цветущим простором, и держать в своей руке его руку.

Иринка легко усвоила насмешливую манеру Карасика вести разговор и стала досаждать ему колкостями, на которые он далеко не всегда находил, что ответить.

– А мы с ребятами однажды в ночном баре были, – похвастался он неосмотрительно.

– Бар, это что? Место, где напитки разные пьют?

Он покраснел, как рак.

– Ну, понимаешь, напитки, конечно, тоже. А, вообще, ты еще маленькая, чтобы в этом разбираться.

– А чего тут не понять? Если бар – это место, где выпивают, то ночной бар, это место, где выпивают ночью. Ведь правильно? А им что, дня для этого мало?

– Ну, детский сад! – замахал руками Карасик, но разговор о своей взрослости больше не заводил.

Теперь они как бы поменялись ролями. Иринка задиралась, но это была дерзость и озорство подрастающего щенка, который, разыгравшись, кусается иногда больно от того, что он слишком весел и еще не осознает своей силы.

Чем не постоянной и ветреной казалась Иринка, тем более уравновешенным, меняясь прямо на глазах, выглядел Карасик. Он, казалось, начинал понимать ту ответственность, которую он взял на себя, подружившись с этим полуребенком, полуженщиной.

Но так не могло продолжаться чересчур долго. Они были слишком неопытны, для того чтобы совладать с целым океаном чувств, которые выплескивала на них эта дружба-любовь.

Они были еще слишком юны и слишком прекрасны, для того чтобы не вызывать зависти у людей, могущих помешать им.

И вот, на танцах Иринка протанцевала давно обещанный вальс с отцом, затем с одним военным, а потом еще, кажется, с кем-то. Возвратившись на обычное место – к лавочке у эстрады, она увидела, что Карасика там нет. Иринка сначала не очень огорчилась, потому что мало по какой причине он мог отойти. Но его не было и во время следующего танца, и следующего.

Настроение у нее испортилось.

Она уже не танцевала, а сидела, потупясь, на лавочке и чувствовала себя в конец несчастной. Как на зло на площадке не было никого из их компашки. Только на другом краю стоял Игорь, которого она видела в последнее время очень редко, и, как показалось Иринке, внимательно за ней наблюдал.

Вдруг перед ней остановились чьи-то ноги. Подняв голову, он увидела молодого парня, цыгана, в расстегнутой до пупа красной рубаше и пьяного. Он приглашал ее на танец.

– Нет, нет, – Иринка испуганно замотала головой, – я не танцую.

Парень стал перед ней на колени, и дыша перегаром, долго, с пьяной настойчивостью, смотрел ей в глаза. Иринка беспомощно оглядывалась по сторонам, но никто, казалось, не замечал ужасного ее положения.

– А, мало чести, – с трудом ворочая языком, пробормотал цыган, – тогда – вот!

Он бросил на скамейку пятак. Это была плата.

Иринка вскочила и ударила его по щеке.

Словно дождавшись конца сцены, подбежал Игорь с ребятами и оттащил цыгана, оставив Иринку с пылающим от стыда лицом одну. Она едва сдерживала слезы.

Тут снова остановились перед ней ноги. Это был Карасик.

Он улыбался, и, как ни в чем не бывало, приглашал ее на танец. Иринка плакала у него на груди, а он утешал и расспрашивал, что же такое случилось с ней за то время, пока он отсутствовал.

Вдруг она вздрогнула как от удара и остановилась. Страшная мысль мелькнула у нее в голове:

– Это он все подстроил!

Да, сомнений быть не могло. Нарочно, чтобы посмеяться над ней, подослал этого пьяного. Ах, как это подло и гадко, а он еще стоит и улыбается!

– Ты сам все знаешь лучше меня, – сказала она изменившимся голосом.

– Да что же, что?

– Пусти!

Иринка убежала, и, как ни старался Карасик, он нигде не мог ее найти.

Зато нашла другая Ира. Ирка Сикорская. Она тоже все видела и теперь кипела праведным гневом.

Гнев ее был тем более искренен, что в свое время Карасик холодно с ней обошелся. Тем больше оснований было у нее для мести.

Ирка говорила, что совершенно уверена: случай с цыганом был подстроен Карасиком. Наглость этого типа превысила всякую меру. И ради него Иринка стала добровольной затворницей, забыла своих друзей и почти не бывает в компашке.

И как же он ценит ее преданность? Сегодня он показал это.

Вывод следовал однозначный: Иринка должна порвать с ним. И чем раньше, тем лучше. Иринка должна прислушаться к голосу разума (читай, ее, Иркиным советам).

Ирка действовала энергично и целеустремленно. Утром она провожала Иринку на пляж и, встретив по дороге Карасика, отправила девушку вперед и выложила ему свои аргументы.

Иринка услышала позади крики и яростную ругань Карасика и спросила Ирку, что там произошло.

– Я сказала ему, что ты видеть его не можешь после вчерашнего и нарочно ушла вперед, чтобы не дать ему по физиономии.

– Боже, что же ты наделала! Кто тебя об этом просил? – прошептала Иринка с отчаянием в голосе.

– А что, я же тебя защищала!

И она предпочла ретироваться, фыркая, как рассерженная кошка, и бормоча что-то «о неблагодарных девицах, совсем потерявших свою гордость».

Все последующие дни Иринка чувствовала себя так, будто посреди жаркого лета она очутилась вдруг в январской стуже.

Как будто льдом сковало их сердца и те чувства, которые они испытывали друг к другу. И для того, чтобы растопить его, нужно было, по крайней мере, время. Но именно времени у них больше не оставалось.

Их мирили, и они протягивали друг другу руки, но достаточно было одного неосторожного слова, крохотной искры, и чье-то самолюбие было задето, и вражда вспыхивала с новой силой.

Иринка дерзила, и сама не понимала, отчего это вместо чувства удовлетворения оставался на душе горький осадок, как будто часть обиды, которую мог испытать Карасик, доставалась и ей самой.

Мелкие чувства владели ими и заслоняли, и заставляли забывать то большое и главное, что возникло между ними, и чему они сами не могли еще дать названия.

Накануне вечером за ним приехали родители, а утром к Берсеновым зашел нарядно одетый Карасик. Проститься.

Они чувствовали, что должны сказать друг другу что-то важное и особенное.

И сказать именно сейчас, потому что другого времени для них может и не быть. Но слова получались обычные, простые и неинтересные.

– Ну вот, – говорила Иринка, – бывает же так: познакомишься с кем-то, а потом, может быть, больше никогда и не встретишься.

– Ну отчего же, всегда можно этого человека найти, если знаешь его координаты, – возражал ей Карасик.

– Конечно, можно, ведь справочные у нас работают, – соглашалась с ним Иринка.

– Ну спроси же, догадайся спросить мой адрес! – повторяла про себя девушка.

Наконец, она не выдержала.

– Артем, а ты ничего не хочешь у меня спросить?

– Хочу! – обрадовался Карасик подкаске.

Наступала последняя минута их свидания.

И в это время подошел Иринкин отец.

– Артем, уже уезжаешь?

– Да, вот, – упавшим голосом пробормотал Карасик, – уезжаю.

– Желаю тебе всех благ. Рости настоящим мужчиной. В армию пойдешь служить?

– Да нет, я в институт хочу.

– Это хорошее дело. Иринка у нас тоже в институт пойдет,

когда подрастет немного.

– Прощайтесь, прощайтесь, – торопил гудок.

– Артем, ты чего застрял? – раздалось из-за забора.

– Ну все, до свидания, – Карасик протянул ей руку, – не забывай.

– До свидания, – ответила Иринка, еще не веря, что этим все закончится.

– Всего хорошего, – сказал Иринкин папа.

Карасик неловко повернулся и юркнул в калитку в санаторском высоком заборе.

Дома, в Москве, Иринка с головой погрузилась в заботы, которые так резко отличались от ее летних, дачных дел.

Она подробно, во всех деталях рассказала все Вальке, своему преданному другу, который сочувствовал ей от всей души и даже ни чуточки не ревновал.

Таким далеким казалось ее летнее приключение.

Но все переменилось в один миг. Без всякого предупреждения приехала из Харькова Ирка Сикорская. Она привезла санжарские фотографии и массу «ахов» и «охов». С той же решительностью, с какой она прежде была против Карасика, их привязанности и чувств, теперь она была категорически «за».

И только теперь, глядя на фотографии, на которых часто она была с подружками и редко Карасик, Иринка поняла, что влюблена. Влюблена на всю жизнь, и безответно.

Так началась ее другая жизнь, отличная от обыденной.

Вздохи, слезы и сны. Ей снилось лето, Санжары, Карасик. Он был в каждом ее сне.

Так закончилось ее детство. Под действием грез и несбывшихся надежд менялся ее характер. Прежде веселая, деятельная, уверенная в себе девочка превратилась в мечтательную и грустную девушку. Сосредоточенную на своих, невидимых миру переживаниях.

Конечно, это произошло не сразу, и домашние не замечали происходивших в ней перемен. Занятые своими проблемами, они не хотели ничего замечать. Только бабушка, одна только бабушка, чуткая и добрая душа, видела страдания любимой внучки и была необычно для нее на Карасика зла.

Осенними вечерами, когда за окнами барабанил холодный дождь и фонари сквозь рedeющие кроны деревьев светили тускло и туманно, Иринка засиживалась допоздна в своей комнате. В свете настольной лампы с зеленым абажуром она раскладывала заветные фотографии. И сердце ее каждый раз сжималось – сладко и печально.

Иногда она спохватывалась и начинала думать о себе:

– Неужели это я такой стала, и что же теперь со мной происходит?

Но она не имела сил, да и не хотела ничего изменить. Ее душа как будто застыла в напряженном, опустошающем чувстве.

Иринка упросила отца отправить запрос, и скоро пришел ответ с адресом Самойловых. Его, Карасика, адресом.

Сколько раз Иринка видела во сне и представляла себе далекий город в Эстонии – Тарту. Там жил ее Карасик.

Во сне она приезжала к нему, а он прилетал в Москву.

– Здравствуй, – говорила Иринка, – это я. Ты не узнал меня. Я изменилась за это время. Я тебе нравлюсь такая?

Менялся и он. Иринка начинала забывать, как он выглядел. Теперь он снился ей с бородой и почему-то лысый. Но сердцем она чувствовала – это он, единственный.

Что она знала о нем? Внешность? Характер?

Но ведь они могли измениться за эти годы. Карасика больше не было. Был чужой, незнакомый человек – Артем Самойлов.

Но все равно, он оставался для нее дороже всех на свете.

А, может быть, не он, а другой человек, которого она выдумала в своих снах. Которым грезила наяву, и который был нужнее всего, потому что воплощал те черты, которые она искала и не находила в знакомых и в самой себе. Смелость, уверенность в себе, таинственность и даже непостоянство.

Так прошел год, потом еще один.

Летом, приехав, после десятого класса, как обычно в Санжары, Иринка встретила Алика, сына начальника санатория.

– Ну, что же ты не спрашиваешь о нем? – задал он вопрос, усмехаясь.

– О ком же? – деланно удивилась Иринка, но сердце у нее забилось часто-часто.

– Как будто не знаешь. А он часто о тебе вспоминает. Про-

сил передать привет.

Карасик был уже студентом. Он поступил в сельскохозяйственную академию. Не захотел помощи отца. Решил пробиться в жизни сам. Иринку это очень порадовало.

Прошел еще почти год, прежде чем она отважилась написать Карасику письмо.

Это было бойкое и веселое письмецо. Иринка перечла его как будущий редактор и осталась им вполне довольна. Ей показалось, что оно ничем не выдавало ее мыслей и чувств, которые ее мучали.

– Ты не забыл еще Рио-де-Санжары, а Ворсклу, а Круглое озеро? Научился ли, наконец, играть в волейбол или, по-прежнему, сердиться на смешное прозвище – Карасик. Я состою в переписке со многими девушками из нашей компании. А ты не собираешься приехать туда на лето?

И при этом твердила про себя:

– Ах, хоть бы он приехал!

Ответ пришел неожиданно быстро. Он был сдержан, почти суров. Таким тоном взрослые выговаривают детям.

– В конце концов довольно прохладиться. Пора начинать работать. У меня дела: практика, завод.

– И дела нет до каких-то твоих Санжар, – читала между строк Иринка.

И только приписка немного обнадеживала:

– Ответ можешь присылать в простом конверте. Письмо идет так же быстро, как и «авиа».

Иринка жила надеждой от праздника к празднику.

Теперь можно было послать открытку, зная наверняка, что она не будет выглядеть так же навязчиво, как письмо.

– Здравствуй... поздравляю... как дела... у меня все в порядке... до свидания. Не твоя, не целую, не Иринка, а просто «Ирина».

Карасик чувствовал их натянутость, выговаривал ей сердито:

– Перестань писать «дипломатические» письма!

Но и в его ответах чувства было мало.

Так прошел еще год. Целых четыре года от первого знакомства до следующей встречи.

Был май, чудесный, цветущий месяц май. Но Иринке было не до восторгов. Потому что, какие могут быть сантименты, когда у человека сессия на носу. Да еще какая сессия!

Один экзамен по истории искусств чего стоил. И до него оставалось всего три дня. Иринка пропадала в Ленинке, лихорадочно просматривая альбомы репродукций, запоминая имена, даты, названия, различные направления и школы.

В тот день она отправилась с институтской подругой Светкой Шевцовой в Музей изобразительных искусств. Визит этот был вызван необходимостью. По слухам, «старуха», которой им предстояло сдавать экзамен, спрашивала не только названия картин, но и место их расположения в залах любимого музея.

Они сидели на лавочке у центрального входа в Пушкин-

ский, греясь в лучах майского солнышка.

– Значит, так, – говорила Светка, – голландская и фламандская живопись. Прежде всего, Рембрандт. Его парные портреты: «Старик» и «Старушка», конечно, бесподобно.

Потом Рубенс.

– Нет, – покачала головой Иринка, – он мне совсем не нравится.

– Зато это знаменитость. Из натюрмортов нужно запомнить картины Снайдерса и Геда.

– Ты помнишь, какие у него серебро и лимон? – опять не удержалась Иринка.

– В зале импрессионистов: Сислей, Мане, Моне, Ренуар и Дега. Постимпрессионизм: Сезанн, Гоген, Ван Гог. У Матисса нужно, прежде всего, запомнить: «Танец» и «Музыку», ну и, конечно, «Красные рыбки» и «Мастерскую художника» – это «пушкинские» картины.

– Нет, хорошо, что мы попали на выставку Матисса. Теперь он будет моим любимым художником, – снова подала голос Иринка.

– Пикассо: «Девочка на шаре», «Портрет», «Натюрморт», продолжала перечислять Светка.

Шевцова слыла эрудитом. Она буквально «забивала» преподавателей своими знаниями. Светка очень этим гордилась. Память у нее была, действительно, великолепная. Иринка лишний раз убедилась в этом, готовясь вместе с ней к экзаменам.

Девушки целыми днями сидели в комнате Иринки, поглощая сосиски с консервированным зеленым горошком, которые им подсовывала сердобольная бабушка.

– Эх, мне бы такую память, – думала с завистью Иринка, слушая, как почти наизусть шпарит Светка по только что прочитанному вопросу.

– Свет, – задумчиво проговорила Иринка, – как у тебя дела сердечные?

Шевцова не обиделась.

Она с одинаковой легкостью могла рассуждать на любые темы. Кроме того, у нее уже два года длился несчастный роман.

– Ну, а у тебя? – спросила она, выговорившись, – Карасик не пишет?

– Нет, – ответила Иринка со вздохом, – может, это и к лучшему. Я его даже забывать стала.

А дома, открывая Иринке дверь, Нина Васильевна объявила с загадочным видом:

– У нас гости!

– Какие гости?

– Артем из Тарту.

На диване сидел Карасик.

– Боже мой! – только и сумела выговорить Иринка, – встретила бы на улице – не узнала. Какой же ты вымахал! И загорелый такой! Откуда?

– С курорта! – с довольным видом объявил здоровенный

детина, которым действительно стал ее Карасик, – уметь надо!

Карасик не отдыхал, а лечился. Он очень тяжело болел. Едва не умер.

Иринка узнала об этом позже, а сейчас она заметила, что Карасик лысеет. И это тоже было следствие болезни.

Нина Васильевна профессионально обратила внимание на асимметрию лица, а обо всем остальном догадалась.

– Выкинь его из головы, – посоветовала она Иринке на следующий день, – еще не известно, какие могут быть другие последствия.

Ах, какое было дело Иринке до этих последствий и до замечаний проницательной матери. Ведь ее Карасик приехал!

Она глядела на него и не могла наглядеться.

– Ах, – вспомнила она почти с испугом, – у меня ведь консультация в институте.

– И никак нельзя отменить?

– Никак. Я обещала Светке писать конспект.

– Ничего, – сказал Карасик, – мне по пути, а завтра я еще зайду. Ладно?

В дороге Иринка с гордостью и обожанием поглядывала на него снизу вверх, и трещала без умолку. О книгах, о подругах, об институте, об экзаменах. О том, что ему непременно стоит сходить на выставку Матисса. Он должен ему понравиться.

– Угадай, кто приехал? – ликующе выкрикнула она в труб-

ку автомата на Лермонтовской.

– Карасик, наверное, если у тебя такой голос, – ответила Светлана, – где ты сейчас?

– Иду на консультацию, – упавшим голосом созналась Иринка.

– Ну и дура. Могла бы прогулять.

Назавтра Иринка угощала Карасика обедом. Они были одни в квартире. Родители ушли в театр, а бабушка, приготовив обед, отправилась с визитом к своей сестре бабушке Манечке, которая жила на Мытной.

– Куда же мы пойдем? – спросил Карасик.

Идти в музей было уже поздно.

– Может быть, на Арбат? – неуверенно предложила Иринка.

Когда они прошли почти весь просторный проспект, Карасик неожиданно предложил:

– Давай зайдем в это кафе.

Они вошли в «Метелицу».

Большой затемненный зал, фонарики, спускающиеся с потолка и освещающие только столики – все было внове и непривычно для Иринки. В густом табачном дыму, как призрачные тени, быстро сновали официанты, но все попытки привлечь их внимание не приносили результата.

– Фу ты черт, – сердился Карасик, – даже пепельницы нет.

Наконец он не выдержал, поднялся из-за столика и куда-то исчез. Минут десять Иринка сидела, совсем потеряв

ная, и испуганно смотрела по сторонам.

Появился Карасик, но не один, а в сопровождении молоденькой официантки. Она приняла заказ и неожиданно быстро принесла пару коктейлей, мороженое и сигареты Карасику.

– Как же тебе удалось ее обаять? – спросила Иринка, восхищенная его дипломатическими способностями.

– Просто они не знают эстонского, поэтому приняли меня за иностранца, – ответил довольный Карасик.

И теперь он уже почти не умолкал, описывая этот и другие случаи из жизни.

Как приятно было Иринке выйти под ручку с Карасиком на чисто вымытый только что прошедшим весенним дождичком Калининский проспект. Весь сверкающий и переливающийся последними красками заката. Карасик был рядом, и им снова было хорошо, совсем, как в юности.

Однако всю дорогу до Иринкиного дома Карасик держался от нее на «пионерском» расстоянии. И опять на прощание не было сказано ни слова ни о следующих встречах, ни об их отношениях. Ничего.

Прошло приблизительно полгода, а так много произошло в жизни Иринки перемен. Теперь она любила двоих.

Как ни странно, после встречи с Карасиком Иринка немного успокоилась. Казалось бы, после того, как ей было хорошо с ним, терзания ее должны были даже увеличиться в разлуке. Ничуть не бывало. Она даже стала меньше думать

о нем. Ведь теперь у нее не было повода беспокоиться о характере их взаимоотношений. Не то чтобы она уверилась в его чувствах к ней

Какое там! Просто он к ней хорошо, по-дружески, относился. А разве ей нужно было от него еще что-нибудь? Только встреч и только общения.

Поцелуи? Она и не мечтала о них. Ее чувство, развитие которого было прервано в начале юности, навсегда осталось платоническим. Это была любовь идеальная.

Она занимала сердце девушки, и, как ангел-хранитель, защищала от других привязанностей. Сама, не зная почему, Иринка была предубеждена против каждого юноши, который хоть немного начинал ей нравиться. Он был заранее не хорош и не умен, потому что самым хорошим и самым умным мог быть только один человек. Ее Карасик.

Каждый раз, сравнивая его образ с чертами очередного кандидата, Иринка неизменно делала выбор в его пользу. Придуманное тем и отличается от настоящего, что у него нет недостатков.

И вдруг случилось неожиданное. Она влюбилась. Иринка и сама не понимала, как это произошло. Очевидно, она утратила бдительность, поддалась очарованию неожиданного знакомства. Но факт оставался фактом. Теперь она любила двоих.

И от этого ей было очень тяжело, может быть, вдвое тяжелее, чем прежде.

Они были не похожи, ну совершенно не похожи друг на друга.

Один – таинственный и непредсказуемый, любимый и ненавистный, ее всегдашняя боль и мука.

И второй. Иринка не могла сдержать улыбку при мысли о нем. Милый и наивный – она поняла это с первой минуты знакомства с ним – с припухлыми полудетскими губами и мускулистой фигурой спортсмена. Он казался ей понятным, как будто они (или их души) были знакомы много лет.

У второго была неистребимая склонность к философствованию. При встрече он неизменно старался излагать ей всякие заумные теории. Иринка воспринимала их так, как было единственно правильно: не принимать их всерьез. Она чувствовал себя гораздо опытнее его, хотя они были почти ровесниками. Ей казалось, что стоит ей только захотеть, и все у них будет именно так, как она этого пожелает.

Но она не знала еще, нужна ли ей эта власть. И вообще, кто ей нужен из них двоих.

И тогда она решилась. Матери Иринка сказала, что поживет некоторое время у отца. Отца предупредила, что поедет к подруге и просила не говорить об этом матери. Второй провожал ее к подружке на свадьбу и даже придумывал, какой купить ей подарок.

Она вышла из поезда, не доехав до Таллина, в маленьком городке, который был знаком ей только по снам, да еще по фотографиям.

Удача сопутствовала Иринке в этой поездке. Случайный попутчик – приятный мужчина лет 30-ти, которому она не задумываясь выложила всю свою историю, оказался дирижером местного оркестра. Он проявил к ней самое деятельное участие и помог устроиться в гостиницу. Это было, как нельзя кстати, потому что просто так найти номер было почти невозможно.

Кроме всего прочего, ею была разработана легенда, объясняющая весьма неожиданное появление в Тарту. Она, якобы, возвращалась из поездки по Прибалтике, и, увидев знакомое название города, решила задержаться в нем на денек. Карасик должен был думать, что все произошло совершенно случайно.

А ей нужно было просто увидеть его. Посмотреть и уехать. Тогда ей будет гораздо спокойней.

– Господи, – думала она, быть может, в сотый раз, – ну почему я должна так мучиться?

Все случилось именно так, как хотела Иринка. Она застала Карасика дома, одного, и в пижаме. Разумеется, он очень удивился и растерялся. Неизвестно, чего в нем было больше: удивления или растерянности.

Но то, что притягивало Иринку в нем больше всего – таинственность и непонятность – исчезли.

Теперь уже удивляла она. Удивляла Карасика, удивляла его родителей, удивлялась самой себе. Своей отчаянной смелости. И пусть никто не знает об этом. Она приехала к нему

сама и гордилась этим.

Сохранилась фотография, сделанная в тот день. Она стоит с портфелем и длинным зонтом в руках на заснеженной аллее и улыбается. Похожая на отважную Розу из «Маленького принца», у которой для защиты от врагов и несчастий был только один-единственный шип.

Карасик никак не мог прийти в себя. Он не привык к такому положению. Не знал, как ему быть, и отчаянно злился. И тем уверенней чувствовала себя Иринка. Уверенней и спокойней.

– А ты, оказывается, увалень, мой милый Карась! Я приехала к тебе, а ты не знаешь, что нужно при этом делать. Прощай же.

Может быть, это еще не конец, но теперь ты должен бороться, а не сидеть, сложа руки. А если ты не понял, тем хуже для тебя!

С этими мыслями Иринка уехала.

И в тот же день, день своего приезда, она позволила второму в первый раз себя поцеловать.

Волчок

Волчок родился на земле того Края, который называется по имени самого величественного озера на планете.

Однако ничего величественного ни он, ни большинство жителей его села не находили ни в своем окружении, ни в той жизни, которую они вели на втором десятилетии после распада огромной империи, называемой прежде Советским Союзом.

Село и прежде было бедным, а после того, как развалился колхоз и всю пригодную для ведения хозяйства землю захватили бывшие зэки, стало просто нищим. Эти несколько семей новых богатых обзавелись большими домами с крепкими заборами, вдоль которых на воле бегали свирепые алабаи, в то время как деревянные домики остальных сельчан чернели и ветшали.

В одном таком убогом домишке и родился наш Волчок – бедный несчастный уродец, с выраженным пороком челюстно-лицевой области, в обиходе называемым «волчьей пастью» и «заячьей губой». Считается, что эти пороки являются следствием пристрастия будущей матери к алкоголю и наркотикам.

В самом деле, все это наличествовало в жизни его матери, хотя первые два ребенка выглядели вполне здоровыми. Когда-то привлекательная и вполне здоровая, она сильно сдала

после развода с первым мужем, а со вторым начала сильно пить, да так и не могла остановиться и после его ухода.

Своим прозвищем – «Волчок» – мальчишка был обязан именно жутковатому внешнему виду, а не имени и фамилии – Иван Семирядов, ничего общего с прозвищем не имеющими. Врожденные пороки эти были вполне устранимы, если вовремя ими заняться и при наличии в семье известного количества денег, но где было им взяться в неполной семье у сильно пьющей матери?

Так и рос мальчонка вопреки всему, постоянно болея, и каким-то чудом не умер от удушья в раннем возрасте, и отставая в развитии речи, и пугая незнакомых людей специфическим тембром голоса, что по-научному называется «открытой ринолалией».

Бедному ребенку приходилось терпеть побои и унижения в семье и в среде сверстников, и не было ни одного человека, кто относился бы к нему с сочувствием.

Все изменилось, когда наш Волчок впервые переступил порог школы, единственным учителем которой на селе была другая его знаменитость, но со знаком «минус» – Владимир Иванович Бойцов – недоучившийся студент Иркутского университета.

Это был человек лет сорока, невысокий, щуплый, с покатыми плечами и большим острым кадыком на тонкой шее.

По какой-то причине или чисто из идейных соображений, Бойцов, как за сотню лет до этого, «толстовцы», считал сво-

им долгом «идти в народ» и нести плоды просвещения в массы. На деле Владимир Бойцов был хорошим учителем, регулярно проводившим все положенные ему занятия.

Было только одно «но», портившее всю картину – Бойцов был запойным пьяницей. Обычно спокойный и вежливый, в период очередного запоя он становился невыдержанным на язык борцом с «эксплуататорами трудового народа». И тут уж его классовым врагам доставалось по полной. Он, шатаясь, шел по единственной в селе улице и почем свет обзывал и материл по именам всех упырей, захвативших в селе всю землю и власть.

И так продолжалось из года в год. Зарплата учителя была мизерная, и найти другого учителя взамен Бойцова просто не представлялось возможным. Поэтому сельские богатеи терпели, хотя и грозились с учителем «разобраться».

И вот получилось так, что школьный учитель единственный из всех в селе, да и вообще единственный во всем белом свете, выделил и пожалел бедного Волчка. Он не обращал внимания на косноязычие мальчика, но разглядел в нем страдающую родственную душу.

Кроме математики и физики, в которых Бойцов был «дока», он, можно сказать, на общественных началах, преподавал родную речь. И вот, однажды, когда учитель прерывающимся от волнения голосом читал наизусть «Завещание» Лермонтова, он заметил, что один из его учеников издает странные горловые звуки.

«Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.
А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навывлет в грудь
Я пульей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.
Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.
Соседка есть у них одна...

Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... все равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалеи;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!»

Обычно очень выдержанный в дни трезвости, Владимир Иванович, строгим голосом велел нарушителю тишины встать. Несчастный нарушитель поднялся, и это был наш Волчок.

– Ты почему смеешься? – сурово спросил учитель.

Он был готов к любому вранью, но, услышав правду, Бойцов опешил.

– Учитель, я не смеюсь, я плачу, – утробным голосом ответил Волчок.

– Так ты любишь Лермонтова? – все еще недоверчиво спросил Бойцов.

– Я не знаю, кто это такой, но мне его очень жалко, – заикаясь, ответил мальчик.

Пораженный тем, что нашел родственную душу там, где не мог и представить, учитель пригласил ученика к себе домой, и с тех пор они успели до дыр зачитать однотомник избранных сочинений поэта.

И это было удивительно: среди всей этой ужасающей бед-

ности и нищеты встретить маленького уродца, тонко чувствующего поэзию и трагизм великого поэта.

Между тем время шло и задушевные беседы несчастного Волчка и его школьного учителя продолжались, прерываемые только запоями Бойцова, которые с годами не становились реже. Как и грозные предупреждения его классовых врагов.

Что касается Волчка, то он редко, а точнее, никогда не чувствовал себя лучше, чем на встречах с учителем. Он буквально расцветал в такие мгновенья. Он больше не ощущал себе несчастным калекой и начинал говорить почти нормальным человеческим голосом.

Особенно впечатляли их последние стихотворения Лермонтова. В тот последний, трагический вечер Волчок читал стихотворение «Валерик»:

«А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы – и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!..небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?»

Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой: я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: Валерик,
А перевесть на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми».

Волчок отдернул занавеску в убогой, плохо обставленной комнатке с большой русской жарко натопленной печью и с сожалением сказал:

– Стемнело. Учитель, мне пора домой.

– Да, да, Ваня, ты иди, – ответил тот тихо и, как показалось мальчику, грустно.

Бойцов был единственным человеком, кто называл его по имени. И это были последние слова, которые он слышал от своего учителя.

Волчок вышел из крохотного домишки на краю села, который занимал школьный учитель, и, сам не зная зачем, обошел его вокруг.

Было уже темно. В конце декабря темнеет в этих краях очень рано. Ни единый огонек не освещал проселочную дорогу, служившую заодно и главной улицей. Холодало, но ветра, обычного для этих мест, не было.

Вдруг Волчок услышал громкий разговор стоящих невда-

леке людей, которых в темноте поначалу даже и не узнал. Их было трое. Он постоял неподвижно и наконец узнал. Все ненавидимые Бойцовым бывшие зэки, нынешние хозяева жизни. Один держал в руке большой бидон, в котором что-то булькало. Все они, видимо, были крепко пьяны, потому что язык у них сильно заплетался, и разобрать, о чем они говорят между собой, было трудно.

Мальчик медленно и сам, не зная почему, постоянно оглядываясь, пошел к своему дому, который был на другом конце села. Он уже почти дошел, когда, в очередной раз оглянувшись, увидел в той части села, откуда он недавно ушел, языки пламени. Там начинался пожар.

Не помня себя от невыразимых предчувствий, Волчок побежал обратно. Потом он даже не мог вспомнить, встретился ли кто-нибудь ему на обратном пути. Все было как в страшном сне, которые он в последнее время видел постоянно. Когда он подбежал к дому учителя, пламя уже охватило его деревянные стены со всех сторон. Волчок взбежал по дымящимся доскам ступенек, распахнул дверь и замер от страшной картины, которая предстала перед ним.

В быстро сгущавшемся дыму он увидел мертвого учителя. Бойцов лежал на полу с перерезанным горлом. Рядом валялся окровавленный самодельный нож, выточенный из гибкого полотна пилы, и тот самый томик избранных сочинений Лермонтова.

Чувствуя, что задыхается, и совершенно не отдавая себе

отчета в своих действиях, Волчок схватил книгу и нож и метнулся на свежий воздух. Он даже не успел как следует отдышаться, когда рухнула крыша ветхого домишки, и все было кончено.

– Они убили его, они убили его! – без конца повторял ошеломленный одиннадцатилетний мальчик, сжимая в руках окровавленный нож и драгоценную только для него самого книгу.

Приехавший на следующий день из города милицейский чин даже и не думал открывать уголовное дело по поводу смерти учителя. В акте записали, что смерть произошла в связи с несчастным случаем, вызванным, по всей видимости, злоупотреблением потерпевшим спиртными напитками.

А слова мальчика?

Да кто поверит словам несовершеннолетнего калеки, который даже свое имя, как следует, произнести не может.

Впрочем, основную улику – окровавленный нож – сам не зная почему, Волчок никому не показывал. Он отмыл следы крови, размотал и сжег черную изоленту, служившую импровизированной рукоятью, и спрятал узкое лезвие за корешок томика Лермонтова.

Прошло несколько лет. Однажды холодным ноябрьским утром в общей камере исправительной колонии, расположенной в центральном регионе европейской части России, царил непривычный ажиотаж.

Заключенные по каким-то каналам узнали, что к ним по-

ступают осужденный, убивший сразу трех «своих». Это был вызов их общей солидарности. На сходке было решено с отступником «разобраться».

Каково же было удивление бывалых зэков, когда вновь прибывший оказался безусым мальчишкой, хилым и к тому же обезображенным. Некоторые подумали, что просто произошла ошибка, но большинство решило не отступать от первоначального плана.

Не успел новенький перевести дух, как сразу несколько человек набросились на него, сбили с ног и приготовились привести в исполнение свои изуверские планы. Но неожиданно у мальчишки появился заступник – двухметрового роста заключенный, который как сухие щепки разбросал нападавших и поставил мальчишку на ноги.

– Ничего не бойся, парень, забирайся ко мне на второй ярус, – он указал на свои нары.

– Капитан, Капитан против, – недовольно роптали заключенные, – как это его забыли спросить?

Несчастный пацаненок, а это был наш подросток Волчок, несмотря на свой растрёпанный вид, казалось, нисколько не утратил присутствия духа. Он деловито подобрал далеко заброшенную в пылу схватки книжку и взобрался наверх под защиту Капитана.

Он сверху оглядел великана и восхитился:

– Ну настоящий «Куинбус Флестрин».

В прочитанном Волчком еще в детстве романе Свифта,

по-лилипутски, это означало «Человек Гора». Этот человек, казалось, был вылеплен из другого материала, чем все люди. Все у него было крупнее и шире, по сравнению с усредненным человеком: и руки, и ноги, и плечи, и даже голова.

– Как тебя кличут парень? – поинтересовался его заступник.

– Я Иван Семирядов, но все зовут меня Волчок, потому, что я урод – самокритично ответил мальчишка измененным голосом.

– Ну, и что бы ты делал, Иван Семирядов, если бы я за тебя не заступился?

– У меня есть моя книга, – неопределенно ответил тот, – если бы меня не совсем убили, я бы посчитался со своими обидчиками!

– Какой-то ты очень храбрый, Иван Семирядов. Ты что, вообще ничего не боишься? – удивленно спросил Капитан.

– Теперь уже нет. После того, как я отомстил за Учителя, мне уже ничего не страшно.

– А что случилось с твоим учителем?

– Они его зарезали и сожгли, а я подрос, стал сильным и отомстил им за него.

– И долго ты ждал?

– Целых четыре года. Я очень боялся, что не смогу отомстить.

– Так вот ты какой, – протянул Капитан, и в голосе его послышалось уважение, – погоди, завтра я узнаю про тебя

подробнее.

Назавтра Капитан отправился к начальству колонии, строго приказав заключенным, оставить в покое мальчика.

А вернувшись, долго о чем-то раздумывал и, наконец, сказал:

– Да, не повезло тебе, Иван Семирядов. Видно крепко ты насолил своим недругам, если тебе, несовершеннолетнему, впаляли по максимуму. Но ты не тужи. Этот приговор можно и оспорить, а, может быть, найдутся и другие способы выйти на свободу до срока.

И Волчок, и Капитан даже представить себе не могли, какая опасность нависла над ними обоими.

Капитан, несмотря на то, что отбывал свой срок наравне с другими заключенными, оставался чужим для криминального мира. Наверное, таким же чужим, как больше века назад в царской России воры не считали своими политических заключенных. Но Капитан не был политическим, а был осужден за убийство большого начальника, которого он застал со своей женой, вернувшись раньше срока из длительной командировки.

Больше ничего о нем не знали, а «Капитаном» называли в знак уважения за недюжинную силу.

Кроме того, недоверие урок вызывало необъяснимое знакомство Капитана с начальником колонии, к которому тот мог заходить в любое время. Поэтому заключенными было решено покончить с ними обоими. Сначала с Капитаном, а

потом, на закуску, и с Волчком. Однако, зная огромную силу Капитана, было решено сначала его нейтрализовать. Был выработан хитроумный план, но, чтобы его реализовать, потребовалось время.

Все зэки сделали вид, что не решаются больше спорить с Капитаном, и начали вести себя как будто даже заискивающие. Кроме того, с этого дня для одного из заключенных начали носить передачи с маленькими бутылочками «Боржоми». И тот, якобы из лучших побуждений, предлагал Капитану бутылочку газированной воды. Капитан несколько раз отказывался, но уж больно заманчиво шипел и булькал этот божественный напиток. И однажды Капитан согласился. После этого, полагали зэки, его судьба была решена.

Некоторое время Куинбус Флестрин еще крепился и не поддавался лошадиной дозе снотворного, которая была подмешана в газированную воду. Однако в конце концов коварный замысел победил, богатырь растянулся на своих нарах и захрапел. Теперь злодеи могли делать с ним и Волчком все что угодно.

Однако, как это часто бывает в жизни, хороший замысел был погублен желанием сделать его еще лучше. Кто-то предложил отобрать у Волчка его ножичек и, зарезав Капитана, свалить убийство на ненормального пацана. Доброжелатель уже полез к Волчку на второй ярус.

И тут же свалился на пол с окровавленной от локтя до запястья рукой. Вслед за ним спрыгнул и Волчок. Неуловимым

движением он распластал кожу на груди одного нахала, сидевшего на Капитане, а другой примостившийся у гиганта в ногах, отлетел с поверхностной раной бедра. Волчок, даже и не пытался нанести глубокие раны злодеям. Его целью было до смерти их напугать, чтобы на их крики прибежал конвой.

Конвоиры набежали, Волчок без звука тут же отдал свой ножичек, его скрутили и бросили в карцер. Но жизнь Капитана была спасена и его, так как он не приходил в сознание, унесли в лазарет.

Наутро, когда о чп было извещено начальство, «всем сестрам раздали по серьгам», разумеется, кто какие заслужил.

Когда Капитан пришел в себя, он попросил, чтобы несчастного Волчка выпустили из карцера и не заводили уголовного дела по поводу наличия у него запрещенного холодного оружия.

По правде сказать, этот ножичек в неумелых ручонках был не опаснее офисного ножа для разрезания бумаги. Но в опытных руках он мог быть по-настоящему грозен.

И еще Капитан добился отдельной камеры для себя и Волчка. Так сказать, во избежание дальнейшей чрезвычайщины.

Когда они остались вдвоем, Капитан от души обнял своего спасителя.

– Ну, Иван Семирядов, теперь мы квиты. Я вызволил тебя от этих уродов, а ты спас меня, старого дурака, когда смерть была уже более чем очевидна. Спасибо!

Теперь, оставаясь вдвоем, они часто разговаривали о воле, которая была для них недоступной.

– Капитан, – недоумевал Волчок, – а почему эки так на меня набросились, когда я появился в колонии?

– А ты что хотел, чтобы тебя благодарили за твои подвиги? Не дожدهшься! У них знаешь какая организация? Я не знаю, есть ли филиалы в других странах, но в России в некоторых областях даже «зеленая» молодежь интересуется «тюремной романтикой» и объединяется в банды, так называемой, АУЕ (расшифровывается как «Арестантское уголовное единство»). Члены банд не только занимаются грабежом, но и облагают данью других подростков, собирая деньги в воровской общак. Так что все дело в деньгах. Но тебя воровская романтика, кажется, не очень привлекает?

– Спасибо, я сыт этой романтикой по горло!

– Вань, а как ты собираешься жить дальше? – спрашивал его Капитан.

– Не знаю, – отвечал Волчок, – доживу ли я до другой жизни вообще.

– Ты не робей, Ваня, мы тебя в обиду не дадим, – загадочно отвечал ему Капитан.

Так началась их жизнь в одиночке, приспособленной для двоих заключенных.

Для Капитана был приятной неожиданностью тот железный распорядок, который его молодой сокамерник ввел для себя буквально с первого дня. Волчок просыпался рано, ак-

куратно, чтобы не разбудить товарища, спускался со второго этажа принимался за физические упражнения, которые казались бесконечными.

Однажды Капитан спросил его, как бы в шутку, зачем тот буквально изматывает себя физическими упражнениями. На что Волчок ответил ему вполне серьезно:

– Я родился слабым и должен был умереть еще в детстве, но я выжил, а мой Учитель помог мне открыть душу. Я едва не потерял ее снова после смерти Учителя, но мне помогла ненависть. Я поклялся стать сильным, чтобы покарать его убийц. И каждое утро стараюсь укреплять свои мускулы.

– А хочешь я научу тебя, как стать не только сильным, но и ловким, – предложил Капитан.

На что Волчок с удовольствием согласился.

С той поры охранникам доставляло много удовольствие подглядывать в глазок, как заключенные одной камеры – большой и маленький – что есть силы молотят друг друга кулаками и ногами. Но им было невдомек, что на самом деле большой только делает вид, что бьет в полную силу, а на самом деле он больше тренировал маленького.

Как-то раз Капитан принес портативный телевизор и Волчок чуть ли не впервые за свою недолгую еще жизнь – в его родном доме из-за крайней нищеты даже и телевизора-то и не было – мог следить за потоком новостей. Капитан смотрел больше новостные программы, не забывая объяснять Волчку суть происходящих событий.

А между тем в мире разворачивались очень тревожные события. Начинался третий год пандемии и, судя по комментариям Капитана, над Россией все больше сгущались тучи грядущей войны.

Наконец, она все-таки случилась.

– А скажи-ка мне, Ванюша: ты бы в армию пошел? – несколько игриво начал разговор Капитан, возвратившись однажды от начальника колонии.

– И с чего бы это его на стихи потянуло, – подумал Волчок, который с детства, из-за пьющей матери, недолюбливал пьяных, – но, вроде, запаха нет. Значит тут что-то другое.

А вслух он сказал:

– Нет, Капитан, я не думал об этом. Мне еще здесь сидеть и сидеть. А потом, кто меня в армию возьмет: калеку, да еще с судимостью?

– Вот то-то и оно, – назидательно произнес его собеседник, – что в мирное время это было бы невозможно, но сейчас идет война, которую называют Специальной Операцией. А война, как ее ни назови, все равно войной будет, и люди на ней гибнут взаправду. И ей все равно, как ты выглядишь и какое у тебя личико.

– Ну, так вот, Ваня, – продолжил он уже серьезно – надумал я снова в армию пойти, но не в простую, а в ЧВК, слышал, может быть, о такой. Они на войне с самого февраля, их бросают самые опасные дыры затыкать и поэтому личного состава у них сильно поубавилось. А начальник у этого ЧВК,

ох, какой непростой. Ну, так вот, разрешили ему на самом верху добровольцев из числа заключенных набрать. Разумеется, будут нас в самое пекло посылать. А условие такое: кто полгода в этой самой ЧВК продержится и не погибнет, тот получит от родины полную амнистию и волен дальше по своему усмотрению жизнь обустраивать. Смекаешь? Я-то вояка опытный, во всех «горячих точках» успел побывать. Мне первому в колонии такое предложение сделали. Но вот проблемка: набирают в это самое ЧВК штурмовиков, работать они должны парами, а напарник в этом деле должен быть такой надежный, что дальше некуда. Вот я и подумал, а не согласишься ли ты, Ванечка, стать моим напарником? Только твое согласие это еще не все. Дальше нам нужно будет уже вдвоем ребят из ЧВК и начальство колонии убеждать. Ну, как, согласен?

– Капитан, я с тобой, – коротко ответил Волчок.

Уже на следующее утро в сопровождении конвоира они отправились к начальнику колонии. В кабинете начальника, кроме него самого, присутствовал еще один незнакомец, одетый нарочито неброско, но, судя по всему, именно он был здесь за главного.

Капитан поздоровался с ним за руку, после чего незнакомец сказал:

– Ну, майор, показывай, кого ты намерен взять себе в напарники?

– Интересно, – подумал Волчок, – почему этот незнако-

мец называет моего Капитана «майором»?

А тот, как будто прочитав удивление на лице Волчка, ответил:

– А ты разве не знал, кто перед тобой? Знакомься: майор ГРУ Василий Степанович Горовой (позывной «Капитан»), правда, временно – заключенный, но мы это обстоятельство исправим.

Незнакомец, между тем, продолжил:

– Мне тут товарищи рассказали, как ты несколько эков в стычке своим ножичком слегка почикал, а что глубже достать у тебя силенок не хватило?

– Это он просто хотел попугать, а сил у него достаточно, ты не смотри, что Ваня ростом не вышел, и ножичком своим он владеет дай бог каждому.

– А ну, покажи, Ваня – и Капитан протянул Волчку его ножичек, оказавшийся, как будто случайно на столе у начальника колонии.

Волчок, не поворачиваясь, через плечо резко бросил свой ножик и тот пролетев через весь кабинет, глубоко вонзился в висевший на стене пробковый круг для дартса.

– А что касается силенок, – продолжал Капитан, с видимым усилием вытаскивая тонкое лезвие, – то попробуй с ним побороться на руках, намекая собеседнику на армрестлинг.

Волчок с готовностью засучил рукав тюремной робы и присел к столу.

– Ладно, ладно, я пошутил, – пробовал отмахнуться

незнакомец, но все-таки сел за стол напротив Вани.

Борьбу он все-таки выиграл, но с превеликим трудом, и потом еще долго потирал онемевшее плечо.

После этого разговор перешел уже в деловое русло. Капитан активно обсуждал с представителем ЧВК детали контракта с собой и Волчком, а Ваня сидел спокойно и помалкивал.

Он мог быть вполне доволен собой: вскоре он покинет порядком поднадоевшую колонию и вместе с Капитаном, который на самом деле майор, поедет на полигон обучаться военному ремеслу. Мысль о том, что ему предстоит не просто опасная, а чрезвычайно опасная война не очень его беспокоила. Он и так ощущал себя как на войне все последние годы, после смерти Учителя.

Три месяца учебы пролетели для Волчка совершенно незаметно. Он научился метко стрелять из автомата, пулемета и гранатомета, метать гранаты, обучился штурму зданий и окопов, как наводить артиллерию с компасом и по азимуту, общению по радиации и разбираться в картах, и прочее, и прочее.

Отдельно, по настоянию Капитана, который, как известно, был вовсе и не капитан, они вдвоем с Волчком разучивали действия штурмовиков при атаке на укрепрайон. Раз за разом они повторяли один и тот же маневр, пока не добились почти идеальной слаженности.

Как правило, штурм начинался с расстояния прямого вы-

стрела. Капитан из-за укрытия стрелял одиночными выстрелами в то место, где находился защитник опорного пункта, не давая ему высунуться и ответить огнем. В этот момент Волчок стремительно подбегал к опорному пункту и одновременно искал глазами укрытие. Добежав до него, Волчок тут же начинал стрелять в опорник, а Капитан под прикрытием его огня перебежал к другому укрытию. И так далее, пока они оба не оказывались вблизи опорного пункта. В самый последний момент один из штурмовиков бросал гранаты в блиндаж либо в упор расстреливал защитника. Иногда они менялись ролями, и тогда стрелять начинал Волчок, а Капитан бежал к укрытию.

Так проходило для них слаживание, а в психологическом привыкании для Капитана и Вани даже и не было нужды, так как за время пребывания в камере они научились понимать друг друга не то чтобы с полуслова, но даже и без слов.

Свой первый бой Волчок запомнил на всю жизнь.

Наступила осень. И «разверзлись хляби небесные». На земле было ненамного лучше. Но непролазная грязь позволяла ближе подобраться к врагу.

Группа в десять штурмовиков незаметно подошли к окопам ВСУ и завязали рукопашный бой. Рубились штыками и ножами. Только тут Волчок понял, какой ценный навык он приобрел еще в детстве, постоянно тренируясь с ножом, который он подобрал в домике убитого Учителя.

Капитан быстро расправился с первыми врагами и по уз-

кому окопчику устремился вперед. Волчок еле поспевал за своим напарником. Вдруг из бокового окопа, служившего видимо, входом в блиндаж, появился, еще один ВСУ-шник, судя по всему, офицер. Он оказался как раз между Капитаном и Волчком. Офицер снял с плеча автомат и собирался стрелять в спину Капитана. Волчок понял, что сейчас пули попадут в незащищенную бронежилетом спину товарища и что было мочи закричал, чтобы отвлечь внимание врага.

Тот обернулся, увидев совсем близко искаженный криком лик со страшной раздвоенной губой, дернулся и в замешательстве вскрикнул:

– Пся крев!

Этого мгновения хватило Волчку, чтобы бросить нож. Кинжал вонзился как раз в то место, где находился кадык врага, и тот мгновенно захлебнулся кровью. Это лицо вражеского офицера еще долго стояло перед глазами Волчка.

Ему некогда было считать, сколько человек поразил его клинок. Он видел только ощеренные лица врагов и старался не упускать из виду Капитана, который постоянно был в центре схватки. Когда окоп был очищен от вражеских бойцов, штурмовики передохнули и посчитали свои потери. Оказалось, двое убитых и трое раненых. Убитых в схватке врагов было на порядок больше.

После первого своего боя Волчок долго не мог прийти в себя. Видя, что его младшему товарищу не по себе, Капитан похлопал его дружески по плечу и, пытаясь его подбодрить,

сказал:

– Ведь это была не первый твой «крестник»!

– Это – первый, – мотнул головой Волчок.

– А как же те, трое, из-за которых ты сидел? Ведь я сам читал, что ты их тоже зарезал.

– Я не знаю, что написано в деле, но я убил их не так. Это они зарезали моего Учителя. Зарезали, а потом сожгли, и ничего им за это не было.

И Волчок рассказал Капитану, как было на самом деле.

После смерти школьного учителя учить сельских ребят оказалось больше некому и большинство детей перевели в городской интернат. Туда же переехали и старшие братья Волчка.

Он остался один со спивающейся матерью и принялся строить планы отмщения. Про самообразование он тоже не забывал, читая книги из сохранившейся с советского времени сельской библиотеки. Летом он пас коров, а в холодное время прислуживал по дому у сельского старосты, своего заклятого врага. Но бывший зэк в упор не видел опасности в плохо говорящем подростке. Правда, его пускали в усадьбу только в светлое время дня, а с вечера спускали с цепи свирепого алабая.

По субботам «бывшие» устраивали для себя банный день. Парились подолгу, с обильными горячительными напитками. А колот дрова и растапливал баню неизменно Волчок.

В тот роковой день, когда Волчок приступил к выполне-

нию своего плана, он жарко натопил печь в бане и ушел, а когда стемнело и его враги отправились париться, он перелез через забор с колючей проволокой, и, на всякий случай, оставил на проволоке свой ватник. Бросил краюху хлеба давно прикормленному алабаю и налегке прошел в отдельно стоящее деревянное строение бани. В тамбуре подкинул для порядка дровишек, плотно придвинул к двери в парилку массивную скамью, чтобы никто не смог оттуда выйти, и задвинул заслонку дымохода.

Изнеженные бытовым комфортом горожане и понятия не имеют, какую опасность представляет не вовремя закрытая заслонка. Продукты горения выделяют угарный газ, представляющий смертельную опасность для человека. Волчок был готов к любому исходу. Он заранее приготовил свой ножик, но ему даже не пришлось к нему прибегать. В парилке задержались, попытались открыть двери, но постепенно затихли, уснув вечным сном.

Когда его враги успокоились, Волчок отодвинул скамью, вернул на место печную заслонку и спокойно вышел со двора. Он попытался снять с забора свой ватник, но это у него не сразу получилось. Один клочок ткани так и остался болтаться на колючей проволоке. По этому кусочку ткани его и вычислили приехавшие из города следователи. Его ни о чем не спрашивали, а просто жестоко избивали каждый раз. Сначала в селе, а затем в городе еще до суда.

После рассказа Волчка друзья еще долго сидели молча,

думая каждый о своем.

Начались их боевые будни и теперь Волчку было уже не до воспоминаний. Почти каждый день штурмовики предпринимали атаки на укрепрайоны врага, и тут слаженность двух друзей играла решающую роль в том, что они выходили победителями в этих схватках.

Постепенно они приобрели известность не только в своем отряде, но и в рядах врагов. За их головы объявили официальную и немалую награду. Так что «громилу» и «маленького уродца» стремились уничтожить многочисленные ВСУ-шники и наемники.

После подавления очередной укрепленной точки вблизи неожиданно появлялся БМП или даже целый танк. Тут уж приходилось браться за рацию и просить помощи у приданной ЧВК артиллерии.

Но однажды в уже отработанную схему штурма вкралась крайне неприятная неожиданность. Они только что отработали по укрепленному району, и тут, как уже повелось, появился БМП. Казалось бы, все как обычно. Неожиданность проявилась, когда Капитан запросил огневой поддержки. В ответ была неприятная тишина.

Он попросил еще раз, затем еще. И тут ему сообщили, что снарядов нет и нужно выкручиваться своими силами. Тихо сквернословя, обычно невозмутимый Капитан стянул с плеча РПГ, который он носил с собой больше по привычке, и ползком двинулся выискивать удобную позицию для выстре-

ла.

Он еще успел подбить этот БМП, когда пулеметной очередью ему прострелило оба бедра, и гигант упал носом в пожухлую траву. Добивать высыпавший из бронемашины экипаж и тащить на себе раненого товарища пришлось уже Волчку.

Когда пуля попала ему прямо в щеку, Волчок, у которого был очень высокий болевой порог, сначала вообще не почувствовал боли. Только рот сразу наполнился солоноватой на вкус кровью, и, чтобы не захлебнуться, он должен был отплеиваться темно-красными сгустками.

– Брось меня, ползи сам, – шептал ему периодически теряющий сознание Капитан, который видел, что его напарник серьезно ранен.

– Я лучше сдохну, чем потеряю еще одного своего друга, – упрямо твердил Волчок, у которого всегда-то была каша во рту, и Капитан навряд ли мог его понять.

И Волчок все тащил и тащил тяжеленного Капитана, пока их не заметили на КП свои.

– Смотри, – сказал один из наблюдателей, обладающий странным чувством юмора, – муравей тащит гусеницу.

Потом Волчок надолго потерял сознание. Он то едва приходил в себя, то снова забывался. Иногда ему казалось, что он внутренним зрением видит все, что с ним происходит.

В один из таких моментов зыбкого сознания он видел себя в больничной палате, и над ним как будто склонились две

молоденькие сестрички.

– Господи, молоденький какой! – прошептала одна из сестричек.

– И красивый, – согласилась вторая.

– Наверное, я уже в раю, – мелькнуло у него в голове, – и это ангелы, а не люди, потому что люди ни за что не назовут меня красивым, я просто урод.

И он снова проваливался в бездну.

Как следует, он чуть ли не впервые пришел в себя от громоподобного баса Капитана:

– Эй, дружок, проснись, так всю жизнь можно проспять!

Волчок широко открыл глаза.

Перед ним, вытянувшись во всю свою невероятную высоту, действительно, стоял Капитан.

Капитан был в парадном мундире, на широкой его груди в два ряда расположились боевые награды, а на плечах красовались погоны с двумя звездами. Теперь Капитан был уже подполковником.

А Капитан продолжал:

– Собственно, я с тобой проститься зашел. Отбываю на трудовой фронт в ваши края. Армия создает больше пятидесяти центров по набору добровольцев. С привлечением уголовников покончено. Будем набирать в свои ряды свободных и грамотных граждан. Кстати, мы с тобой теперь тоже свободные люди и вольны распоряжаться своей судьбой. Теперь тебе предстоит пройти довольно долгую реабилитацию и за-

нятия с логопедом, затем тебя ожидает процедура награждения. С учетом важности твоей награды ее будет вручать министр обороны либо сам президент. А потом, если ты не возражаешь, жду тебя к себе. Будем вместе готовить новых штурмовиков, ведь мы с тобой теперь заслуженные ветераны.

– Знаешь Ваня, пока ты прохлаждался почти в небытии, я принял за тебя командирское решение: нужно не только залечить твои раны, но и провести кардинальные косметические процедуры на твоём личике. На это ушли не только твои премиальные за ранение, но значительная часть моих. Зато посмотри, какой ты стал красавец, просто глаз не отвести.

Капитан взял у стоящей поодаль медсестры круглое зеркальце и поднес его Волчку. Из него на Волчка глянуло довольно бледное, но в общем-то симпатичное, с правильными чертами лицо молодого человека.

Стасик

«Маменькин сынок»

Стасик родился на рубеже двух веков в маленьком городке, в самом центре страны, называемой Украиной. Из одного окна их квартиры на третьем этаже пятиэтажного дома была видна сосновая роща, сразу за которой начиналось искусственное водохранилище, которое здесь все называли морем. А из другого окна было видно здание кинотеатра, правда, уже бывшего, на памяти Стасика, не показавшего ни единого фильма.

И все это: и плотина, возведенная для того, чтобы укротить могучую реку, и сам город были построены в свое время страной, которая называлась Советский Союз. Три десятилетия город жил, хорошел и стремительно развивался. Пользуясь расположенной здесь ГЭС и дешевой электроэнергией, здесь строились заводы, дающие жителям достаток и уверенность в будущем, расцветали сады и прокладывались новые дороги. А по морю шли пароходы, сновали парусные яхты и многочисленные моторные лодки.

Все изменилось с развалом Союза и обретением бывшей республикой давно и страстно желаемой независимости. Однако эта независимость, по факту, так и не состоялась, а

обернулась вассальной зависимостью от расположенной за тридевять земель чужой страны, которой и даром не нужна была чья-то свобода и развитие. В жестких объятиях новоявленных друзей развалилась промышленность и оборвались связи с дружественным соседом.

Вместо прежней жизнерадостности и даже беззаботности, определяющей чертой народа стала ненависть к прежним друзьям и рабское преклонение перед Западом. Эти низменные чувства всячески пестовались заокеанскими хозяевами и купленными ими и по-рабски послушными правителями.

За тридцать лет независимости страшно изменился родной городок Стасика. Остановились заводы, зияли пустыми глазницами окна построенных, но незаселенных зданий, развалились прежде красовавшиеся новеньким асфальтом дороги и тротуары. Замерло море и стало напоминать огромную безжизненную лужу. Никто больше не плывал по нему: ни пароходы, ни яхты, ни даже лодки. Безработица и все подавляющая депрессивность царили в жизни жителей города. Отсутствие будущего было очевидно для каждого.

Стасик был единственным ребенком своих родителей, которые полюбили друг друга еще в юности, при Советской власти. Но будущего отца призвали в армию на срочную службу, как раз в последние годы великой страны. Так что вместе с тяготами «дедовщины» ему пришлось хлебнуть немало чего горького. Когда он вернулся домой, оказалось, что любимая его не дождалась. С горя он начал пить и сго-

ряча тоже женился. Брак этот продержался недолго, и его не смогло удержать даже рождение дочери. На работу он долго устроиться не мог, а едва начав работать водителем, по специальности, приобретенной во время службы, тут же подвергался увольнению за прогулы и пьянство. Так он катился по наклонной, и удержало его только известие о разводе бывшей возлюбленной. Он воспрянул духом и скоро снова женился, на этот раз по любви. Вот тогда и появился на свет Стасик.

Все произошло как в сказке с хорошим концом, но в жизни, к сожалению, так случается довольно редко. За прошедшие годы молодая жена времени даром не теряла и старательно училась. Сначала в техникуме, а потом в институте, разумеется заочно. С годами она стала главным бухгалтером в службе городского хозяйства и была весьма уважаема и авторитетна в коллективе.

И отец снова сорвался. Теперь его терзала ревность, подкрепленная ощущением собственной несостоятельности. Последовали скандалы, упреки, дикие сцены, и родители расстались, теперь уже навсегда.

Не удивительно, что Стасик рос, что называется «маменькиным сыночком». И когда они жили вместе с отцом, и когда стали жить в квартире у бабушки, маминой мамы. Да и что можно было спросить у часто пьяного родителя, когда он просто «лыка не вязал»? А в редкие минуты трезвости отец был замкнут и неразговорчив. Зато мама старалась ответить

на все вопросы, которых было множество у любознательного ребенка.

И отец, и мать дома всегда разговаривали только на русском, и школы они заканчивали русские. А когда пришло время учиться Стасику, русских школ в их городе уже не было, остались только украинские. Изменения коснулись также и самого украинского языка, который стал совсем не похож на прежний – так много появилось в нем галлицизмов. Мало того, и история, и литература приобрели характер какой-то лубочной сказочности.

Однажды Стасик пришел из школы и спросил:

– Мама, а правда, что Древнюю Трою основали украинцы?

– А кто тебе рассказал подобную чушь?

– Наш учитель истории Панас Григорович!

– Понимаешь, сынок, мы живем в такой стране и в такое несчастливое время, когда на свет выползают всякие глупости, типа сказанных твоим учителем. Если хочешь, я тебе расскажу более правдивую историю о славянах, к которым принадлежат и украинцы, и русские, но об этом в школе тебе лучше молчать. Иначе и у тебя, и у меня могут быть большие неприятности.

Стасик был понятливым мальчиком. Он старался больше не общаться откровенно с приятелями в школе, ограничиваясь разговорами на общие темы. Он увлекся футболом, стал ходить в секцию и, по отзыву тренера, подавал большие надежды. Но однажды тренер заметил, что после тренировок

юноша тяжело дышит и губы у него синеют.

Срочно отправились к врачу и выяснилось, что у него слабое, как и у матери, сердце и спорт ему противопоказан.

Характером и интеллектом Стасик был целиком в мать, а внешностью в отца, которого даже многолетние излишества не лишили приятной внешности и природного изящества.

После окончания школы Стасик поступил в местный техникум и стал учиться на программиста. Учеба давалась ему легко, и скоро он мог не только писать программы, но и разбираться в компьютерной технике.

В то время, о котором у нас пойдет речь, Стасик оканчивал техникум. Теперь это был высокий и красивый молодой человек с тонкими, как у отца, чертами лица, немного, правда, сутуловатый. На таких фигурах хорошо сидят пиджаки, но Стасик не носил костюмов, предпочитая модные у молодежи клетчатые рубашки и джинсы. Темные каштановые волосы он не стриг, завязывая, опять же по молодежной моде, хвостиком.

В ту весну он особенно остро начал ощущать происходящие в природе перемены, на которые прежде не обращал никакого внимания. Его по-настоящему вдруг растрогали белые льдины, которые в половодье выбросило высокой водой на бетонный откос набережной. Льдинки таяли и рассыпались с металлическим звоном на длинные кристаллы, во всю толщину наросшего за зиму льда.

Когда лед подтаял и у высоких тополей распустились на-

бухшие почки, он ходил по набережной, вдыхая горьковатый аромат и к горлу подступал незнакомый комок.

В апреле, как всегда, зацвели абрикосы.

Знаете ли Вы как цветут абрикосовые сады на Украине? Нет, Вы этого не знаете! Когда не только на равнине, но и в каждом овражке распускается на деревьях сказочное розовое облачко, которое пахнет так чудесно, что просто голова идет кругом. Они цветут все одинаково: и шикарная «колеровка», и демократичная «жердель». И невольно возникает вопрос: не от этого ли в национальных чертах украинца появилась мечтательность и склонность к бесплодным фантазиям?

Ну, а когда в соседней роще запел соловей, Стасик слушал его уж точно, как в первый раз. И, конечно, этой весной у него случился роман. Он просто не мог не случиться.

Стасик, никогда прежде не имевший близких контактов с противоположным полом, был настроен очень мечтательно. Он представлял, как будет прогуливаться с любимой девушкой в городском парке. А сверху им будет светить полная луна и всю ночь будут петь соловьи. К сожалению, все произошло совсем не так, как предполагал наш романтический герой.

Они познакомились на молодежной игре в интернете и однажды узнали, что живут в одном городе, правда в разных его концах. Ляля была миниатюрная блондинка с почти ангельской внешностью и большими серыми, еще не потеряв-

шими выражение детской наивности глазами.

Ее отец уже длительное время находился в так называемой зоне АТО и был, по слухам, большим начальником. Они жили вдвоем с матерью в окруженном вишневыми деревьями большом коттедже на въезде в город. Мать служила чиновницей в городской управе и нимало не заботилась о времяпровождении дочери. Она и дома появлялась довольно редко, и, пользуясь ее отсутствием, Ляля чувствовала себя полноправной хозяйкой.

В отличие от внешности в душе Ляля была уже давно развращена и испорчена. Она первой затащила его в постель и вела себя так, как если бы не Стасик, а она была мужчиной. Стасику было очень странно видеть, как это ангелоподобное обожаемое им существо нюхает кокаин, предпочитает ходить в полном неглиже и ругается как заправский биндюжник. Стасик стал приходить домой под утро, тащась через весь, пусть и небольшой, город. Он явно стыдился перед матерью синяков от засосов и царапин, которые оставляла не помнящая себя во время любовных игр подруга.

Так продолжалось почти до лета, пока однажды наивный Стасик не высказал своей возлюбленной все, что накопилось у него на душе. Реакция Ляли была острой и мгновенной. Она швырнула ему в лицо его одежду и обрушила на него целую гору ругательств, из которых следовало, что отныне он для нее абсолютно «токсичен». Бедный Стасик был просто шокирован молниеносным превращением его любимой,

слегка безбашенной девушки, в лютого врага.

От безысходности он пришел в военкомат раньше положенного по призыву срока. Несмотря на ограниченную годность, его определили в связисты. И скоро он уже проходил ускоренные курсы подготовки. Прощаясь, мать просила его звонить ей почаще. Он обещал, но обещания своего не сдержал: уж больно невеселые были у него новости.

Они оказались втроем в группе связистов («связюков» на военном сленге), при батарее гаубиц. Гаубицы – это огромные самоходные пушки на гусеничных шасси. С адским грохотом они стреляют почти на пятьдесят километров. А цели для них должны были передавать как раз «связюки». Стасик был «пиджак» – призванный на службу после окончания техникума. Правда, он очень быстро разобрался во всех тонкостях имеющейся у «связюков» техники: от примитивных «Моторол», этих «радио для уборщиков», и более современных портативных радиостанций, до защищенных систем спутникового интернета и обычного гражданского Wi-Fi, чем заслужил уважение старшего в группе.

Для удобства передвижения у группы был даже свой транспорт: старенькая еще советская командно-штабная машина (КШМ), в просторном кунге которой находилось все их оборудование, и в случае необходимости, можно было запросто разместиться втроем на ночлег.

Старшим в группе числился Максим из Харькова. Максим был «контрач», то есть контрактник, служил уже второй

год и имел звание сержанта. Макс был очень контактный, похожий на актера Меньшикова в молодости, когда тот играл в фильме «Покровские ворота». Все свои деньги он отправлял домой на лечение больной матери. Стасику он как-то сразу приглянулся.

Макс так описывал особенность их службы при монстрах – гаубицах.

– Ты знаешь, как еще называют наших страшилищ? «Пионами». Это такой специфический военный юмор: называть орудия смерти именами красивых цветов. Так вот, наши «Пионы» – это самое дальнобойное оружие, не считая, конечно, ракет, какое есть у нашей армии. И все бы хорошо, но у России есть такие же «Пионы». Потому что это оружие разрабатывалось еще при Советах, и оно было на вооружении во всех тогдашних республиках. А когда Союз распался, они так и остались везде, в отличие от ядерного оружия. Но только русские сумели модернизировать свои «Пионы», и теперь, пока мы выпустим один снаряд, русский «Пион» ответит десятью. Поэтому мы постоянно играем с той стороной «в кошки – мышки».

– А это зачем? – не понял его логики Стасик.

– Ну, как же ты не понимаешь? В нашем ЦУ, который мы принимаем сверху и передаем на батарею, могут быть координаты любой цели: от склада с горючим, до школы или детского садика...

– Что, разве может быть и такое? – ужаснулся Стасик.

– А ты что думал! Еще как может, – подтвердил Макс и продолжил, – а у русских «Пионов» только она цель: определить наши координаты и «погасить» наши цветы. Поэтому после одного-двух выстрелов наша батарея срочно снимается с позиции и занимает новую.

– И что, бывает, накрывают? – спросил Стасик.

– А ты думал? Только в прошлом месяце полк не досчитался трех разбитых «Пионов» и две группы «связюков» накрыло. В итоге: три «двухсотых» и два «трехсотых», то есть трое раненых и двое убитых, в том числе мой земляк из Салтовки, – добавил Макс задумчиво.

– Ты-то, откуда это знаешь? – попробовал не поверить Стасик.

– Я был в одной с ним группе, – и впервые в голосе Макса прозвучало нечто похожее на рыдание.

Третьим в группе был Богдан, «западенец», то есть уроженец Западной Украины, приставленный к ним по негласному распоряжению службы безопасности (СБУ). Именно Богдан всем здесь распоряжался и считал себя командиром. Это был плюгавый, тощий, неопределенной масти субъект. Он был «аватар» и «буратино», то есть алкаш, пропивающий свое жалование в первые два дня после полочки.

Тем не менее, Богдан был чрезвычайно высокого мнения о своей особе, открыто считая своих сослуживцев недоумками и скрытой «русней», и постоянно их провоцировал. Сам он изъяснялся на довольно приличном русском, который он, по

его же заявлениям, зверски ненавидел. Правда, как и большинство сослуживцев, пересыпая слова просто невообразимым количеством мата.

Как-то раз он заявился, как всегда под хмельком, и с таинственным видом заявил:

– Хлопцы, тут поблизости в частных домах проживает шикарная дивчина. Приглашаю отправиться к ней в гости.

– А что мы будем там делать? – спросил не очень довольный Макс, – разве она нас приглашала?

– А этого нам и не требуется, – ответил Богдан, – у нас вот какой «пригласительный билет» есть!

И он махнул перед собой своим «калашом», с которым никогда не расставался, даже ложась спать.

– А если девушка будет не довольна? – не сдавался Макс.

– Ну, мы ее и спрашивать не будем. Ей нужно выполнять только одну команду: «Ложись!»

– То есть ты хочешь ее изнасиловать?

– Не я один, а все вместе! – внес окончательную ясность Богдан, – ну что: идем!

И он снова повел своим «калашом», на этот раз угрожающе, и уже по отношению к ним.

В ответ он увидел два направленных уже в его сторону дула автомата.

– Ну, не хотите, как хотите. Была бы честь предложена! Я могу и сам!

И опять он увидел два направленных на него ствола.

Яростно ругаясь, Богдан отступил, но злобу за свое поражение затаил.

Прошло некоторое время. Как-то Стасик заступил в наряд вместе с Максом.

– Стас, а ты умеешь хранить секреты? – спросил его Макс, понизив голос до шепота.

– Конечно, – ответил Стасик, – а почему ты спрашиваешь?

– Тогда читай! – тот протянул старенький с треснувшим стеклом смартфон с какими-то стихами.

– Что я стихов каких-то не видел? – не понял его Стасик

– А ты прочти все до конца! – настаивал Макс.

Не скрывая неудовольствия, Стасик принялся читать.

«Меня лечил донецкий врач
Мам, я в плену, но ты не плачь.
Заштопали, теперь как новый.
Меня лечил донецкий врач,
Уставший, строгий и суровый.
Лечил меня. Ты слышишь, мам:
Я бил по городу из «Градов»,
И полбольницы просто в хлам,
Но он меня лечил: «Так надо».
Мам, я – чудовище, прости.
В потоках лжи мы заблудились.
Всю жизнь мне этот крест нести.
Теперь мои глаза открылись...»

Он читал вслух, совсем как в детстве, только шепотом, а потом вдруг остановился, потому что к горлу подступил комок и строки стали расплываться от неожиданных слез.

– Ну, что же ты остановился? – спросил Макс, – читай дальше!

Стасик взял себя в руки, помолчал и снова продолжил чтение.

«Мать, я – чудовище, палач.
И нет здесь, мама, террористов.
Здесь только стон людской и плач,
А мы для них страшней фашистов.
Нас, мам, послали на убой,
Не жалко было нас комбату.
Мне ополченец крикнул: «Стой!
Ложись, сопляк!» – и дальше матом.
Он не хотел в меня стрелять.
Он – Человек, а я – убийца.
Из боя вынес! Слышишь, мать,
Меня, Донбасса кровопийцу!
Мам, я в плену, но ты не плачь.
Заштопали, теперь как новый.
Меня лечил донецкий врач
Уставший, строгий и суровый...».

Стасик закончил читать, и оба долго молчали. Первым нарушил тишину Макс.

– А как ты думаешь, Стас, автор был одним из наших?

– Скорее всего, москаль не мог так написать! – ответил Стасик, – или все-таки смог... Тогда это пропаганда. Но стихотворение просто здоровское. Меня никогда так не втыкало. Прямо до слез.

(От автора рассказа. Это стихотворение, распространяемое в интернете без упоминания автора, все-таки его отыскало. Это самодеятельный поэт из Красноярска Владимир Аборнев)

До него постепенно стало доходить, что настоящие враги находятся не по ту сторону фронта, а здесь, ходят рядом и готовы в любую минуту их уничтожить.

В относительном затишье прошло лето и начало осени. А с октября началось. Теперь не проходило и дня без оглушительной канонады. До поры до времени их дивизиону везло, и снаряды донецких «Пионов» бомбили уже опустевшие позиции. Но однажды их все-таки накрыли.

От страшного грохота, казалось, лопнет и разлетится на куски голова. Макс и Владик сумели отсидеться в глубоком покинутом блиндаже, а когда обстрел прекратился, и они выглянули оттуда, их глазам предстала страшная картина: две из трех мортир были перевернуты и искорежены взрывом, повсюду валялись гильзы снарядов и изувеченные трупы людей. Их, ставший почти родным, КШМ был иссечен оскол-

ками и более непригоден. То же самое произошло и с их оборудованием.

Убедившись, что из батарей никого не осталось в живых, два друга, не сговариваясь, отправились в ту сторону, где находились позиции защитников Донбасса. Идти пришлось довольно долго, но вот уже показалась передовая линия окопов. Макс обломил сухую ветку от поваленного недавним взрывом дерева, прикрепил к ней заранее припасенное белое вафельное полотенце и принялся размахивать ей как флагом. Рядом с ним шел безоружный, как и его друг, Стасик. Из окопов их заметили и принялись махать в ответ.

Вдруг сзади раздались автоматные очереди. Это их заклятый враг Богдан, проскользнувший вслед за ними совершенно незамеченным, торопился свести с нашими друзьями последние счета.

В одном из госпиталей Донбасса две медицинские сестрички склонились над лежащим почти без сознания молоденьким солдатиком.

– Что такое он повторяет без конца? – спросила одна из сестер.

– Никак не пойму. Ага вот: «Меня лечил донецкий врач...» И опять тоже самое. Вроде бредит. То ли стихи читает, то ли молитву, – ответила другая.

– Кать, а этот новенький просто душка. И красивый какой. Я дала бы ему не раздумывая.

– Ну, ты Танька, думай, что говоришь! Ведь он же из укро-

пов. Они нас за людей не считают!

– Кать, да ведь он сдаваться к нам шел. И приятель с ним. А их свои же сзади расстреляли. Второго-то насмерть, а этому в грудь и в руку попало. Хирург Иваныч говорит, что правую руку он собрал по кусочкам, но она еще долго не будет действовать.

– Ну, и зачем же он тебе без руки?

– Так я же с ним не в «ладушки» собираюсь играть! – ответила сердобольная сестричка.

«Левша»

Так началась новая жизнь Стасика. Раны у него долго не заживали, гноились. Это из-за грязи, которая набилась в раны, когда его долго тащил волоком доброволец, опасаясь очередного выстрела от его бывших сослуживцев. Лекарств в госпитале хронически не хватало, особенно антибиотиков, а те, что привозили в гуманитарных конвоях из далекой России, делились между ранеными поровну, не разделяя на своих и чужих.

Он долго провалялся в полубессознательном состоянии в госпитале под неусыпным контролем сестрички, которая взяла над ним шефство на добровольных началах. И каждый раз, приходя хоть на мгновение в сознание, он видел склонившееся над ним милое личико. Постепенно проблески сознания становились все дольше, и он уже мог немного говорить, через силу шевеля губами. Тогда они и познакомились: беглый ВСУ-шник Стасик и медсестра Танечка.

Время шло, а он никак не поправлялся. И тогда Танечка перевезла его к себе, в комнату в общежитии, в которой она жила вдвоем с подругой. А подруга переехала в соседнюю комнату. Теперь они присматривали за ним вдвоем, в свободное от дежурств в госпитале время.

Наконец, силы у него стали прибывать, Стасик начал вставать с кровати, и, от нечего делать, привел в порядок немуд-

реную технику, которой обзавелась Танечка за время службы в госпитале, куда она пришла сразу после школы. Правда, действовать ему приходилось только левой рукой, потому, что правая по-прежнему неподвижно висела и совершенно ничего не чувствовала. Слух о том, что в общежитии, которое в силу обстоятельств было практически женским, появился мужчина, который может починить все что угодно, мгновенно облетело все комнаты. А, поскольку, все поделки он мастерил одной левой рукой, то и прозвище «Левша» пришлось ему вполне заслуженно. Стасик охотно исполнял все пожелания милых дам, все кроме одного.

На бескорыстную Танечкину любовь он ответил взаимностью. Они прошли все стадии близости: от первого поцелуя, до первой ночи, так деликатно и несмело, как будто оба переживали это в первый раз.

Однако их хрупкая идиллия разрушилась в один момент. И поспособствовала этому сама Танечка, которая видела, что ее возлюбленный серьезно начинает маяться от безделья.

К ним в палату поступил раненый командир с позывными «Студент». Еще совсем недавно он действительно был студентом одного из технических вузов России. Однако, едва закончив предпоследний курс и получив воинское звание, он отправился на Донбасс, где и стал командиром тяжелого миномета, будто в шутку прозванного «Тюльпан». Услышав про «Левшу», он попросил Танечку познакомить его с Стасиком.

Будучи почти ровесниками, они с первого взгляда поняли друг друга.

– Слушай, у меня члена экипажа убило. Пойдешь ко мне на «Тюльпан» наводчиком? – спросил «Студент».

– А почему бы и нет? – согласился «Левша», – «связюком» на «Пионе» я уже был. Попробую, чем пахнет твой «цветок».

Стасик принялся изучать имеющиеся средства связи. К его большому сожалению, здесь было совсем не так, как в украинской армии, которую Америка загодя обеспечила средствами связи со спутниками практически в режиме реального времени. Защитники Донбасса тоже получали централизованно информацию об объектах противника, но с интервалом в целый час, а то и больше. За это время импортные гаубицы или РСЗО на шасси успевали уехать очень далеко. Поэтому нашим бойцам приходилось рассчитывать только на свои силы.

На первых порах, из подручных средств имелись только квадрокоптеры, да и тех было явно недостаточно. А прыткие ВСУ-шники, того и гляди, норовили «обкрадывать» наших, уводя незащищенные дроны практически из-под носа. Но Стасик подсмотрел ноу-хау одного умельца и приспособил для защиты своего дрона обыкновенный рыбацкий спиннинг. Только на тонкий шнур цеплялась не блесна, а легкий квадрокоптер.

«Левша» быстро освоил в общем-то нехитрые тонкости управления БЛА и теперь управлял ими с завидной лег-

костью, даже действуя только одной левой. Тем временем «Студент» поправился после ранения. С собой на передовую он привел и Стасика. На первых порах того встретили настороженно. Но «Левша» сумел быстро растопить ледок недоверия, а скоро команда «Тюльпана» праздновала первую победу с участием нового наводчика.

Стасик чувствовал, как происходят в нем большие перемены: впервые в жизни дома его поджидала любимая девушка, а в коллективе экипажа все были единомышленниками. Больше того, он чувствовал, что живет и дышит, и думает так же, как живет весь этот гордый народ. И это было радостное и незнакомое доселе ему чувство.

Между тем обстановка вокруг Донбасса накалялась. Страны Запада безостановочно накачивали украинские войска оружием. Теперь это были не те полуниницы неумелые воины, которые с треском провалили компанию 15 года, а сытая натренированная военщина, готовая по первому же приказу своих заокеанских хозяев наброситься на Донбасс и, не оставив камня на камне от мятежных республик, идти на восток и на юг дальше. Гораздо дальше.

Затихшие было одно время бои вспыхнули с новой силой, и с каждым днем становилось все более очевидно, что огонь войны только разгорается.

В феврале 22 года Россия приняла решение признать республики Донбасса. Это было единственно верное, но, к сожалению, очень запоздавшее решение. Оно было спровоциро-

вано политикой Запада, в течение долгих лет водившего Россию за нос. У руководства страны не осталось больше ни малейших иллюзий в отношении дальнейших намерений объединенного Запада, и тогда начались военные действия, названные Специальной Военной Операцией – СВО.

В течение первых недель войны защитникам Донбасса совместно с частями российской армии удалось добиться победы на юге Донецкой области, окружить Мариуполь – второй по величине город Донбасса, а потом, ценой огромных усилий его освободить.

Но на донецком направлении наступление, по сути, так и не состоялось. Защищенные многометровым слоем железобетона укрепления, которые в течение долгих лет возводились вокруг прифронтового миллионного города, оказались не по зубам даже мощнейшим орудиям советской эпохи, а новое высокоточное оружие из России проступало скупно и нерегулярно.

Поэтому так важны были на этом этапе боевых действий такие умельцы, как наш «Левша», который быстро освоил профессию наводчика и скоро начал показывать чудеса меткости. Когда его спрашивали, как ему удается иногда с первого выстрела поразить цель, он отвечал, пожимая плечами: – Я просто этих гадов чувствую даже за бетонными перекрытиями.

И это не было пустыми словами. Заодно были и точный расчет, и быстрая интуиция программиста, и умелые руки,

вернее, только одна рука, потому, что другая – правая – по-прежнему беспомощно висела без движения.

Но и враг не сидел без дела. По другую сторону фронта беспрерывно поступали все новые современные средства контрбатарейной борьбы. И порой проворный экипаж «Левши» едва успевал выпустить пару мин, как их почти сразу накрывало снарядами дальнобойных натовских орудий. Прямых попаданий экипажу удавалось избежать, но осколками однажды опять ранило командира. На этот раз тяжело. Он еще успел попрощаться с экипажем и назначить своего преемника. Им стал... «Левша».

Но это не вызвало удивления у остальных членов экипажа, потому что товарищи успели поверить в знания и боевой опыт нового командира. Стасик с первых минут своего назначения остро почувствовал ответственность за судьбу экипажа. Дело в том, что в этом орудии не было предусмотрено защищенных мест для экипажа. На шасси расположены только открытые сидения для его членов.

Однако это не устраивало нашего «Левшу». Он попросил найти среди трофейных легкобронированных машин пару подходящих пикапов. Затем с помощью бойцов, имеющих опыт вождения, разобрался сам в этой непростой технике и дал ей вторую жизнь. Заодно Стасик освоил и правила вождения автомобилей. Потому, что если человек в компьютерах – «левша», то он и в остальной технике – «левша».

Эти пикапы особенно пригодились, когда из большой Рос-

сии прибыло несколько опытных образцов переносных комплексов контрбатарейной борьбы «Аистенок».

Новый командир выбил для своего «Тюльпана» один такой комплекс. И теперь «Аистенок» стал не только переносным, но и перевозным имуществом экипажа.

Проявилось еще одно ценное свойство у нового командира: никогда, в самые жаркие минуты боя он не терял самообладания. Случалось, даже опытные бойцы под артобстрелом или при встрече с противником теряли равновесие и начинали делать ошибки. Только не «Левша».

Как-то его спросили:

– Ты что, совсем не чувствуешь страха?

На что он привычно отшутился:

– Я уже свое отбоялся, когда был на той стороне, а на этой мне умирать не страшно.

Много времени отдавал новый командир боевому слаживанию экипажа: ведь от этого в конечном итоге зависела его жизнеспособность. В результате не только наводчик быстро определял цель и давал команду на выстрел, но и все члены команды стали действовать намного быстрее. После поражения очередной цели экипаж моментально переводил миномет в походное положение, укрывал чехлом «Аистенка» на одном из пикапов, и команда на максимальной скорости меняла позицию.

«Кочующий» миномет быстро завоевал популярность среди защитников Донбасса, и его опыт стали перенимать

другие экипажи. Когда количество пораженных целей минометом «Левши» достигло нескольких десятков, его стали приглашать на другие участки фронта с просьбой разобраться с упрямой позицией врага.

Однажды, во время краткой передышки между боями, командира попросил дать интервью известный военкор одной из центральных российских газет. И вот они сидят в чудом уцелевшем маленьком частном домике, давно брошенном своими хозяевами и приспособленном под жилье с помощью экипажа умелой рукой «Левши».

Пожилой усталый корреспондент, молодой командир, больше похожий на типичного «ботаника» – программиста и его беременная симпатичная жена. Несмотря на опыт, военкор не смог скрыть удивления, узнав о необычной судьбе Стасика.

– И как же вы справляетесь одной рукой? – спросил он.

Вместо ответа «Левша» раскрыл ноутбук, неуловимым движением пианиста выбрал нужную программу и спросил:

– Танечка, который сейчас час?

Кто-то невидимый ответил голосом сидящей за столом жены:

– Сейчас двадцать часов пятьдесят три минуты, до начала моей смены осталось два часа семь минут.

– Это я, когда валялся без дела и скучал без Тани, «научил» компьютер разговаривать ее голосом. Он и за тем, чтобы я лекарства вовремя принимал следил, и даже анекдоты

рассказывал.

– А я следила за тем, чтобы среди них не было неприличных, – с улыбкой добавила молодая жена.

В конце сентября прошел референдум и Донбасс официально вошел в состав России. А еще через месяц Стасика срочно вызвали в Москву. Ему ничего не объясняли, и сначала он даже не представлял цель своей поездки. Его поместили в центральный госпиталь, и врачи тщательно его обследовали. Все остальное, кроме правой руки, не вызывало у них особой тревоги. А вот с рукой долго возились, но в конце концов пришли к выводу, что ее чувствительность может вернуться, но для этого нужно время и предстоит пройти длительный процесс лечения.

Поскольку времени ни на то, ни на другое категорически не предвиделось вплоть до победы, то лечение он решил отложить на будущее. После обследования его определили в подмосковный санаторий министерства обороны вместе с несколькими военными разных званий и возрастов, которые тоже ничего не подозревали о цели своей поездки.

Единственное, что наводило на определенную мысль, был тот факт, что все они воевали и числились не в последних рядах.

Наконец им объявили, что на завтра их повезут в Кремль для награждения. И вот наступило утро следующего дня. Большой автобус, похожий на экскурсионный, в сопровождении военных регулировщиков повез их в Москву, в центр,

и, наконец, в Кремль.

Происходящее дальше, показалось Стасику похожим на чудесную сказку, которую он много раз видел в детстве. Только на этот раз он сам был одним из главных действующих лиц. Их повели во дворец, через сияющие электрическими огнями залы, пока они не оказались в самом красивом и самом величественном. Затем в зале появился президент России, и их стали по списку приглашать для награждения.

Все остальное он видел, как в тумане. И как назвали его фамилию, и как президент приколот к его груди Звезду Героя России, и как Стасик сбился, когда подошел к микрофону. Очнулся он только тогда, когда президент подошел к нему и совсем по – родственному ободряюще положил руку на плечо. После этого «Левша» уже почти свободно закончил свое выступление, а последние слова вырвались у него неожиданно сами:

– Если бы видела меня сейчас мама!

Через два дня Стасик сидел за столом в своем домике с жарко натопленной буржуйкой. Вот-вот должна была прийти после дежурства в госпитале любимая жена, которую он не видел больше двух недель. А еще через пару часов обещала собраться вся команда «Тюльпана», который вследствие вынужденного отсутствия командира проходил регламентные работы.

Их командир готовился встречать их в парадном мундире, с приколотой с левой стороны «Золотой Звездой». Но по-

чему-то не было покоя в его душе. И состояние это началось в тот самый момент, когда он с особой остротой и болью вспомнил о матери. Как она там живет – этот вопрос все больше волновал его и не давал покоя.

Находясь в таком расслабленном состоянии, даже не полностью отдавая себе отчет в том, что он делает, Стасик достал и вставил в смартфон симку, которой не пользовался со времен ранения.

Мобильник включился, но продолжал долго молчать. Стасик уже собрался выключить бесполезный телефон, как вдруг экран засветился и такой родной голос спросил с плохо скрываемой надеждой:

– Стасик, сынок, это ты?

От неожиданности его как будто током ударило.

– Здравствуй, мама, как ты себя чувствуешь?

– Спасибо, сынок. Поздравляю тебя с высокой наградой!

А ты откуда об этом узнала, ведь у вас, по слухам, даже электричества нет.

– Со вчерашнего дня все работает, сынок, и электричество, и даже газ есть. Ведь это такая честь, сам президент тебе награду вручал!

– Я тебя не совсем понимаю, мама, откуда ты знаешь, какой президент?

– Как какой президент? Конечно наш, Зеленский!

– Мам, а ты это сама видела?

– Сама. Твой сослуживец приехал и ролик в смартфоне

показывал. Ты еще сказал тогда:

«Если бы видела меня сейчас мама!». Вот я и увидела. Твой сослуживец такой отзывчивый. Он и свет помог подключить, и газ. И так тепло о тебе отзывался. Так хвалил тебя!

Как будто что-то щелкнуло у него внутри и наступила полная ясность. За ним началась охота. Не случайно враги переделали ролик и создали фейк, заменив президента России на своего, продажного, иуду. Но для очистки совести он спросил:

– Мама, а как зовут этого моего сослуживца?

И получил ответ, которого, точно, ожидал.

– Его зовут Богдан, такой очень отзывчивый человек.

Тогда Стасик очень спокойно попросил:

– Мама, а не могла бы ты дать ему трубку, ведь он рядом?

– Але, Стас, очень рад тебя слышать, – раздался самый ненавистный на свете голос.

– Еще бы не рад, ведь твоя охота на меня почти удалась. Но ты еще меня не уничтожил. Может быть, до прилета снаряда мне осталось жить несколько секунд, а может – и минут. Я могу бросить трубку и убежать довольно далеко. Но я не стану делать этого, если ты дашь слово не трогать мою маму. Обещаешь? – все это Стасик произнес ровным, спокойным голосом, чтобы собеседнику был ясен смысл каждого его слова.

До того дошло.

– Обещаю, ми її не тронемо.

– Хорошо, тоді дай мамі трубку.

– Я слухаю тебе синку, – чув його знову її голос, – що-то сталося?

– Ні, мама, нічого, все добре. Надіюсь, у нас ще є з тобою кілька хвилин... А знаєш, давай спіємо з тобою нашу улюблену пісню:

«Ніч яка місячна, зоряна ясна,

Видно, хоч голки збирай.

Вийди, кохана, працюю зморена,

Хоч на хвилиночку в гай.

Сядемо вкупочці тут під калиною

І над панамі я пан,

Глянь, моя рибонько, срібною хвилиною

Стелеться полем туман.

Гай чарівний, ніби променем всипаний,

Чи загадався, чи спить,

Он на стрункій та високій осичині

Листя пестливо тремтить.

Небо незміряне всипане зорями,

Що то за Божа краса.

Перлами ясними ген під тополями

Грає краплиста роса.

Сплять вороги твої змучені працюю,

Нас не сполоха їх сміх,

Чи ж нам, окраденим долею нашою,
Й хвиля кохання за гріх!»»

Стасик еще не успел допеть любимую песню до конца, когда высокоточный снаряд, выпущенный из дальнобойной натовской мортиры, наведенный по GPS на сигнал его смартфона, обрушил стены крошечного домика, который облюбовали Стасик и его медсестра Танечка для счастливой совместной жизни.

Родом из Больших Стерляг

Едва проснувшись рано утром в воскресенье, я планировала для себя отдых перед очередной поездкой в составе волонтерской бригады в воюющий Донбасс. Неожиданный звонок моего шефа главного редактора нашей газеты – Демьяниваныча спутал все мои планы.

– Алина, ты, помнится, родом из Верхних Стерляг? Я не ошибаюсь?

– Нет, Демьян Иванович, Вы все правильно запомнили. У меня и фамилия соответствующая – Стерлигова.

– Так вот, Алиночка, сейчас весь Рунет звенит о ваших Стерлягах, где некий Сергей Выхухолев, бывший боец ЧВК, зарезал престарелую бабушку. Ситуацию сильно напрягает тот факт, что и в ЧВК этот самый Выхухолев попал из колонии, где он отбывал срок за убийство. Больше того, интернет полон роликами о собрании жителей деревни, где они просят защиты от этого пьяницы и дебошира. У меня есть подозрение, что эти протесты кем-то неплохо срежиссированы. Ты представляешь, какую «бучу» могут раздуть из этого наши «заклятые друзья»?

Наш Демьяниваныч просто душка! Раз уж он сел на своего конька, то теперь не остановится до тех пор, пока не объяснит все скрытые мотивы этого события. В период «диалектического материализма» это называлось бы «классовой борь-

бой», а сейчас? Впрочем, неохотно отходя ото сна, я не сразу смогла придумать подходящий термин и, за неимением лучшего, остановилась на «геополитической борьбе». Хотя, какая уж тут «геополитика» в наших Больших Стерлягах?

Затем я вспомнила свою родную деревню и себя в неполные пятнадцать лет. Я заканчивала девятый класс, и мои родители собирались переезжать в Нижний Новгород, где жили мои дедушка с бабушкой.

Я никогда не была красоткой, в отличие от той же Варьки Хорьковой, за которой все мои одноклассники просто «табуном бегали». Но мальчики мне уже нравились. Особенно Митя Оглоблин, видный такой парень. Но на меня он даже внимания не обращал. Единственный из ребят, кто «уделял» мне внимание, был мальчик Сережа со странной фамилией «Выхухолев». Кто-то из ребят вычитал в энциклопедии статью об этом реликтовом зверьке, и с тех пор Сергея иначе как «выхухолем» никто и не называл. Иногда правда, к этому прозвищу добавлялось еще одно или два слова и получалось вообще что-то невообразимое.

Сергей был, как теперь говорят, «из неблагополучной семьи», его воспитывала одна мать – доярка в здешнем «колхозе», а от отца, кроме необычной фамилии у них ничего больше не осталось. Это был очень впечатлительный ребенок, с не совсем устойчивой психикой, отчего насмешки ребят вызывали в нем бурный протест, который обычно заканчивался слезами. Поэтому его дразнили еще «плаксой-вак-

сой». Судя по всему, Сергей был в меня влюблен, потому что в разговоре со мной смущался, краснел и даже начинал странно заикаться.

И вот выходит, что теперь этот застенчивый мальчик Сережа вырос настоящим изувером и «двойным убийцей»? Нет, это решительно не укладывалось у меня в голове!

– Алин, ты спишь? – оторвал меня от воспоминаний голос Демьяниваныча, – ты не спи!

– Не сплю я, не сплю, Демьян Иванович.

– А если не спишь, то, верно, уже поняла, какое будет от меня предложение, – так он всегда говорил, обращая любое указание в форму вроде бы необязательную, – поехать на свою малую родину и разобраться в сути происходящих там событий. Командировочные я тебе уже перевел на карточку. Так что жду вестей из этих ваших Больших Стерляг. Ну, и с богом!

Воскресный день еще не успел погаснуть, а я уже подъехала на пригородном автобусе к родной деревне. В пути мы миновали уже пару заброшенных деревень и меня непроизвольно начали одолевать смутные сомнения. А вдруг моя деревенька окажется такой же покинутой людьми? Что мне делать тогда?

Но чем ближе мы подъезжали, тем больше крепла у меня надежда встретить своих односельчан в добром здравии. Против ожидания, встреча со знакомыми перелесками взволновала и вызвала у меня много приятных воспомина-

ний. Была ранняя весна. Поля в большинстве своем освободились от снега. И только в оврагах и на опушках леса оставались его серые неопрятные клочки.

Вон в той березовой рощице росла самая вкусная в округе малина. Я даже почувствовала на губах ее аромат. Хотя, по нынешним временам, купить в овощном супермаркете коробочку свежей малины вовсе не является большой проблемой. Были бы деньги.

А там, за пригорком под набухшим ломким льдом лежит маленькое озерцо, которое раньше всех нагревалось теплым весенним солнышком, и мы, тогда еще дошколята, именно в нем открывали свой купальный сезон.

– Девушка, – обратился ко мне водитель нашего «Пазика», – Вы до Больших Стерляг билет брали? Подъезжаем!

Возле автобусной остановки высилась новенькая сотовая вышка. Рядом с остановкой находился продуктовый магазин. Он был новый, или я его просто не узнала. Ассортимент продуктов был вполне обычный. Продавщица, девушка кавказской наружности, при виде незнакомки расплылась в широкой профессиональной улыбке. Она не ошиблась. Я заказала связку баранок, нарезной батон, кольцо полукопченой «Краковской» колбасы и бутылку водки.

– Вам «Аминовскую»? – уточнила продавщица.

Я не поняла и повторила:

– Да, вон ту, «Российскую».

– Вы надолго к нам? – поинтересовалась девушка.

И добавила:

– Чужие к нам редко приезжают.

Я продолжила разговор, стараясь получить от всезнающей продавщицы нужную мне информацию.

– Я жила в Больших Стерлягах до пятнадцати лет, а потом уехала вместе с родителями в Нижний. Хочу остановиться на пару дней у кого-нибудь из знакомых. Баба Нюра, например, как поживает?

– Живет помаленьку, а что ей сделается? – с видимым равнодушием ответила продавщица, – дочь из города несколько раз приезжала, уговаривала поехать с ней, а та ни в какую.

Я расплатилась картой, отметив про себя, что технический прогресс не миновал и нашу деревню, сложила покупки в свой полупустой рюкзачок, поблагодарила продавщицу и отправилась знакомой дорогой к домику бабы Нюры. Чем дальше я шла по родной деревне, тем больше убеждалась, что запустение ей не грозит. По крайней мере пока.

Одноэтажные дома, хоть и казались маленькими после привычки жить в городе-миллионнике, но зато они не выглядели мертвыми каменными коробками, а были живые, деревянные, украшенные разноцветными наличниками и мезонинами с крохотными резными балкончиками. Я не удержалась чтобы не отправить своеобразный видеоотчет моему главреду Демьяниванычу и заодно запостить свой авторский блог снимками родной деревни.

Для того, чтобы немного разнообразить мой стрим, я за-

вела разговор о происхождении названия родной деревни и связанной с этим названием одноименной рыбы.

В большинстве этимологических словарей русского языка утверждается, что слово «стерлядь» имеет германское происхождение. Однако некоторые отечественные ученые считают это утверждение некорректным. Скорее всего, пишут они, произошло обратное. Именно в германских языках заимствовали это русское слово. Дело в том, что рыба стерлядь в большинстве европейских стран вообще не встречается или распространена крайне редко, в то время, как в России, тем более в прежние века, она считалась обычным уловом. Скорее всего это слово появилось в сочинении немецкого ученого Олеария (1647 г.) о путешествии по Московии. Так что, будем считать слово «стерлядь» исконно русским. И множественное число «стерляги» соответствует древнерусской традиции. Отсюда происходят и фамилии: Стерлягов и Стерлигов.

Было, однако, одно сделанное мельком наблюдение, которому сначала не придала серьезного значения, но постепенно оно выросло в совсем нешуточную проблему. Встреченные мною прохожие или просто выглядывающие из домов сельчане, торопливо ответив на мое приветствие, как-то уж больно поспешно старались пройти мимо или спрятаться за своим забором.

– Наверное, они меня просто не узнают, – помню, решила тогда я.

Прошло еще минут десять и на мой стук отворила двери хозяйка маленького, слегка даже покосившегося деревянного домика – Анна Тимофеевна Варезкина – баба Нюра. Она, кажется, даже не очень удивилась, увидев меня, свою дальнюю родственницу, потому что в деревне почти все раньше были родственниками, как говорится «седьмая вода на киселе».

Просто сказала:

– Здравствуй, Алинка! – и обняла меня.

И тут я увидела, какая она стала маленькая и сгорбленная. Я сама не то чтобы высокого росточка, а баба Нюра мне чуть не по плечо. Но внешне она как будто совсем не изменилась: как была в моем детстве маленькой сморщенной старушкой, так такой и осталась.

Позже я раздумывала над реакцией бабы Нюры на мое появление и пришла к выводу, что все дело в возрасте и в разном понимании продолжительности нашей разлуки. Это для меня мы не виделись практически половину моей жизни, а для нее – просто совсем небольшой отрезок: как была она в моем детстве пенсионеркой, так сейчас ею и осталась.

Баба Нюра вскипятила воду в электрическом чайнике, и мы долго сидели, попивая собственноручно изготовленный ею кипрейный чай и вспоминая разные разности. Но Сергея Выхохлева, ни словом не касаясь, как будто его на белом свете не существовало и вовсе. Я рассказала, что осталась совсем одна после смерти родителей от ковида, и совсем ко-

ротко, о том, что работаю корреспондентом в газете и веду свой блог в интернете.

Баба Нюра не только хорошо сохранилась внешне, но и нисколько не потеряла ни ясности ума, ни трезвости памяти. Тихонько посерпывая чаек она рассказывала мне о тех изменениях, которые происходили в деревне за прошедшие годы и которые начинались еще при мне.

– Ты думаешь, твои родители просто так постарались увезти тебя из Стерляг? Нет, голубушка. Уже тогда начали приезжать к нам люди чужого рода – племени, которые не давали проходу нашим девчонкам, но до серьезных бед еще не доходило. И вот тогда твоя мать, Анфиса – покойница, царство ей небесное – окончательно решила на переезд. Чувствовало, видать, ее сердце, что недобрые времена нас ожидают.

– Ну, и что же получилось сейчас? Бояться начали люди. У нас глава деревни не из местных, зовут – Амин. Он не просто глава, но и полный ее хозяин. Здесь ему все принадлежит: и бывшая колхозная земля, и все бывшее колхозное хозяйство.

Сам Амин живет в районном центре, в деревню приезжает на «Мерседесе», шофер у не тоже свой – из диаспоры (это слово баба Нюра произнесла с видимым усилием). Вообще их полно сейчас в деревне: все охранники и помощники Амина. И что обиднее всего – считают себя главными, а нас чуть ли не слугами.

– А уж местным девчонкам, тем, кто посимпатичнее, просто проходу не дают. Все началось с Вареньки Хорьковой, помнишь, видная такая была девочка. Повадилась она в город на дискотеку ездить, а домой все на попутных с чужими возвращалась. Но однажды так и не вернулась. Пропала, бедняжка. Дело было еще летом, а уж на следующий год, весной, нашли ее тело в пруду за деревней. С трудом по колечку, бабушкой подаренному, ее опознали. А как она в пруд попала, никто не знает. Были и другие пропажи наших девушек, но никого из них так и не нашли.

– С той поры стараются наши девчонки держаться от приезжих подальше. А то вон, даже продавщица в магазине, Лейла, бывшая жена Мити Оглоблина, и та нос задирает. Переехала в город, а в магазин приезжает на собственной машине. А откуда у простой продавщицы могут быть деньги на машину? Ее «бывший» – Митя, так тот до сих пор на стареньком «Урале» мотается. А он ведь у нас тоже власть – участковый милиционер – единственный из наших деревенских. Митя мой внучатый племянник, ты с ним в одном классе училась и неравнодушно по нему «вздыхала». Он обещал завтра ко мне в гости зайти.

– Я не очень жалею этих, чужих людей, но есть и от них какая-то польза. Не будь у нас таких, как Амин, может быть, давно уже обезлюдели бы наши Большие Стерляги, как другие окрестные села. А так, эти чужие работу какую – никакую дают. И в «колхозе», и на заводишке местном, водочном.

К нам даже из райцентра многие на работу приезжают.

Последние соображения бабы Нюры я слышала уже как бы в полусне и не особо обратила на них внимание.

А наутро, во время довольно позднего, учитывая наши вчерашние ночные бдения, завтрака, баба Нюра буквально сразила меня своей пронизательностью.

– Ох, и хитрая же ты, Алинка, – заявила она, сощурившись правым глазом, – ты думаешь, я не понимаю, зачем ты после стольких лет отсутствия к нам на деревню примчалась? Своего Серегу Выхухолева выручать! А ведь вчера ни словом о нем не обмолвилась.

– Ты только не подумай ничего плохого, баба Нюра. Я приехала в Большие Стерляги, действительно, по заданию редакции. Но только я не собираюсь своего, как ты выразилась, Серегу выручать. Во-первых, он совсем не мой, а во-вторых, мне важно самой во всем разобраться. Поэтому так важно было для меня твое мнение обо всем, что в наших Стерлягах происходит. Но, если уж зашла речь о Выхухолеве, то расскажи, пожалуйста, что ты сама обо всем этом думаешь.

– А что тебя, больше интересует: убийство старой учительницы Веры Степановны или сама судьба несчастного Сереги?

– Как, неужели убили Веру Степановну? – ужаснулась я.

– Так ты, выходит, ничего об этом не знаешь? – удивилась баба Нюра.

– Ничего, баба Нюра, абсолютно ничего.

– Это было ужасное злодейство, убить несчастную старушку, и пусть бог покарает того, кто это совершил!

– Так ты считаешь, что это не Выхухолев? – почти вскрикнула я.

– Не знаю, Алиночка, не знаю. Вот придет Митя, он подробнее расскажет, но он не сомневается, что это Серегиных рук дело, а я сомневаюсь, очень сомневаюсь. Хоть ты убей меня, а все равно не поверю, что Серега законченным душегубом сделался.

– Баба Нюра, а ты еще про водочный завод в нашей деревне говорила. А ты ничего здесь не попутала? – перевела я разговор на другую тему.

Баба Нюра даже обиделась.

– Я точно знаю, на старой ферме расположился заводик водочный. Об этом все наши деревенские знают, а многие даже на нем работают. Водку эту, нашенскую даже «Аминовской» кличут. По имени своего хозяина. А ты говоришь, «попутала».

Я припомнила, что именно так называла мне вчера эту водку продавщица Лейла.

Перед приходом деревенского участкового Дмитрия Оглоблина баба Нюра предупредила меня:

– Ты на Митю особо внимания не обращай. Он сейчас ходит как будто обухом по голове ударенный. А все любовь. Он свою Лейлу на руках носить готов был, а она все рога ему наставляла со своими парнями из диаспоры. А потом и вовсе

хвостом вильнула и уехала жить в райцентр. Вестимо, там жить сподручнее: и водопровод, и все другие удобства. А у нас что? Все удобства на дворе. Она, бывшая его, к этому, видите ли «не привычная». А так, Митя, парень хороший. Это я тебе от души говорю, а не потому, что он мой родственник.

– Да знаю, я, баба Нюра, по правде говоря, Митя в школе мне очень нравился, а он на меня внимания никакого не обращал. Да, что уж там вспоминать давно прошедшее.

– А у самой тебя как дела на личном фронте? – поинтересовалась баба Нюра, – небось, замужем давно?

– Да нет у меня никого. Сначала учеба в университете, потом работа ненормированная, а тут смерть родителей, до личной жизни ли теперь? И я уже почти старуха, скоро тридцать разменяю, кто меня такую замуж возьмет? – невесело пошутила я.

– Ай, Алиночка, не скажи, мне бы твои годы. Ну хотя бы полтину сбросить! Уж я бы развернулась! – воскликнула баба Нюра.

Тут в дверь постучали.

– Полицию вызывали? – спросил бархатный баритон.

Это пришел Митя Оглоблин, деревенский участковый уполномоченный.

Ему очень шла форма полицейского. Я иногда обращала внимание как мешковато выглядела куртка на других, а на нем сидела просто отлично. Куртка делала плечи Мити еще

шире, а фуражка с высокой тульей его рост – еще выше.

– А, теперь я знаю, какой сюрприз приготовила для меня баба Нюра! – воскликнул он, едва войдя в дом. И добавил приветливо, заглянув мне в глаза, пожалуй, впервые на моей памяти.

– Здравствуй, Алинка!

Он положил ладони мне на плечи и по-родственному чмокнул в щеку. В конце концов мы все были из одной деревни, а, значит, почти родственниками.

На мгновение я опять почувствовала себя подростком и едва не заробела перед этим видным мужчиной. Мне помог опыт корреспондентской работы, и я быстро справилась с подступившим волнением. Мы разговорились. Митя с юмором рассказал несколько случаев из своей практики, и мы втроем от души смеялись.

Я помнила, что Митя и прежде был красивым парнем. И удивительно, теперь он стал еще лучше. Исчезла некоторая слащавость и неопределенность в облике этого человека и в глазах появилась грусть, как это бывает с людьми, пережившими настоящее горе. Эта грустинка периодически про-скальзывала в его словах и жестах, отчего мне почему-то захотелось его обнять. Разумеется, по-родственному.

В тот день я долго разговаривала с моим бывшим одноклассником.

Нет, по службе у него все было в порядке, по крайней мере, он так считал. Он не видел особых проблем в том, что

Амин и его компания захватили власть в его родной деревне и даже в районном центре. Я предположила, что мнение бабы Нюры о положительном влиянии компании Амина на народонаселение нашей деревни сформировалось у нее именно под влиянием Оглоблина. Митя неоднократно принимал участие в попойках веселой компании, в которую входили и его городские начальники, но всегда сохранял трезвый рас­судок и не был замешан ни в одной из безобразных выходов.

Митя тяжело переживал уход Лейлы и винил в разводе одного себя. Однако в чем состояла его вина, он не мог конкретно даже выразить, и эта невысказанность тяготила его больше всего. И точно так же он явно не хотел видеть глубоких противоречий в жизни родной деревни.

– Митя, скажи пожалуйста, и ты с чистой совестью отправил своего бывшего одноклассника в тюрьму? – задала ему мучивший меня вопрос.

– Понимаешь Алина, мне было это очень не по душе, но что делать, если все улики указывают на то, что именно Серега Выхухолев виновен в убийстве старой учительницы. Я сам составил Протокол об обстоятельствах совершенного преступления. Мое начальство отметило его грамотность и обещало в скором времени представить меня к присвоению очередного звания – капитана полиции, – заявил он не без гордости. Вообще-то это запрещено, но я готов показать тебе этот документ.

Я сказала, что согласна поехать к нему в участок, но

прежде предложила прокатиться на ферму к теперешнему водочному заводу. Не заметив в этом подвоха, Оглоблин согласился.

И вот, уже на следующее утро, мы тарахтим вдвоем на его стареньком мотоцикле по родному селу. Я закрывала глаза и пробовала представить, что это происходит не сейчас, спустя почти пятнадцать лет, с нами, уже взрослыми, серьезно потрепанными жизнью людьми, а в далекой юности. Ах, я, кажется, отдала бы тогда полжизни за то, чтобы мчаться вот так вместе с ним и несмело прижиматься к его широкой спине.

Я опять обратила внимание на странную реакцию встречавшихся нам односельчан. С ним здоровались все, но как-то даже приниженно и старались не задерживаться. А об обычных разговорах, какие я помнила раньше, речи вообще не шло.

Одноэтажные здания животноводческой фермы располагались вдоль проселочной дороги на порядочном расстоянии от деревни. Но было видно, что транспорт здесь ходит довольно часто и дорога находится в приличном состоянии. Чего никак нельзя было сказать о самой ферме. Когда-то белые стены облупились, подслеповатые окна давно не мылись, так что подойди к ним посторонний человек и попытайся рассмотреть, что происходит там внутри, он ничего бы не разобрал.

А между тем, внутри зданий, наверняка, что-то происходило. Иначе зачем было окружать бывшую ферму довольно

высоким забором и выставлять охрану у ворот.

Митя остановил мотоцикл и подошел к двум бравым охранникам в защитной форме. Они явно были знакомы, потому что поздоровались с ним за руки, но пускать его внутрь им было, очевидно, не велено. Митя пытался им что-то доказывать, размахивал руками, но они твердо стояли на своем.

Наконец, он вернулся ко мне явно раздосадованный.

– Черт знает, что такое, – недовольно бурчал Оглоблин, – я тут представляю власть, а они твердят мне, что ферма эта – частная собственность и пускать посторонних категорически запрещено. А какой я им посторонний? Вот я завтра доложу Амину об этом самоуправстве и потребую разрешить допуск на завод представителю власти.

– Ладно Митя, – попыталась я успокоить своего «представителя власти», – давай объедем ферму вокруг и посмотрим, нет ли здесь еще чего-нибудь примечательного.

Едва мы свернули за угол, как почувствовали очень специфический и крайне неприятный запах. Мы успели добраться до середины забора, прежде чем выяснилась причина этого запаха. Из дыры в заборе торчала керамическая труба, из которой вытекала мутная пенящаяся жидкость. Дальше эта жижа попадала в неглубокую, видимо, в спешке прорытую канавку и стекала по естественному склону куда-то вниз.

Мы с участковым Митей молча переглянулись, потому что прекрасно знали, что там внизу находится. Все так же не сговариваясь, мы почти бегом начали спускаться по сырому

склону.

Не знаю, что почувствовал Митя, а у меня просто сердце защемило от открывшейся картины. Там был памятный мне с детства пруд, с которого мы начинали свой купальный сезон, потому что вода в нем прогревалась быстрее всего. Я прекрасно помнила его ласковую прозрачную водичку. Так вот, этого пруда больше не существовало.

На его месте вздыбилась чудовищная мерзкая каша, уровень которой в несколько раз превышал объем прежнего прудика. Вот – вот, и она перехлестнет за пригорок, который служил естественной дамбой для нашего прудика, и тогда у нее больше не будет преград вплоть до пролегающего совсем рядом русла большой реки.

И тогда произойдет катастрофа уже республиканского масштаба.

Мне ничего не нужно было объяснять. Еще накануне я проштудировала файлы о промышленном производстве алкогольной продукции. И видела, какие проблемы существуют даже на лицензионных водочных заводах. А здесь о существовании лицензии и проведении какой-либо экологической экспертизы нельзя было и мечтать. Наверняка, сплошная антисанитария царила и в цехах бывшей фермы.

И поэтому от барды, так называлась по-научному эта мерзкая жижа, у Больших Стерляг не было никакого спасения.

Мите я тоже ничего не стала объяснять. Он уже большой

мальчик и должен во всем разобраться сам. Кроме того, мужчины вообще не любят, когда за них пытаются что-то решать, а тем более, делать выводы. Пусть додумывает все сам и решает, как ему поступать дальше.

Мы еще немного постояли на склоне, вдыхая миазмы застоявшейся барды. После этого меня еще как минимум пару дней будет преследовать эта мерзкая вонь.

– Мить, – спросила я своего бывшего одноклассника, – а что, до деревни этот аромат никогда не долетал?

– Ты знаешь, – ответил он, как всегда на полном серьезе, – я сам никогда не замечал, а вот баба Нюра еще прошлым летом жаловалась на какой-то неприятный запах.

— Ну вот, – сказала я, – теперь все объяснилось в лучшем виде. А теперь мне хотелось бы познакомиться с твоим обещанным Протоколом.

Мы сидим в рабочем кабинете участкового. Спартанская обстановка не способствует долгому времяпровождению. Но мне нужно внимательно прочесть этот документ. Ведь на его основании моему бывшему однокласснику грозит, как минимум, длительный срок лишения свободы, а, может быть, и верная смерть на фронте.

Да, Митя не даром хвастал своим Протоколом. Чувствуется рука профессионала. Все изложено подробно, даже несколько занудно. Предполагаемое орудие убийства: армейский нож с нацарапанными инициалами «С» и «В». Удары наносились твердой рукой справа налево.

И тут меня как будто озарило, и я, вроде бы невзначай, спрашиваю Оглоблина:

– Митя, а ты не помнишь, как в нашей школе ребята дразнили Выхухолева?

– Ну, «выхухоль», ну, «маменькин сынок», – отвечает сбитый с толку мой криминалист.

– Правильно. А еще, ну, вспоминай!

– «Левша недоделанный»! – Оглоблин вспомнил прозвище, которое могло полностью изменить ключевой момент обвинения, – ну, конечно, Серега не мог быть убийцей, потому, что он...!

– Верно. Он левша и не мог наносить удары ножом справа налево, а только слева направо.

Свою оплошность Митя переживал очень живо, не скрываясь от меня. Он бегал по комнате, лупил по лбу и обзывал себя последним идиотом.

Я сидела в сторонке и не вмешивалась. Я понимала, что сейчас у Оглоблина рушатся не только обвинения против его бывшего одноклассника, но, вполне вероятно, вся благостная картина его внутреннего мира, которую он нарисовал для себя, оправдывая услужение уголовным элементам.

О том, что мы имеем дело с уголовщиной, лично у меня сомнений не оставалось. Во-первых, аргумент чисто экономический – криминальное производство водки в промышленных масштабах на нелегальном предприятии в антисанитарных условиях. Во-вторых, аргумент социальный:

убийства и пропажа девушек и молодых женщин.

Я понимала также и то, что мое теперешнее знание автоматически делает меня врагом здешней криминализованной диаспоры, и сторонников в начавшейся борьбе у меня нет. Пока нет. Но я не спешила паниковать. У меня теплилась надежда на то, что Митя Оглоблин, этот красивый, видный мужчина, разберется со своими демонами и в конце концов станет моим другом.

Разумеется, я тщательно сфотографировала документ и переслала его и моему главреду и в блог, и в облако, решив про себя, что лишняя копия делу не помешает.

Но оставалась, по крайней мере, еще одна проблема. Я подступала к ней медленно, потому что одно не вовремя произнесенное слово могло все испортить.

– А скажи мне Митя, кого больше ругал и кому угрожал Серега Выхухолев, будучи сильно навеселе: своим односельчанам и Вере Степановне или все-таки Амину и его левому водочному заводу?

Видя, что Оглоблин мнется, не решаясь произнести роковой приговор себе и своим сообщникам, подбодрила его.

– Только, пожалуйста, правду!

– Амину, – выдавил тот, наконец.

Теперь картина подлога, подстроенного против несчастного Сереги, окончательно прояснилась. По крайней мере для меня.

– Митя, – попросила я еще раз, – а ты не мог бы мне по-

мочь получить свидание с Сергеем Выхухолевым?

В райцентр, где находился арестованный Выхухолев, я поехала одна.

Я ожидала увидеть сломленного и спившегося человека, но застала Сергея в относительно добром здравии, какое только может быть у человека, обвиняемого в повторном убийстве и которому «светит» пожизненное.

Полутаромесячное пребывание в СИЗО сказалось только на буйной растительности на его щеках и подбородке. Но курчавая светло-русовая борода его не портила, а придавала несколько благообразный вид. Точно так же и его расположение духа было, скорее всего, в норме.

Он встретил меня бодрым, хотя и удивленным возгласом:
– Алинка, ты ли это? Вот уж кого я совсем не ожидал увидеть!

Я тоже сказала, что рада его видеть, но было бы лучше, будь обстановка несколько другой.

– Да уж, – согласился со мной мой бывший одноклассник – и что самое печальное, я сам во многом виноват. Зачем мне нужно было напиваться в компании подголосков Амина и ему при этом угрожать? Вот меня и подставили... Хотя, клянусь всеми святыми, я и пальцем не тронул эту несчастную старушку, которая была так добра ко мне и, единственная в родной деревне, дала мне приют. Я, вот, целыми днями думаю, как мне выпутаться из этой ситуации. Надеяться на справедливость суда бесполезно. У них здесь все «схва-

чено». Я уже пару лет назад был в похожей ситуации. И тогда мне приписали убийство совершенно незнакомой девушки, которую я даже ни разу в глаза не видел. Организовали «подставных» свидетелей, которые нагло врали суду, а присяжные были все из «чужих», стоило посмотреть только на их фамилии...

Да, это был уже не тот робкий забитый юноша, который бледнел и мямлил при виде меня. Да и не помнил он, наверное, о полудетских симпатиях. Ведь ему через такое пришлось пройти! Я сказала, что мы (не разъясняя, впрочем, кто конкретно) тоже над этим думаем.

Затем, ничего ему не объясняя, я включила свой неизменный смартфон и сказала:

– Лови! – и бросила ему через стол, за которым мы сидели, чехол от своего телефона.

Мне удалось заснять, как он ловит левой рукой, брошенный ему предмет, и я посчитала свою задачу выполненной. Но когда вместе с чехлом Сергей незаметно передал мне записку, задача моя оказалась значительно перевыполненной.

Пятнадцать минут свидания пролетели совершенно незаметно. В ближайшем скверике я присела на одинокую лавочку, несколько раз перечитала записку, содержание которой не стало большим откровением, так как до большинства приведенных Выхухолевым сведений мы с Оглоблиным добрались самостоятельно. Единственно, что было важным, в записке перечислялись телефоны его бывшего начальства из

ЧВК, которым он просил незамедлительно сообщить об обстоятельствах его дела.

Что я тотчас же исполнила, переслав фото записки моему главреду и в свой блог. Когда я на пригородном автобусе вернулась в родную деревню, ко мне подбежала продавщица Лейла и с каменным лицом потребовала срочно явиться к главе нашей деревни.

Он сидел, развалясь, в кожаном кресле перед большим полированным столом на толстых ножках, глава деревни и хозяин нелегального водочного заводика, толстый, с большим животом, важный мужчина, лет под пятьдесят. Нос у него был прямо картошкой, а глаза черные, немигающие и злые.

– Так, – грозно начал он, собираясь, видимо с самого начала разговора запугать меня, – ты почему не поставила в известность администрацию о своем прибытии в нашу деревню?

Голос у Амина был сипловатый и неожиданно тонкий, почти дискант, он мне сразу не понравился. И, потом, я давно уже была не девочка «для битья» и умела за себя постоять.

Я села за стол напротив Амина, достала из своего походного рюкзака смартфон, выложила его на стол и незаметно включила. Затем порылась, не торопясь, в одном кармашке, затем в другом, достала удостоверение корреспондента областной газеты и помахала корочками, не дав ему прочесть, что я и кто я.

– Я отметилась у вашего представителя власти – участко-

вого и даже попросила показать мне достопримечательности деревни. Надеюсь, этого достаточно? – ответила я невозмутимо, не обращая внимания на грубость.

– Это кто здесь представитель власти? Это Митька Оглоблин представитель власти? Запомни девочка: власть здесь один я, а Митька сегодня участковый, а завтра – никто. Тебе понятно?

Это был явный вызов и на него следовало отвечать. Кроме того, решила я, пускай он побесится, глядишь, и выболтает что-нибудь лишнее.

– Во-первых, я вам не девочка, а корреспондент областной газеты, а, во-вторых, вы тоже здесь не вечны. И долго ли будут покрывать районные власти владельца криминального водочного завода – тоже не известно, – ответила я довольно дерзко.

Амина было уже не остановить.

– Да ты, что, угрожать мне вздумала? Был тут один, тоже угрожал. А мы ему одно убийство приписали, а когда он вернулся, как герой военной операции и продолжил мне угрожать – его под второе убийство подвели. Так что сидит он как миленький в СИЗО и ждет суда.

– Ну, вот – подумала я, – ты сам на «десятку» себе уже наговорил.

А глава деревни и не думал останавливаться.

– Ты что думаешь: на тебя у нас управа не найдется? И не надейся. И никакие корочки тебе не помогут. Будешь гореть

в аду, как миленькая!

– Ну, это он хватил через край, – подумала, – схватить меня здесь же, в присутственном месте, он навряд ли посмеет, а завтра я буду уже далеко.

Единственно, о чем я не подумала, так это о ближайшей ночи. Но я довольно легкомысленно, как потом оказалось, пренебрегла грозящей мне опасностью.

Больше делать в этом кабинете мне было нечего, и я постаралась побыстрее выбраться на свежий воздух. Странно только, что мне по-прежнему мерещился отвратительный запах перепревшей барды. Второй странностью было то, что Митя Оглоблин сегодня еще не появлялся.

Но, честно говоря, у меня больше не было сил размышлять над странностями судьбы. Я пришла в домик бабы Нюры, откровенно, как на духу, рассказала ей о событиях последних двух дней. По всему выходило, что мне пора возвращаться в Нижний.

Баба Нюра во всем со мной согласилась и сказала, что тоже решила перебираться к дочери в город.

– А то без тебя они меня просто сожрут, сожрут и не поморщатся, – добавил она.

Напоследок мы выпили по полстопки «Аминовки», которая до сей поры стояла даже не распечатанной, и отправились спать. Водка была отвратительной. И опять мне мерещился запах барды.

– Наверное, это от излишней впечатлительности, – реши-

ла я, – нет, нужно обязательно поскорее уснуть, как говорится, утро вечера мудренее.

Но следующее утро все не наступало, а ночь длилась и длилась. У меня возникло даже странное ощущение, что эта ночь для меня так никогда и не закончится. Потом у меня появилась странная тошнота.

– Это, наверное, я надышалась вредными испарениями от барды, – думала я про себя. – Но почему тошнота все не проходит? Ведь мы с Митей вышли к бывшему пруду уже два дня назад. И как, интересно, чувствует себя Митя?

Потом я почувствовала, как будто мне не хватает воздуха. Это было уже знакомое ощущение. Я переживала его, когда заболела ковидом. Мы заболели все вместе: папа, мама и я. Но папа с мамой умерли, а я все-таки выкарабкалась, хотя меня еще долго преследовали психические атаки – острое ощущение нехватки воздуха. Так было и на этот раз, только все сильнее и дольше.

Я почувствовала, что совсем задыхаюсь и как будто нахожусь под толстым слоем воды. Я взмахнула руками и ногами, чтобы всплыть, и когда моя голова оказалась над водной гладью – я вдохнула воздух полной грудью, и, наконец, проснулась.

Это было просто чудесное пробуждение! Я лежала одна в маленькой комнатке, похожей на больничную палату. За окном ярко светило солнце и весело чирикали воробьи.

Я увидела сидящего рядом со мной на стуле ... Демьяни-

ваныча. Он тихонько себе подремывал, и, увидев, что я не сплю, встрепенулся.

– Митя, идите сюда, она открыла глаза! – закричал мой главред.

Теперь они склонились ко мне оба: Демьяниваныч и Оглоблин.

Демьяниваныч выглядел несколько помятым, видимо, после бессонной ночи, а Митя просто сиял, как до блеска начищенный медный таз. Правда, он почему-то был в больничном халате, и обе его руки до локтей – в бинтах.

Несмотря на продолжающуюся тошноту и сильную слабость, я чувствовала необходимость разобраться в сложившейся ситуации.

– Демьян Иванович, разъясните мне пожалуйста, что происходит: где я, и что все это значит? – я обвела рукой комнату.

– С большим удовольствием, Алиночка. Я тебе сейчас все объясню. Но только пусть тебя сначала осмотрит доктор и разрешит нам общаться.

К нам вошел местный доктор, похожий на доброго Айболита из детской сказки, который назвался Русланом Ивановичем. Айболит Руслан Иванович померил мне давление, посмотрел горло и сказал, что я еще легко отделалась, и через пару дней меня можно будет хоть в «космос запускать».

После этого Демьяниваныч продолжил:

– Ты находишься в районной больнице, куда попала после

пожара в доме твоей бабы Нюры, совершенного подручными этого уголовника Амина.

– А что с ней случилось? – вскрикнула я.

– Слава богу, ничего. Она почти не пострадала. И сейчас находится совсем недалеко отсюда, в квартире своей дочери. Тебе она просила передать привет, когда ты очнешься. Правда, дом ее полностью сгорел.

– А что, я долго была без сознания? – продолжала я допытываться.

– Почти два дня, – последовал ответ, который очень меня удивил.

– Вообще, дорогая моя, ты могла бы никогда больше не проснуться, если бы не наш скромный герой, – главред указал на потупившегося от смущения Митю, – после откровенного выяснения отношений с «хозяином», бандиты связали вашего участкового, заперли в гараже и поехали поджигать ваш дом.

– Но храбрый молодой человек сумел освободиться и с риском для жизни спас из пылающего жилища двух потерявших сознание женщин: тебя и бабу Нюру. Лично я считаю, что за этот героический поступок Оглоблина обязательно должны представить к награде.

– Ну, это более или менее понятно, но как здесь оказались Вы, Демьян Иванович? – продолжала допытываться я.

– Благодаря твоим несравненным стримам, Алиночка, я был в курсе происходящих в Больших Стерлягах событий,

как и многочисленные твои зрители, число просмотров которыми перевалило за сотню тысяч.

Тут я встретила с Митей взглядом и поняла, что мы вполне можем понимать друг друга без слов.

– Тебе было больно? – молча спросила я.

– Да нет, пустяки, пройдет, – отмахнулся мой герой.

– А ну-ка, пошевели пальцами, – приказала я мысленно.

Митя пошевелил обмотанными бинтами пальцами.

– Это ерунда, зато я понял главное: кто были они, и кто такие мы.

Тут Митя прижал свои забинтованные ладони к левой стороне своей груди.

– Молодые люди, может быть вам не интересно то, что я здесь рассказываю? – Демьяниваныч голосом совсем как у нашего школьного учителя прервал наш немой разговор.

– Нет, нет, Демьян Иванович, продолжайте, пожалуйста, мы внимательно Вас слушаем, – взмолилась я.

– Ну, так вот, увидев благодаря твоему видео физиономию Амина, я связался с соответствующими органами и выяснилось, что он давно объявлен в международный розыск за свои «художества» в одной небольшой стране нашего ближнего зарубежья. Обращение по телефонам, переданным Выхоухевым, к руководству ЧВК значительно ускорило все процессы. И сейчас центральный аппарат СК в ускоренном темпе занимается этим вопросом.

Судя по всему, у Амина была неплохо поставлена инфор-

мация, поэтому он вовремя успел улететь на свою малую родину, где им, надеюсь, займутся уже свои органы. А кое-кого из подручных бывшего хозяина успели задержать, а друга вашего выпустили из СИЗО. Они теперь с Митей – единственная власть в деревне Большие Стерляги.

Вот какую революцию, хоть я не очень люблю это слово, ты, голубушка, произвела в родной деревне. Ну, вот и все, я убедился, что с тобой все более или менее в порядке, а мне пора домой, в Нижний. Работа главреда, знаете ли, одной вашей деревней отнюдь не исчерпывается. Надеюсь, и тебя увидеть очень скоро.

Тут я обменялась заговорщицким взглядом с Митей Оглоблиным и умоляюще попросила Демьяниваныча:

– Демьян Иванович, миленький, а можно я задержусь в Больших Стерлягах еще на несколько дней? На каком основании? Да хоть бы по семейным обстоятельствам...